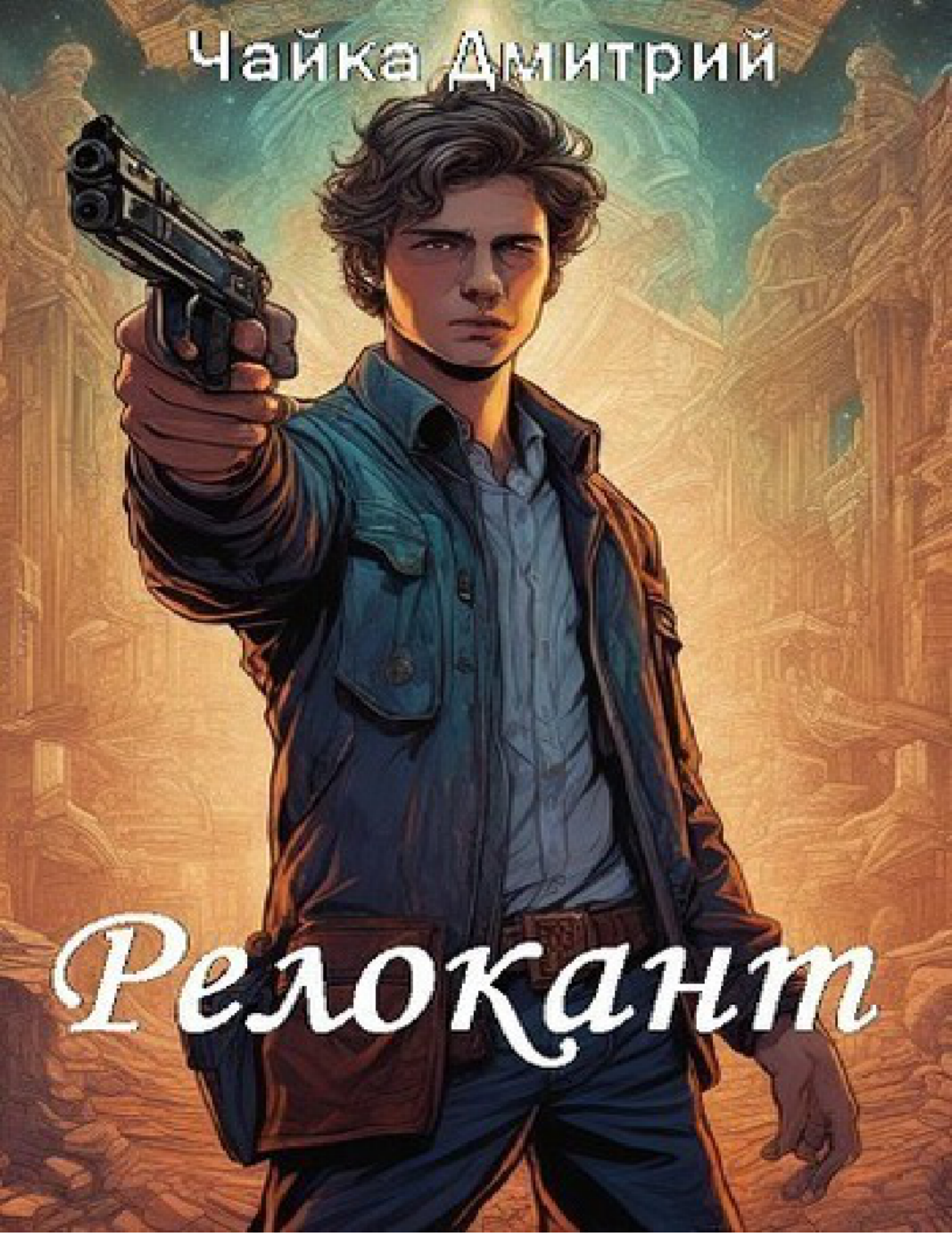
Чайка Дмитрий
Релокант

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Действие происходит в 2047 году.

Железный Занавес разделил мир на две части, на Запад и Восток. Корпорации, лишенные дешевых ресурсов, вынуждены спасать экономику, перенаправив в виртуальный мир всю массу денег, которая чуть не похоронила под своей тяжестью цивилизацию. В виртуальный мир начали переселяться и обычные люди. Зачем платить пенсии и лечить стариков, если они могут работать и платить налоги целую вечность…

- Дмитрий Чайка
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19

Дмитрий Чайка
Релокант

Глава 1

2047 год. Зазеркалье. Дархан. Красная ветвь миров. Тридцать дней после релокации

Мишка бежал по длинному коридору, освещенному тусклым светом потолочных ламп. Он бежал экономно, расходуя сил ровно столько, сколько было нужно. Он выложится там, в самом конце. Обшарпанные стены, покрытые облупившейся краской, тускло поблескивали в такт моргающим лампам. Коридор уходил вдаль почти на километр, и он был прямым, как стрела. Он не зря свернул сюда, в этот тупик. А точнее, это для всех тут был тупик. Там, за предпоследней дверью справа будет Черное Озеро. Ему туда.

Вой гончих раздался за его спиной. В этом вое слышалось торжество и уверенность в своих силах. Гончие знали, что этот коридор заканчивается запертой дверью, которая способна выдержать ядерный взрыв. У Мишки не хватило бы сил открыть ее, а все остальные двери по бокам коридора вели в тупиковые локации, в которых не было ничего полезного. Крошечные мирки размером в гектар. Они были просто пустышкой, и этот факт был проверен сотнями смертей. А иногда там была смерть мучительная, как в Черном Озере, например. Если попасть в любую из боковых локаций, то это верный конец, гончие возьмут в клещи и разорвут. Знающие люди говорят, непередаваемые ощущения. Болевые рецепторы выставлены на стандартный уровень, значит и боль будет самой настоящей. Настоящие хищники убивают быстро, разрывая зубами шейные сосуды. Тут все было наоборот, гончие рвали, начиная с ног, медленно подбираясь к жизненно важным органам. Господи боже, и какой псих придумал такое в виртуальном мире? Кому это вообще было нужно?

Мишка побежал, что есть сил. Он уже начал жалеть о своем решении. Он же еще малек, сявка, желторотый птенец. Ему же не зря советовали посидеть в Преддверии годик-другой, набираясь опыта. Но он не послушал, нет у него столько времени.

Гончие всегда шли тройками. Почему тройками? Да потому что завалить одну гончую для новичка, при определенном везении, было возможно, двух — невероятно тяжело. Это было почти эпическим подвигом, о котором шумел форум и ленты новостей во всех Красных Мирах. Трех гончих в одиночку пока еще не убивал никто и никогда, а вот Мишке сегодня придется

это сделать. У него просто нет выбора, ведь это единственный быстрый путь, который поможет вырваться в Преддверие Желтых Миров. Так сказал Оракул, а он крайне редко давал определенные советы. Чаще это был густой словесный туман, навеянный той дурью, которую Оракул вгонял в себя кубометрами. И что на него нашло тогда? Ведь он открытым текстом сказал Мишке, что нужно сделать. И даже взгляд пожилого обдолбанного негра с дредами на голове в этот раз был на диво ясным и цепким. Мишка еще никогда его не видел таким.

Вой гончих приближался, и парень кожей ощутил жуткую смерть, что неслась за ним на всех парах. Как только эта тройка обнаружит его, она подаст знак остальным псам. У него будет еще минут пять-семь. Если он не уложится в это время, ему уже ничего не поможет. До заветной двери двести метров… сто пятьдесят… сто… В уши ударил тяжелый низкий рев, почти на грани слышимости. Его засекли! Гончие слышали в другом диапазоне, но инфразвук, который они испускали при виде жертвы, приводил ту в панический ужас, лишающий воли и заставляющий делать глупые ошибки. Звук потек по коридору липкой удушливой волной, отражаясь от стен и потолка, переплетаясь тугими узлами и порождая отголоски в самых дальних его углах.

Коридор был узким, а потому гончие бежали цепочкой, одна за другой. Заветная дверь была за Мишкиной спиной, когда из сумрака появилась первая из них. Длинное упругое тело, покрытое угольно-черной лоснящейся кожей, длинная пасть, усаженная острейшими клыками и острый нюх. Глаз в обычном понимании у этих тварей не было. Поговаривали, что они чувствуют определенный спектр электромагнитных волн, но это были только слухи. Гончие об этом никому не рассказывали, потому что разговаривать не умели. Но зато они умели открывать запертые двери, и это было просто удивительно. А еще они были способны очень долго бежать, загоняя жертву, чтобы ускориться на последнем этапе, покрывая в два-три прыжка расстояние до жертвы.

Пятьдесят метров до гончей… Двадцать пять… Пятнадцать… Десять… Пять! Сейчас!

Мишка вскинул пистолет, который выдал ему на входе смотритель, и нажал на курок. В нем всего лишь один патрон, и промазать нельзя. Выстрел пришелся в грудь, и стокилограммовая туша доехала до Мишкиных ног, укоризненно глядя на него потухающим взглядом.

— Есть! Есть! — Мишка заорал от восторга, глядя, как гончая рассыпалась в мельчайшую пыль.

Он скосил глаза на черный браслет, охватывающий левое запястье. На панели ярко вспыхнула Руна Феху, первая руна из тех трех, что ему предстоит собрать. Но расслабляться нельзя, вторая гончая была в пяти секундах от первой, которая слишком уж увлеклась погоней. Третья была рядом со второй, тут Мишке не повезло. Он открыл заветную дверь, проскочил внутрь и захлопнул ее прямо перед разочарованной мордой пса. Или не пса… Эта тварь не была похожа ни на одно живое существо. То ли пантера, то ли собака, да и от куницы в ней тоже что-то было. Мишка привалился к двери спиной. Какое-то время она удержит их, надо восстановить силы. Они не смогут открыть дверь, пока он держит ручку изнутри, это было известно всем. Но гончие обладали бесконечным терпением, ведь, в конце концов, они и живыми-то не были.

Тут было жарко, очень жарко! Если в коридоре за спиной было плюс двадцать, по ощущениям, то здесь было не меньше сорока пяти в тени. И влажность! Влажность была просто чудовищной! Пот потек ручьями, а Мишка осмотрелся. Несомненно, он был в джунглях. Он видел джунгли по телевизору, когда еще был живым. Странно звучит, ведь он ощущал себя живее некуда, и даже сердце прыгает в груди, словно бешеный заяц. Да и одышка разрывает ребра острой болью, словно он и не внутри колоссального сервера, а в школе, на уроке физкультуры. Пора!

Мишка приоткрыл дверь и рванул к берегу озера, благо до него было рукой подать. Оно не зря называлось Черным. Оно таким и было, а его неподвижная ртутная гладь напоминала зеркало, которое не тревожили всплески рыб или упавший листик. Озеро было мертво, и оно убивало любого, кто посмел войти в его воды. Убивало наверняка, это тоже было проверено сотнями новичков, легкомысленно тратящих первые три-четыре жизни. Лишь потом, когда в запасе не останется почти ничего, появляется понимание, что надо быть осторожней, ведь их всего десять. Но уже становится поздно. Глупые людишки, что были никчемными даже тогда, когда были живыми, попадая в «Зазеркалье», не становились умнее. Они так и не использовали тот шанс, что давала им система, и сгорали дотла, словно свеча, исчезая из обоих миров навсегда.

Мишка подошел к берегу. Он не должен попасть в воду. Чтобы не случилось, он не должен! Пока не должен!

Дверь медленно открылась, и вторая гончая повела безглазой головой, на которой шевелились влажные ноздри. Вновь раздался низкий рев, от которого у Мишки даже зубы заныли, и чудовищный пес рванул вперед, раскрыв огромную пасть. Мишка

и не подозревал, что гончие могут так раскрывать рот. Будто там и вовсе не было челюстного сустава. Хотя… Какой, к чертям, может быть сустав у компьютерного кода. Мишка достал нож, последнее из оружия, полагавшегося новичку. У него есть один удар, и нет права на ошибку, ведь эту шкуру ножом не пробить. Огромная пасть все ближе, и Мишка ударил острием прямо в глотку. Огромные зубы сомкнулись, откусив его кисть, а гончая осыпалась тончайшим песком.

— А-а-а! — заорал Мишка от невыносимой боли.

Из культи хлестала кровь, и он краем сознания заметил вспышку на браслете. Руна Уруз стала на свое место. Но сейчас это почему-то радовало несильно. Все это заняло какие-то мгновения, и последнее, что Мишка увидел, была туша третьей гончей, распластавшейся в прыжке. Он успел вступить в черную воду, густую, словно кисель. Эта вода и сейчас осталась мертвенно неподвижной, но по ноге уже пополз холод яда. Того самого яда, что убьет его через пару минут. Гончая сбила Мишку с ног, и он беззвучно упал в ледяную жидкость, захлебываясь собственной смертью. Тоскливый вой гончей резко оборвался, их вода озера убивала моментально, но они, к счастью, были туповаты. Мишка умирал тоже, но на браслете уже вспыхнула руна Турисаз, возвещая переход в следующий мир. Оракул не наврал. Он все-таки смог!

За двадцать лет до этих событий. Год 2027. Отель «Билдерберг». Город Остерберк. Нидерланды

Заштатный городишко в сытом европейском захолустье, маленький, чистенький и тошнотворно скучный. Таким был Остерберк, не примечательный ничем, кроме того, что именно здесь, в 1954 году произошло первое заседание Билдербергского клуба. Клуба, в котором полторы сотни человек решали судьбы мира. Сюда не пускали всяких «золотых» мальчиков, заработавших свой первый миллиард в двадцать лет. Сюда не пускали глав государств третьего мира, как не пускали ярких и модных политиков. Сюда приглашали финансовую элиту планеты, топовых журналистов и профессоров философии. Тут непременно присутствовали представители по-настоящему «старых денег», по сравнению с которыми даже Ротшильды были нуворишами. Заседания частенько вели принцы крови и королевские особы, представляя своим авторитетом древнюю аристократию Европы, владельцев ее земель и недвижимости в

центре европейских столиц. Впрочем, «золотые» мальчики тоже иногда бывали здесь, но только когда их вызывали взрослые дяди, как, например, сегодня.

— В этом виски определенно что-то есть, Билл, — глава одной из крупнейших финансовых корпораций сделал острожный глоток. — Сколько ты отдал за него?

— Семьдесят тысяч за бутылку, Уоррен, семьдесят тысяч, — самодовольно ответил другой бизнесмен, сидевший напротив и увлеченно поедающий гамбургер. Из всей элиты мира только он один ел эту дрянь. Об этом знали все, а потому повара отеля, едва сдерживая брезгливость, готовили это блюдо для одного из самых влиятельных людей планеты. В этой комнате был еще десяток человек, главы инвестиционных компаний с активами не менее пяти триллионов долларов на каждого. Собственно, они, как портфельные инвесторы, и владели двумя третями мировой экономики. Средний возраст присутствующих был сильно за семьдесят. Тут точно не было никого младше шестидесяти пяти, зато были те, кто перешагнул столетний рубеж.

— Надо прикупить ящик-другой, — задумчиво сказал Уоррен, катая на языке уникальный напиток. — Прекрасный букет, просто прекрасный. Где ты его взял, Билл?

— Так что будем делать? — нетерпеливо спросил глава корпорации «Блэксток». — Времени почти нет! Мы едва держим рынки!

Присутствующие поморщились. Вот ведь торопыга какой, а почти десять триллионов в управлении. И как он такими деньгами рулит, не имея и толики терпения.

— Лоренс, Лоренс…, — укоризненно сказал Билл. — Вопрос уже решен, ты же знаешь. Наши аналитики нашли выход.

— Нашли! — уныло забубнил Лоренс. — Если они ошиблись, нам конец. Финансовой системе остался жить год. А потом все! Крах! Катастрофа! Мы не можем больше печатать деньги. Русских денег у нас больше нет, китайских тоже. Арабы и индусы перекладываются в золото. Японию, Корею и Европу мы вычерпали до дна. Мы едва сдерживаем поток облигаций, который идет на рынок!

— Все уже решено, Лоренс, — Чарли, перешагнувший столетний рубеж, посмотрел на Лоренса из-за толстенных линз. Мастодонт бизнеса был старомоден, и не хотел вставлять искусственный хрусталик, обходясь очками. — Даже Большие Парни согласны, что это единственный выход. И, правда, чего мы тянем? Зовите сюда этого балбеса.

Марк Гутенберг, самый золотой из всех «золотых» мальчиков на свете, поднялся в президентский люкс, изрядно нервничая. Он

не ждал ничего хорошего от этих людей. Да, он икона бизнеса, пример для всех молодых стартаперов мира. Его состояние исчисляется десятками миллиардов долларов, но по сравнению с этими людьми он полное ничтожество. Он застыл перед дверью, поправил зачем-то прическу и сделал несколько медленных вдохов, которым его научила жена-азиатка. Потом он решительно открыл дверь.

— Вы хотели меня видеть? — Марк упрямо посмотрел на этих людей. Он их ненавидел и боялся, а они презирали его и одновременно им восхищались. Смешной чудак с амимичным рыбьим лицом создал миллиардный бизнес из ничего, но он уже не владел им. Просто пока он об этом не знал.

— Пятьдесят пять процентов, Марк, — проскрипел откуда-то из темноты один из стариканов. — У нас контрольный пакет.

— Так вот почему так взлетели акции, — молодой мужчина опустил плечи, разом постарев на десять лет. — Это вы скупали их. Говорите, что вам нужно.

— Твоя Бетавселеннная! — припечатал его Билл. — Мы готовы инвестировать в нее еще триллион.

— Она не готова! — вскинулся Марк. — Мне нужно еще лет пять-семь, и тогда…

Он даже зажмурился, уйдя в свои мечты, а собеседники смотрели на него с жалостью, как на больного ребенка. Они жили в мире цифр, в нем не было места розовым пони и радуге.

— У тебя полгода, — жестко ответил Уоррен, делая глоток виски стоимостью в две годовые зарплаты американского учителя за бутылку.

— Невозможно! — Марк мотнул курчавыми патлами, выражая резкое неприятие. — Это же Бета! Вселенная! Бета, понимаете? Это же тест! Ее же глючит так, что у меня разработчики с ума сходят.

— Это ты не понимаешь, мальчик, — мягко ответил Чарли, выкатив вперед свою коляску на электроприводе. Он был самым дипломатичным из всех, потому и взял на себя разговор с этим большим ребенком. — Доллары скоро вернутся домой, Марк. Все, что мы печатали пятьдесят лет, будет предъявлено к оплате. Ты понимаешь, что случится тогда?

— Катастрофа, — побледнел Марк. — Инфляция триста-четыреста процентов, банкротство рынков и всех пенсионных фондов, и гражданская война на закуску. Но почему именно сейчас?

— Так должно было случиться, — пожал плечами Чарли. — Эта финансовая модель себя исчерпала, не более того. У Рейгана получилось, и он сокрушил Советский Союз, начав печатать

необеспеченные деньги. Но все понимали, что делать это вечно невозможно. За все надо платить.

— Да, но при чем тут я? — не на шутку удивился Марк.

— Капиталу нужны новые стимулы для роста, — пояснил Чарли. — Рынку нужны новые потребители, которые заместят нам китайцев, индусов, русских и арабов.

— Я, кажется, понял! Вы хотите перенаправить все токсичные активы в Бетавселенную! — лицо Марка прояснилась. — Это серьезно! Я в деле!

— Сколько миров ты можешь создать там, подобных Земле? — деловито поинтересовались истинные владыки этого мира.

— Теоретически, сколько угодно и на любой вкус, — пожал плечами Гутенберг. — Хотите быть дельфином, пожалуйста! Хотите стать ковбоем на Диком Западе — нет проблем! А может, вы хотите стать падишахом и жить в немыслимой роскоши — и это возможно. Покупай бриллиантовый аккаунт — и мы сделаем тебе персональный рай.

— Я же говорил вам, что он не безнадежен, а вы не верили, — хрипло проскрипел Чарли, издав звук, похожий на тот, который издает резинка, когда ей водят по стеклу. Это он так смеялся. — Я, пожалуй, куплю себе такой аккаунт перед тем, как умереть. Только не бриллиантовый, а что-нибудь посерьезней.

— Да зачем тебе это, Чарли? — захохотал Марк. — Ты ведь даже калькулятором пользоваться не умеешь! Ты все еще крутишь ручку арифмометра! Зачем тебе такой аккаунт? Ты хочешь поиграть пару раз перед смертью?

— Я ошибся, — разочарованно ответил Чарли. — Он все-таки кретин, хоть и очень умный. Понимаешь, мальчик, я вообще не собираюсь умирать. А еще я хочу, чтобы и остальные люди тоже не умирали. Нам нужны потребители, Марк, очень много потребителей. Гораздо больше, чем есть у нас сейчас. Видишь ли, решая, как остановить новую Великую Депрессию, мы случайно открыли бессмертие.

Глава 2

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Германия. За две недели до релокации

Михаэль Кляйн шел по улице, пиная пустые банки. Это по записи в айди он был Михаэль, а дома мама, переселенка из Казахстана, звала его Мишкой. Он родился здесь, и притяжения далекой родины не ощущал. Да и нечего было ощущать. Между Западом и Востоком опустился железный занавес, который был похлеще, чем в годы Холодной войны. Даже интернет разделили, блокируя выход на вражеские ресурсы. То, что творилось там, за рубежами Свободного Мира, для всех оставалось загадкой. Лишь телевидение и новостные сайты рассказывали про жизнь за восточной границей страшные истории, от которых впечатлительные личности досрочно седели и обзаводились памперсами. Но Мишка этому не верил, слишком уж они перегибали палку. Хотя там тоже было не сладко, это факт. Мама рассказывала ему, что когда мир разорвали напополам, как старую газету, то никому от этого лучше не стало. Напротив, очень сильно выросли цены, а зимой в домах похолодало градуса на четыре. Русские ушли и унесли с собой дешевый газ. Потом сделали ручкой арабы. Потом исчез китайский ширпотреб. Все стало дорого, очень дорого. Впрочем, зеленая энергетика всех спасет, нужно просто потерпеть. Так им говорили. Мишка терпел. Ну, а что еще ему оставалось делать?

С работой было туго, и вот прямо сейчас ее не было совсем. Тут, на востоке Германии, и раньше было похуже, чем на западе, но сейчас везде одинаково хреново. Впрочем, в Халифате совсем скверно, говорят. Целые страны теперь живут по шариату, который ввели на референдуме в прошлом году. Наивные шведы, которых осталось меньшинство в собственной стране, учатся носить хиджаб и платят джизью, налог на неверных. Впрочем, тут, в бывшей ГДР гостей с жаркого юга куда меньше, чем на западе. Не приживаются они здесь, и уходят в более зажиточные земли. Мусульманский квартал в Финстервальде — всего несколько улиц.

На носу референдумы в Нидерландах и Дании, и их результат уже ясен всем. Тяжело проголосовать, когда на улицах толпятся тысячи чернявых парней, которые настоятельно советуют местным посидеть дома до завтра, во избежание травмы, ведь на улице сильный гололед. Он частенько бывает в начале сентября…

В конце двадцатых, когда развалился Евросоюз, воцарился хаос. Испания, Италия и Греция отказались платить по долгам. Да и нечем им было платить, он все проели на три поколения вперед. На Балканах снова вспыхнула война всех против всех, и на север хлынули десятки тысяч албанцев, изгнанных из родных мест. Мужики, знающие, как держать автомат, осмотрелись, и примкнули к Халифату, наплевав на тех, кто дал им кров и еду. Беспробудный мрак длился почти десять лет. Тяжелое было время. Мишка тогда был маленьким, но до сих пор помнит насмерть перепуганную маму, которая прижимала его к себе, когда на улице снова начинали стрелять. Прошло несколько лет, и жизнь понемногу вошла в колею. Прежние, сказочные времена помнили лишь люди старше сорока, которые брюзжали, глядя на рассыпающиеся дороги и облезлые, изрисованные граффити, фасады домов. Мишке на это было плевать, он и не знал, как может быть по-другому.

— Новый счастливчик! Джейсон Монро! Прошу! — новый выпуск шоу, которое Мишка так ненавидел, включили в тошниловке, мимо которой он имел несчастье пройти.

— Он заработал достаточно, — надрывался противный ведущий, — чтобы купить серебряный аккаунт у корпорации «Бета». Он поднялся с самого низа, а теперь у него есть собственный дом, машина и страховка! И теперь ему всегда будет двадцать пять!

— О-о-о! А-а-а! О-о-о! — в фальшивом восторге бесновалась массовка в студии, которая этого самого счастливчика ненавидела до зубовного скрежета.

— Скажите, Джейсон, как вы добились этого? — верещал ведущий.

— Я из первой волны релокантов, — ответил смущенный Джейсон, подтянутый мужик с белоснежной искусственной улыбкой. — Это было почти двадцать лет назад. Я попал в Зеленую зону и пошел работать в риэлторскую контору. Вы же помните, какой бум был в то время на недвижимость в Зазеркалье. Тогда-то я и заработал основные деньги. Даже детям, которые остались там, в реале, смог помочь.

— Не Зазеркалье, Джейсон! — укоризненно посмотрел на него ведущий. — Земля-2! Мы тут не произносим это сленговое название.

— Да, конечно! — поправился Джейсон. — Земля-2. Просто ее все так называют.

— Удивительно! Потрясающая история! — заверещал ведущий, такой же виртуал, как и счастливчик. — Открой нам тайну, Джейсон, ты будешь менять пол? Твои подписчики

замерли в ожидании! Я читал комментарии на твоей страничке, многие думают, что ты станешь не Джейсоном Монро, А Мэрилин!

— Я, пожалуй, останусь мужчиной, — смущенно ответил Джейсон. — Я слишком старомоден для этого.

— Жаль! Упустить такой шанс! — разочарованно протянул ведущий, но потом игриво подмигнул. — Тогда ты, наверное, прибавил себе кое-где пару сантиметров. Да, Джейсон?

— Ну…, — смутился герой.

— Не стесняйся! — наседал на него ведущий. — Ну, же!

— Прибавил немного, — ответил пунцовый Джейсон.

— Вот! — торжествующе проревел ведущий. — Счастливчик! Ты уже решил, в какой мир отправишься жить? Ты выбрал себе суперсилу?

— Я думал стать эльфом, — помялся Джейсон. — Это было моей детской мечтой.

— И теперь его мечта сбылась! — заорал ведущий, который вскинул руки в экстазе. — Узрите!

— Вот твари! — сплюнул немолодой уже владелец кафешки, он же повар и официант в одном лице. — Теперь даже сдохнуть нельзя по-человечески, отправляют в это гребаное Зазеркалье. А вот если я не хочу пахать еще одну вечность? Что тогда делать?

— Умри, — пожал плечами Мишка. — В зеленой зоне всего две запасных жизни. Три раза спрыгни с крыши, и делу конец. Только, говорят, болевой порог при самоубийстве повышен втрое, очень неприятно будет. И каждое новое самоубийство будет больнее в три раза, чем предыдущее. А так — раз плюнуть.

— Тебе легко говорить, — проворчал тот. — У вас молодых, ветер в голове. Ишь, придумал, с крыш прыгать! Грех это смертный!

— Бога нет, — механически ответил Мишка. — Иначе как бы он все это допустил? В Германии не осталось ни одной действующей церкви, забыл?

— Как это бога нет? — фанатично сказал владелец кафе. — Это же конец времен. Господь явил нам ад и рай.

— У меня парочка знакомых перебралась в Зазеркалье, — пожал плечами Мишка. — У одного была лейкемия, а второй смог доказать в суде, что жизнь в реале ущемляет его гражданские права. Они говорят, что в их мире вполне неплохо. И аренда жилья намного дешевле, чем в реале. Мы частенько созваниваемся.

— Мне вчера сделали слепок матрицы, — обреченно сказал владелец кафе. — Мне через полгода шестьдесят пять стукнет. В магистрате сказали, что отсрочку не дадут. Сволочи! Меня через

полгода усыпят, как больного пса, тело пустят на белок для пищевых брикетов, а потом переселят в какой-то сраный компьютер, где я снова должен буду работать и платить налоги. Только в отличие от этой жизни, вечно! Понимаешь, парень? Вечно!

— Земля нуждается в отдыхе, — ответил заученной фразой Мишка. — Мы спасаем экологию и не обременяем собой природу.

— Ты это черным расскажи, — хмыкнул его собеседник. — Они плодятся, как кролики, и ни в какое Зазеркалье лезть не собираются.

— Нет, я слышал, как один из них по телеку высказался, — возразил Мишка. — Он сказал, что именно там рай для праведников, с гуриями и прочими причиндалами.

— И что, там, правда, есть гурии? — с интересом посмотрел на него владелец кафе.

— А в чем проблема? — удивился Мишка. — Это ведь сделать куда проще, чем стариков на пенсии содержать. Я тестировщиком подрабатывал на этом проекте. По семьдесят марок в день платили, между прочим. Там, кстати, простейшая локация. Хлеб, фрукты, мясо, ручеек и немного деревьев. И что характерно, они и там тоже не работают.

— Нет, — покачал головой владелец кафе, — они на это не пойдут. Им набор железок не заменит Бога. Они как раз веруют в него по-настоящему. И стариков своих они почитают, в отличие от нас, цивилизованных людей. Они не станут избавляться от них таким образом. Нет, я в это просто не верю.

— Посмотрим, — пожал плечами Мишка. — Я думаю, деньги закончатся, и они засунут своих стариков и больных в Зазеркалье, как миленькие. Сейчас и молодые без работы сидят, не то, что старики.

— Поешь чего-нибудь? — с надеждой спросил владелец кафе.

— Денег нет, — с сожалением ответил Мишка. — А тебе работник не нужен?

— Смеешься, да? — вздохнул крепкий еще немолодой мужчина. — А, черт с тобой. Садись за стол, накормлю. Заплатишь, когда сможешь.

Зазеркалье. Преддверие Красной ветви. Первый день после релокации

Огромный зал приемного покоя уходил в бесконечность. Золотистый круг, в котором вдруг возник Мишка, вспыхнул

ярким светом и потух.

— Двигайтесь вперед, не задерживайте прибывающих! — равнодушный механический голос вывел Мишку из состояния ступора. — Для вашего удобства на пол нанесены стрелки. Следуйте указателям! Спасибо, что соблюдаете правила.

Мишка двинулся вперед, переступая своими новыми ногами. Он был в Зазеркалье, это точно. Но разницы он не чувствовал. Он был живым! Просто живее некуда! Мишка ущипнул себя для верности. Больно! Он подпрыгнул, потом присел и ощутил, как хрустнули колени, словно он часа три летел перед этим в самолете. Хотя, кого он обманывает, он никогда не летал на самолете. Он из своего города почти никуда и не выезжал. Откуда у безработного парня из глубинки деньги на путешествия?

— Земля-2 приветствует тебя, релокант, — ослепительно красивая блондинка улыбнулась Мишке так, что у него что-то сжалось в груди. Интересно, тут стояк по утрам бывает? — посетила его неожиданная мысль. Надо будет проверить. Обычный стояк вроде бы есть.

— Ты попал в Красную Ветвь миров, релокант, — продолжила блондинка. — Я проведу вводный инструктаж. Он будет сохранен в твоей памяти. Потом ты сможешь пересмотреть его, он уже помещен в твою коллекцию видеофайлов. Для большего удобства инструктаж выделен красным флажком.

— Итак! — продолжила блондинка. — Ты попал в Красную Ветвь миров, а это значит, что здесь максимально опасно, но и награда тоже максимальна. Тебе дается десять жизней, релокант. Постарайся потратить их с умом. Ведь если тебя убьют в десятый раз, ты просто исчезнешь в обоих мирах. Сейчас у тебя бронзовый аккаунт, а это значит, что смена имени, пола и внешнего вида тебе недоступны. Пока ты слаб, глуп и беспомощен. Тебе недоступно даже простейшее заклинание. Я уверена, ты делал осмысленный выбор, когда нарушал законы нашего демократического общества. Ты готов рисковать, релокант, и это главное! Ты можешь приобретать новые навыки, преодолевать препятствия и зарабатывать деньги. Большие деньги! Удачи тебе, релокант!

— Э-э-э…, — не понял Мишка. — Это что, все?

— Земля-2 приветствует тебя, релокант, — все так же ослепительно улыбнулась блондинка. — Ты желаешь пройти инструктаж еще раз?

— Нет, — ошалело посмотрел на нее Мишка. — Не желаю. А куда идти-то теперь?

— Земля-2 приветствует тебя, релокант, — вновь улыбнулась блондинка, но парень не стал ее слушать и побрел, следуя

зеленым стрелкам на полу.

Он шел минут пять, а стрелки закончились у самого обыкновенного лифта, только новенького и сияющего нержавейкой, как… Мишка не знал, что еще так сияло в его прошлой жизни. Машина смотрящего по их району, пожалуй. Больше ничего в голову не приходило. Дверцы закрылись, а Мишка уставился на панель, где расположилось с полсотни кнопок без каких-либо опознавательных знаков. Все кнопки были абсолютно одинаковыми, кроме одной, в центре. Она была существенно больше.

— Выберите ваш новый мир, — раздался механический голос. — Изменить выбор будет невозможно. Если вы не сделаете выбор самостоятельно, то система сделает это за вас. Большая кнопка в центре приведет вас в Преддверие Красной Ветви Миров. Это наиболее безопасная зона, где релокант может пройти адаптацию. Десять, девять, восемь, семь…

— Да хрен тебе, — ответил лифту Мишка, — какая-то железяка за меня выбор будет делать. — И он ткнул в большую кнопку в центре. Ему очень хотелось пройти адаптацию. Ему посоветовали начать именно оттуда. Посоветовали еще там, дома…

Что характерно, лифт никуда не поехал, но дверь бесшумно открылась, показав самую обычную улицу.

— Преддверие приветствует тебя, релокант, — раздался торжественный голос. — Здесь максимально привычная для тебя городская среда. Компания Бета заботится о комфорте прибывающих! Удачи!

— Я дома? Надо было сдохнуть, чтобы опять в такую же задницу попасть? — изумился Мишка, который разглядывал дорогу с выбоинами, собачье дерьмо на тротуаре, расписанные кислотными красками стены домов и угрюмых прохожих. — Я же вроде бы только что оттуда!

Он повернулся, но сзади была все та же улица без малейших признаков лифта. Вот и все, здравствуй Красная Ветвь. И где же тут невероятные опасности, о которых все говорили? Он побрел вперед, с любопытством оглядываясь по сторонам. В животе заурчало и, к собственному удивлению, Мишка почувствовал, что сильно проголодался. И не только проголодался, но и устал. Какого черта? Он же теперь часть компьютерной программы, у него даже браслет какой-то на руке появился. Странный браслет, гладкий, черный, как антрацит, и снять его не получается. Деньги! Где деньги? Не может же он сюда без подъемных заехать. Тут, в отличие от других миров, в ходу были бумажные деньги. Вот они, в кармане! Целых двести долларов. Немного, —

расстроился он. Это пятьсот привычных ему марок. На какое-то время хватит, а потом придется зарабатывать. Насколько он знал, смерть от голода в виртуальном мире не является невозможной. Напротив, от него умирали довольно часто и со всеми сопутствующими ощущениями.

Когда не знаешь, куда идти, нужно идти куда-нибудь. Тогда обязательно куда-нибудь придешь. Так говорилось в книжке, которую ему любила читать мама. Мишка брел по улице без всякой цели, просто пялясь на знакомые до боли пейзажи. Вот ведь угораздило его! И он сам это выбрал! Ведь в Зазеркалье есть локации на любой вкус. От мира, где люди воюют с гигантскими разумными насекомыми до мира, где они с ними же совокупляются. Все зависит от твоего аккаунта. Говорят, что начиная с золотого, ты уже можешь сам выбирать то, что хочешь из тысяч сценариев своей будущей жизни, меняя их раз в десять лет. А ведь золотой аккаунт — это еще далеко не конец. Для людей, по-настоящему богатых вообще нет ничего невозможного. Престарелые миллиардеры залили корпорацию «Бета» реками денег к ярости своих наследников. Говорят, что есть и платиновый, и рубиновый, и даже бриллиантовый аккаунты. Но все это уже было слухами. Если у тебя нет солидного счета и персонального менеджера в банке, то тебе об этом и знать незачем. Только расстраиваться будешь. Серебряный аккаунт — вот предел мечтаний обычного человека. Миллион долларов он вроде бы стоит. Доступно хорошим врачам, адвокатам, бизнесменам средней руки и чиновникам. Покупаешь страховку и выплачиваешь ее до шестидесяти пяти лет. А потом идешь в пункт эвтаназии, откуда тебя отправляют в мир иной, где ты продолжаешь жить вечно, работая и платя налоги. И жить там ты будешь куда лучше, чем в реале, потому что теперь навсегда останешься молодым, красивым и здоровым. И даже сможешь выбрать себе новый мир, пол и даже расу из специального каталога. Естественно, и полов, и рас было сильно больше, чем сто. Эльфы, гномы, орки — это так банально, что и говорить об этом не хочется. А как вам прожить десять лет огненным элементалем? А роботом-трансформером? А гигантской рогатой змеей? Фантазия дизайнеров не знала удержу, и каталоги для пресыщенных богатеев становились все толще, предлагая все новые и новые наслаждения. Даже чувственные переживания там были на высшем уровне. На уровне, который был недостижим в реальной жизни. Ведь матрица релоканта подвергалась настройке, увеличивая или уменьшая те или иные эффекты. Эти переживания даже специально разрабатывали, беря за основу чувства человека, который занимается сексом с любимой

женщиной, или принимает тяжелые наркотики, или болеет на боях без правил. Эффект гормонов, многократно усиленный программой, дарил просто незабываемые ощущения. Только плати.

Ну, а жизнь простых смертных в Зазеркалье не слишком отличается от реала. Работа, дом и просмотр дебильных сериалов. Бухгалтеры, журналисты, дизайнеры, проектировщики, банковские клерки… Всех этих людей даже не увольняют после смерти, а просто переводят на удаленку, словно при эпидемии КОВИД-34, КОВИД — 41 или любой другой дряни, которая регулярно посещает Землю. Умершие становятся релокантами, словно служащие какой-то корпорации, которая переносит свою штаб-квартиру из мусульманского Антверпена в куда более спокойный Будапешт.

Тут все было почти как на Земле-1, только детей пока родить нельзя, хотя, по слухам, над этим упорно работают. Экономике нужны новые потребители, а Природа хочет отдыха от человечества. Так Мишке говорили с первого класса и он, в общем-то, был с этим согласен. Но, то, что было сказано, справедливо лишь для Зеленой Ветви, уютной, скучной и безопасной. В Желтой все было повеселее. Там жизнь напоминает Средневековье, Дикий Запад и Парк Юрского Периода одновременно. Мишку водили туда как-то, в далеком детстве. Очень интересно было на живых динозавров посмотреть. В Желтую Ветвь отправляли людей с низкими социальными баллами. На перевоспитание.

А вот он сам оказался в Красной Ветви, в том самом месте, хуже которого не было. Сюда попадал лишь один процент от всех умерших. Опасные преступники, сумасшедшие, адреналиновые наркоманы и люди, которым нужны были деньги. Очень много и очень быстро. Как Мишке, например…

— Эй, парень, — окликнул его рыхлый толстяк с мешками под глазами. — Давно в Песочнице?

— Да только заехал, — ответил Мишка, тут же вспомнив, что Песочницей называли Преддверие, которое считалось учебной зоной. Именно отсюда потом расходились оцифрованные души людей в сотни разных других миров, которые множились каждый день, словно метастазы раковой опухоли. Именно здесь была перевалочная база, откуда можно было отправиться куда угодно.

— Тогда у тебя должно быть много вопросов, — оживился толстяк. — Ты же ничего не знаешь о местной жизни.

Мишка, и впрямь, ничего о ней не знал. Связаться можно было только с теми, кто жил в мирах Зеленой Ветви Зазеркалья. С другими ветвями контакты были запрещены, и о них лишь ходили

всякие слухи. Попасть в Красную Ветвь и вовсе считалось делом постыдным, вроде как в тюрьме отсидеть, или подцепить неприличную болезнь.

— Пойдем, — приглашающе махнул рукой толстяк. — У меня тут образовательный бизнес. Я за небольшие деньги объясняю новичкам, что не стоит делать в Красных мирах, и чего нужно опасаться.

— Ну, пойдем, — согласился Мишка. И впрямь, может, полезно будет. А если дорого окажется, можно ведь и отказаться.

— Заходи, — открыл перед ним дверь толстяк.

— Ой! — в голове Мишки будто взорвалась бомба, а сознание начало тухнуть, словно лампочка. — Неужели по голове дали? — а пока он терял сознание, где-то там, далеко он слышал слабеющий голос толстяка.

— У нас все без обмана, парень. Урок первый: незнакомые люди и темные помещения могут быть опасны. И возьму я с тебя за этот урок совсем недорого. Всего двести баксов. Еще спасибо мне скажешь.

Глава 3

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. За две недели до релокации

— Мам! Я дома!

Старинная гэдээровская пятиэтажка, облепленная плитами пенопласта полуметровой толщины, когда-то была раскрашена яркими красками. Теперь стены домов в их районе были покрыты толстым слоем въевшейся пыли, и лишь после дождя прежние веселые цвета робко выглядывали из-под слоя грязи, как бы напоминая о прежней жизни. Впрочем, стальные двери подъездов и решетки на окнах эти воспоминания тут же убивали на корню. Безопасные времена остались в далеком прошлом.

Крошечная квартирка, которую снимала Мишкина мама, скорее напоминала конуру. Уж слишком дорого стоило отопление, чтобы учитель математики и вчерашний школьник, перебивающийся случайной работой, могли позволить себе что-то большее. Отца своего Мишка и не помнил. Он уехал на заработки, когда все покатилось под откос, а в родном городе не осталось работы. Где-то там, в хаосе рухнувшего мира, он и сгинул. Сейчас было лето, и рекуператор не работал, позволив солнцу заполнить квартиру липкой удушливой жарой. Они терпели изматывающий зной стоически, не желая переплачивать за электричество. Впрочем, и соседи делали то же самое. Проклятый рекуператор, надрывно гудящий в подвале, врубали лишь зимой, чтобы он вернул в квартиры тепло человеческих тел и электроприборов. Это было неизбежным злом, и его шум жильцами воспринимался с философским спокойствием. Не было бы его, небольшого ветряка и солнечных батарей на крыше, счета выросли бы вдвое.

— Мам! — крикнул Мишка и вошел на кухню.

Мать сидела с безучастным лицом. По ее щекам текли слезы и, казалось, она не слышала, как пришел единственный сын. Худенькие плечи вздрагивали в беззвучных рыданиях, и Мишка бережно обнял ее, вдохнув родной запах маминых волос.

— Мам! — он не умел утешать плачущих женщин. Для него, мальчишки, это было непривычно и сложно. — Не плачь, мам! Ну, ты чего?

— Меня в магистрат вызывали, — выдавила мама. — Сказали, нужно слепок матрицы делать. Я говорила им, что мне еще почти десять лет положено, а они… Они даже слушать не стали… Сказали, что я уклонистка, и что мне должно быть

стыдно…

Она снова зарыдала, а Мишка застыл, придавленный этой новостью. У мамы был рак легкого, и он вполне поддавался терапии. По крайней мере, она уже жила с ним пять лет и даже шутила, что унесет его с собой в Зазеркалье. Мишка был поздним ребенком, мама родила его в тридцать восемь. Ему только восемнадцать, а она так хотела дождаться внуков. Странное желание для современной жизни. Скорее всего, сказывалось воспитание, что она получила на далекой Родине, оставшейся теперь за Железным занавесом. В Германии внуков не жаловали, считая, что детей должны воспитывать их собственные родители. Так что случилось? Неужели страховка не покрывает лечение?

— Страховку в школе срезали, — мама, словно угадала его мысли. — Я слишком дорого обхожусь местному бюджету. Так мне сказали. Я… Я не знаю, что теперь делать.

— Мам, там неплохо вроде, — неуклюже утешил ее Мишка. — По телеку так говорят. И знакомые мои освоились там. Будешь звонить по Скайпу, какие проблемы?

— Ты не понимаешь, — мама горестно покачала головой. — Не нужна мне эта вечная жизнь. Я боюсь ее. Я не хочу ходить на работу еще миллион лет. Да и чем я там буду заниматься? Я же учитель. Кого я там буду учить?

— Там новые профессии дают вроде, — осторожно сказал Мишка.

— Я хочу прожить свою жизнь так, как мне ее дал господь, — воспаленными от слез глазами посмотрела на него мама. — Я же крещеная. Мы вспоминаем его, только когда нам плохо и страшно. А ОН смотрит на нас и плачет. Я верю в это. Куда меня хотят отправить? Это же ад, Мишенька! Вечная жизнь там, где живут одни старики и нет детского смеха — это ад. Понимаешь это, сыночек? Чистый, спокойный ад. Вот я живу ради тебя. Я радовалась твоим первым шагам, целовала твои сбитые коленки и гордилась твоими успехами в школе. Даже когда ты шалил, и я тебя ругала, то все равно гордилась тобой. Я часами смотрела на тебя, когда ты засыпал, и не могла наглядеться. Да я и сейчас иногда так делаю, если честно. А сейчас тебя хотят забрать у меня. Ради чего мне жить целую вечность, скажи?

— Сколько нужно денег? — нахмурившись, спросил Мишка.

— Две тысячи в месяц, — грустно улыбнулась мама. — Моя зарплата. Почти моя зарплата. Если мы будем жить на улице, перестанем есть и найдем где-нибудь еще сто марок, то я смогу покупать лекарство.

— Ого! — невольно выдал Мишка. — Так много?

— Разве ты не видишь, сынок, как много людей стало

поминать господа? — исступленно зашептала мама. — Всем, кому скоро уходить в Зазеркалье, страшно. Людям нужна поддержка, и мы заново вспоминаем, каково это, верить! Как бы ни успокаивали нас власти и эти дурацкие шоу из Зазеркалья, я не хочу туда, не хочу! Не хочу!!!

Она почти кричала, и это резануло Мишку по сердцу. Мама очень редко повышала голос, и если это случалось, значит, все было совсем плохо.

— Не плачь, мамочка, я не позволю забрать тебя. — Мишка взял в руки ее голову и начал целовать щеки, по которым текли слезы. — Я что-нибудь придумаю! Я что-нибудь обязательно придумаю! А пока давай поедим. Я сейчас чай заварю.

Он достал из кухонного шкафа большой пакет с пищевыми гранулами и засыпал их в синтезатор. Первая программа — это для мамы, вторая — для него. У них была разная норма витаминов и микроэлементов. Синтезатор задумался и выдал два брикета. Сегодня он явно был в ударе, и брикеты вышли в виде сердечка. Видимо, искусственный интеллект, встроенный в кухонный агрегат, уловил настроение мамы и решил ее подбодрить. Мама грустно улыбнулась, оценив старания машины, за которую еще выплачивала кредит, и бездумно откусила, не чувствуя вкуса. Впрочем, тут его и не было. Натуральную еду в их районе не мог себе позволить никто. Даже в уличных кафе подавали что-то похожее, но посыпанное приправами. Свежая рыба? Мясо? Клубника? О чем вы? Такое Мишка видел только по телеку, в мамином сериале, где несчастная дочь миллиардера влюбилась в простого парня, ремонтировавшего ее кофемашину, а суровый отец стоял на пути их счастья.

Они пили чай, и все было почти как всегда. Как будто не было последнего разговора. Как будто не нужно будет идти в магистрат и сдавать проклятый слепок для сервера компании Бета. Мишке было проще. Матрицу школьников обновляли каждые полгода, и его это совершенно не беспокоило. Он, как и его ровесники, давно перестал улавливать грань между реальным миром и Зазеркальем.

— Я придумаю! Я обязательно что-нибудь придумаю! — шептал он, глядя в черный потолок своей комнаты. Уже была глубокая ночь, а ему все не спалось. Глаза матери, залитые слезами, стояли перед ним, словно наяву.

Зазеркалье. Преддверие Красной Ветви. Первый день после релокации

Голова болела по-настоящему, а на затылке вспухла огромная шишка. Дела! — подумал Мишка, ощупывая себя руками. Кости вроде целы, и не болит больше нигде. Значит, его ударили по голове и обчистили. Деньги! — он сунул руку в карман. Как и следовало ожидать, денег там не оказалось. Мишка со стоном встал, чувствуя, как его подташнивает. Ощущения были настолько отчетливыми, что он даже засомневался. А правда ли он попал в Зазеркалье? А может, это какой-то хитрый развод и он все еще дома? Но зачем его кому-то разводить? Какой в этом смысл?

Он медленно побрел по городу, осматриваясь по сторонам. Город оказался чужим, но окружающие пейзажи были знакомы до боли. Заштатная дыра в европейском захолустье, где несчастья последних двадцати лет наложились слоями грязи на блеск богатого прошлого. Те же дома, те же лица, те же разговоры, обрывки которых он ловил. Стоп! Английский? Люди говорили по-английски, и Мишка с ужасом осознал, что и с грабителем он тоже говорил на этом языке. Точно! Официальным языком Зазеркалья был английский, и он устанавливался в матрицу релоканта по умолчанию. Значит, он все-таки попал туда, куда нужно, хотя даже люди были похожи на тех, кто остался ТАМ. Они так же шли мимо, глядя сквозь других прохожих, и заговорить с кем-нибудь из них не возникало ни малейшего желания.

Мишка побрел по улице, интуитивно чувствуя, что идет к центру города. По крайней мере, на улицах стало немного чище, а в архитектуре домов появилась претензия на стиль. А вот и полиция! Участок переливался неоном и радовал пустотой. Ни перед ним, ни внутри его не было ни души. Да и сам участок был крохотным, напоминая приемную перед кабинетом зубного врача. Белые блестящие стены и пол из плитки с неброским узором. Только из мебели здесь не было ничего, кроме кресла, в которое Мишка и уселся, с наслаждением откинувшись на спинку. Ноги его ощутимо гудели, наливаясь свинцовой тяжестью.

— Добрый день, релокант! — перед ним из ниоткуда появился человек в униформе, который своей улыбкой напоминал девушку у лифта. — Пожалуйста, протяните вперед левую руку!

Мишка не стал спорить, и тут же луч сканера мазнул по браслету, секундной вспышкой осветив его угольную черноту.

— Мистер Кляйн, — раздался участливый голос с легким бархатистым оттенком. — Что привело вас в полицию?

— Меня ограбили, — ответил Мишка.

— Вы желаете подать официальное заявление об ограблении? — снова спросил голос.

— Да, желаю!

— Вы готовы предоставить доступ к видеофайлам вашей матрицы? — задал вопрос голос.

— Да, пожалуйста! — Мишка равнодушно пожал плечами. У него все равно там ничего не было. Пусть местный коп полюбуется на пейзажи города.

— Благодарю за сотрудничество, мистер Кляйн! — услышал он через минуту. — Ваше заявление отклонено ввиду отсутствия состава преступления. Не смею вас задерживать. Всего вам самого наилучшего!

— Да как же…, — Мишка даже открыл рот от удивления. — Меня же ограбили! По голове стукнули! Как нет состава?

— Вам были оказаны образовательные услуги, о чем вы были уведомлены надлежащим образом. Вы не получили травм, представляющих опасность для вашего здоровья. С вас была взыскана оплата по тарифу данного учреждения, и вы высказали явно выраженное желание эти услуги получить, приняв приглашение пройти в учебный класс.

— Это образовательное учреждение? — выпучил глаза Мишка. — Учебный класс? Да вы тут вконец охренели, что ли!

— У вас остались еще какие-нибудь вопросы, мистер Кляйн? — приторным голосом спросил полицейский. — Если нет, желаю вам хорошего дня.

— Остались! — крикнул Мишка в пустоту. — Что мне делать-то теперь?

— Вы желаете повторно пройти вводный инструктаж, мистер Кляйн? — голос сочился заботой и любовью.

— Нет! — хмуро бросил Мишка и вышел на улицу. — Сдуреть можно! Вот ведь козлы виртуальные! И тут работать не хотят!

Он вновь побрел по улице, ощущая, как наливаются тяжестью ноги, а в желудке образовалась неприятная сосущая пустота. Он дико хотел жрать! Эх, была не была, подумал он и зашел в какую-то кафешку, где трое мрачных личностей поглощали пищу, неприветливо зыркая из-под бровей. Сюда попадали с той же внешностью, что была в реальном мире, и Мишку даже передернуло. Встреть он такие рожи на улицах родного города, пожалуй, наложил бы в штаны. И это при том, что район у них был на троечку с минусом. Он периодически натыкался на трупы, когда гулял в ближайшем сквере.

А вот бармен лучился приветливостью, и ее причины были налицо. У него, как и у полицейского, браслета на руке не наблюдалось. Он не был человеком.

— Простите, — смущенно спросил его Мишка. — Я тут первый день и я очень голоден.

— Вот меню! — пихнул ему бармен пухлую папку.

— Да…, — замялся Мишка, — понимаете, у меня денег нет. Ограбили меня.

— Нет денег, нет еды, — бармен вмиг потерял свою любезную улыбку. — Вали отсюда, проходимец, а то полицию вызову!

— Так я же не сделал ничего! — возмутился Мишка.

— С вероятностью шестьдесят восемь процентов вот тот парень, — ткнул в угол бармен, — сейчас тебя изобьет, и мне все равно придется полицию и скорую вызывать. Так что вали отсюда по-хорошему.

— Да за что он меня изобьет? — изумился Мишка, со страхом наблюдая, как угрюмый, сплошь татуированный громила начал вставать из-за стола.

— Ты чё такой дерзкий? — огромная туша покачивалась перед Мишкой, нависая над ним горой. В маленьких заплывших глазках этого типа застыла только тоскливая злоба, без малейших признаков какой-либо мысли. Изо рта его разило, как из помойки. Как будто в Зазеркалье без этой детали никак нельзя было обойтись.

— Да не дерзкий я, — стушевался Мишка, который вспомнил, кого обычно отправляют в Красную Ветвь. Парень был прямиком из тюряги, это было ясно, как божий день. Третий срок мотали уже здесь. Общество не могло содержать таких негодяев за счет налогоплательщиков. Это было слишком накладно. — Я просто есть очень хочу, а меня ограбили.

— Кто ограбил? — заинтересовался громила, а его лицо словно треснуло пополам. Это он так улыбнулся.

— Да какой-то тип, который предложил мне за деньги рассказать о местной жизни.

— Такой бледный жирдяй? — уточнил собеседник.

— Он самый, — обрадовался Мишка.

— Это Ганс, — кивнул громила, довольно хохотнув. — Я его знаю. Головастый парень, свой бизнес открыл. Новичков обучает.

— Да какой это бизнес? — обиженно спросил Мишка. — Он же людей грабит.

— Раз налоги платит, значит, бизнес, — пожал могучими плечами громила. — Те, кто людей грабит, никаких налогов не платит. По моему, это любому дураку понятно. А тебе, паренек, это понятно?

— Понятно, — вынужден был ответить Мишка, буквально раздавленный такой убийственной логикой.

— Я Педро, советую запомнить мое имя. Садись, накормлю. Не бойся, бить не стану. Такого лоха, как ты, грех обидеть. Это же совсем без понятий надо быть.

— Я Михаэль, — не стал ломаться Мишка. — Спасибо вам огромное.

— Да мне насрать, как там тебя зовут, — честно признался бандит. — И на спасибо твое тоже насрать. Ешь и вали отсюда, пацан.

Надо сказать, скорость подачи блюд в этом заведении была на высоте. Уже секунд через пятнадцать перед Мишкой появилась тарелка каких-то макарон с мясным фаршем, салат и стакан сока. И вкус у этого всего был такой, что парень чуть не захлебнулся слюной. Он и не подозревал раньше, что еда может доставлять удовольствие. После пищевых брикетов реального мира местное меню показалось ему просто райским.

— М-м-м, — промычал он, сыто откинувшись на спинку стула. — Вы меня просто спасли!

— Должен будешь, — жестко ответил громила, разглядывая его в упор без малейшего намека на благожелательность.

— Хорошо… конечно…, — Мишка растерялся. — А почему вы мне, собственно, помогаете? Зачем вам это нужно?

— Плюс в карму идет, — просто объяснил Педро, не сводя с Мишки немигающего взгляда. — Потом зачтется.

— Плюс? В карму? — Мишка растерялся еще больше. — А разве так бывает?

— Здесь все бывает, — равнодушно пожал плечами Педро. — Видно, система дарит подарки тем, кто помогает новичкам. Не хочет, чтобы такие, как ты, малолетние придурки, слишком быстро дохли. Она этого не любит. Ты же ведь придурок, я угадал?

— Нет, конечно, — смутился Мишка. — Почему это я придурок?

— Ты щегол, который едва закончил школу, — констатировал Педро. — И ты умудрился попасть в Красные миры. Даже мне для этого десять лет понадобилось. Нет, ты точно придурок. У меня на таких глаз наметан.

— А как этот плюс в карму проявляется? — Мишка решил перевести разговор на другую тему, менее щекотливую, чем предыдущая.

— Да как угодно, — пояснил громила. — Вот как-то раз нарвался я на зомби, а патронов не было. Ну, пришлось камень в него бросить. И представь, я в него попал, и башку ему проломил. А я тебе скажу, убить эту пакость одним ударом — та еще затея. Карма работает, парень, просто прими это как факт.

— Может, вам просто повезло? — с замиранием сердца спросил Мишка, для которого наличие зомби в посмертной жизни оказалось большим сюрпризом.

— Ну, а я тебе о чем только что рассказывал? — несказанно удивился громила. — Конечно же, мне повезло. Ты что, совсем тупой?

— Да, вроде нет, — ответил Мишка, густо покраснев. Его собеседник не производил впечатления гиганта мысли, и слышать от него такое было весьма обидно. — А тут бывают зомби? Откуда они берутся? Мы же вроде как умерли.

— Зомби, — покровительственно пояснил Педро, — это те, кто потерял десятую жизнь. Система дает им шанс. В течение двадцати четырех часов нужно убить кого-нибудь и занять его тело. Сечешь?

— Охренеть, — совершенно искренне удивился Мишка, и хотел было задать новый вопрос. — А…?

— Пожрал? Тогда лимит добрых дел на сегодня закончился, — уставился на него Педро тяжелым взглядом. — Свалил отсюда по-быстрому, придурок. Видишь, местный халдей уже скорую вызывает, а у него в этом большой опыт, поверь.

— Последний вопрос, — уже у двери спросил Мишка. — А у того Ганса, который меня ограбил, что у него с кармой? Я же новичок, меня нельзя обижать.

— Да все в порядке у него с кармой, — рассеянно ответил Педро, который внимательно изучал содержимое промежутка между зубами, только что извлеченное зубочисткой. По всей видимости, увиденное его удовлетворило полностью, и он забросил его обратно в рот. — И ты ему еще не раз спасибо скажешь. Я это точно знаю, паренек. Я тут уже давно.

Глава 4

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Тринадцать дней до релокации

Мишка снова шел по улице, бездумно пиная мусор и пивные банки. Разговор с мамой не шел из головы. Деньги! Деньги! Где взять денег? Работы вокруг нет, а все что можно, уже давным-давно автоматизировано. Остается госслужба, полиция и крупные корпорации. Попасть туда нечего и думать. Он вчерашний школьник из нищей семьи. Ни образования, ни навыков работы у него не было, как не было и шансов все это получить. Корпорациям было выгодно удешевлять производство, держа при этом большую часть населения в черном теле, платя безусловный базовый доход. Но там и близко не наблюдалось сумм, что была нужна на лечение. Крупному бизнесу реальный мир был мало интересен, все денежные потоки ревущей рекой потекли в Зазеркалье, где уже проживал почти миллиард душ, пополняясь каждый год миллионами новых релокантов. Зачем вкладываться в Землю-1, если компания Бета вчера презентовала новый, клубный мир с чистейшими пляжами, пальмами и ласковым морем. Небольшое количество проживающих, строго ограниченное системой! Шикарный воздух, охота, рыбалка, температура плюс двадцать пять круглый год и бонусом идет способность к левитации и оргазм с коэффициентом наслаждения 2,5. Так писали в рекламном проспекте. Цены тут же начинали стремительный рост, обеспечивая неслыханные для депрессивной Земли-1 прибыли инвесторов. Участки в таком мире улетали, как горячие пирожки, а обеспеченные граждане брали ипотеку вдобавок к страховке, чтобы жить после смерти так, как им и не снилось в реале. Разве это не стоит того, чтобы потерпеть всего лишь каких-нибудь шестьдесят пять лет? Разве это не стоит того, чтобы пахать всю жизнь, дожидаясь заветной эвтаназии? Разве не стоит ради этого лизать задницу боссу, законченному козлу? Разве не это реализация Великой Западной Мечты, о которой долдонили из каждого утюга?

По телеку бодро рапортовали, как чисты стали реки, как восстанавливается амазонская сельва, и как в горах Шварцвальда снова увидели медведя, в первый раз за последние двести лет. Только Мишке на это было плевать. Он и знать не знал, что это за Шварцвальд такой и где он вообще находится. У них в школе не было географии, ее отменили за ненадобностью. Мама говорила,

что это где-то далеко на западе. Тогда что от него толку, если в те горы не сунуться. Мусульманские анклавы уже поглотили Фрайбург и Штутгарт, и туда ходу не было, если только ты не получил официального приглашения, а твоя спутница не была одета в черное с головы до ног. В тех местах жили особенно суровые парни, в отличие от Гамбурга, где порядки были немного попроще. Там женщины могли обойтись одним платком на голове. Впрочем, простота эта была весьма относительной. Попытка выйти на улицу с непокрытой головой или без креста, нашитого на одежду христианина, была бы суицидальным безумием. Примерно таким же, как объявить себя в тех землях атеистом.

Ребята тусовались на обычном месте, на бывшей спортплощадке, на которой уже давно никто не занимался спортом. Незачем было беречь здоровье. До Зазеркалья как-нибудь доскрипишь, и ладно. А там до хронических болячек еще не додумались.

— Привет, парни! — Мишка хлопнул по протянутым ладоням. — Какие делишки?

— Да никаких, — ответили ребята. Томас, Вольф и Гельмут. Они с первого класса вместе. — Херней страдаем, как обычно. Сам-то как, Михель?

— Дерьмово, — честно признался Мишка. — Деньги очень нужны.

— В очередь становись, — смачно сплюнул Томас. — Сразу за нами.

— Я серьезно, — сжал скулы Мишка. — Матери совсем плохо. Страховку отобрали.

— Да, проблема, — покивали ребята. — А в Зазеркалье она, значит, не хочет перебираться?

— Не хочет, — понурился Мишка. — Да и я не хочу, чтобы ее туда досрочно…

— И мои предки тоже туда не хотят, — признался Томас. — Молятся каждый день, представляешь? Я просто охренел, когда в первый раз увидел. За моим папашей такого сроду не водилось.

— А мои ждут, не дождутся, когда на эвтаназию идти надо будет, — легкомысленно махнул рукой Вольф. — Задолбала, говорят, эта жизнь. Пищевые брикеты, город этот сраный… Они прочитали где-то, что там лет за двести реально на серебряный аккаунт скопить. А что такое двести лет, когда ты бессмертен! Отец ржет, как конь. Говорит, у матери хоть там задница поменьше станет. Только ради этого, мол, и стоит после смерти пахать.

— Нет, — признался Мишка. — Моя туда ни в какую не

хочет. Вот и ищу теперь, где бабла срубить. Быстро и много.

— Это только если у Бехара, — хохотнул Томас. — Ишаком поработать.

— Что еще за Бехар? — насторожился Мишка.

— Ты не слушай его, — поморщился Вольф, коренастый светловолосый крепыш. — Он у нас совсем дурак, и шутки у него тоже дурацкие.

— Что за Бехар? — с нажимом переспросил Мишка. — И что это за работа такая, ишак?

— Албанец это, — неохотно пояснил Гельмут. — Дурью барыжит по-крупному, а ишак — это курьер. Ты, Михель, забудь то, что я сказал. Не дело это. Если примут с наркотой, тебе конец. Сядешь на два года, а как выйдешь, социальный рейтинг до нуля опустят. Потом еще одна отсидка, а потом, здравствуй, Красный мир. Да твоя мать с ума сойдет, я же ее знаю.

— Да-да…, — рассеянно ответил Мишка, который уже никого не слушал. — Я пойду, парни. Мне тут забежать кое-куда надо.

— Она симпатичная хоть? — с любопытством спросили ребята.

— Ничего, — хмыкнул Мишка, который считался в этой компании экспертом по телкам, потому что был единственным из всех, кто потерял невинность.

— Расскажешь потом? — жадно спросили пацаны.

— Пока, детки, — величественно махнул рукой Мишка, и пошел в сторону улицы, которая, словно в насмешку, носила имя Рудольфа Дизеля.

Дерьмовое это было место. Именно тут и селились выходцы с Балкан, из Сирии и Пакистана, которые по какой-то неведомой причине не захотели жить в анклавах. И промышляли они, как водится, наркотой и сутенерством, подсаживая на свою дурь бестолковых малолеток. Ведь для них работы тоже не было. Улочка на окраине напоминала трущобы Гамбурга, только куда меньше по масштабам. Встречные женщины, замотанные в хиджабы, при виде Мишки отворачивались в испуге, словно видели привидение. Тут не было ни одного местного, а смуглые парни, сидевшие на корточках, провожали светловолосого парня долгим удивленным взглядом. Впрочем, любопытство это длилось недолго. Раз «свинья» решила зайти сюда, значит, у нее либо есть на это очень веская причина, либо она просто сумасшедшая. Другого не дано. Мишка знал, что свиньями тут называли всех местных. Видимо, потому, что им можно было есть свинину, в отличие от приезжих. Хотя Мишка вот свинину никогда не ел, в отличие от мамы, которой пробовать ее доводилось.

— Мне нужен Бехар, — твердо сказал Мишка, подойдя к группке гогочущих парней. — Где его можно найти?

— А ты отважный, — с интересом посмотрели на него пацаны. — Или дурак конченый. Зачем он тебе?

— Ему самому скажу, — ответил Мишка.

— Шел бы ты отсюда по-хорошему, — от души посоветовали парни.

— Вы не понимаете, — сделал шаг вперед Мишка. — Он мне очень нужен. У меня для него важное сообщение есть.

— Не знаем мы никакого Бехара, — ответили ему. — Вали отсюда.

— Вы не так поняли…, — беспомощно сказал Мишка, глядя, как его обступают с самыми серьезными намерениями.

— У тебя есть пять секунд, чтобы уйти, — спокойно сказал вожак. — Потом мы из тебя отбивную сделаем. Свиную.

И парни довольно захохотали, оценив шутку. Отбивные давно стали частью фольклора, равно как и колбаса, и натуральное пиво. Никто уже не помнил их вкуса. Мишка уныло побрел домой и, как назло, никаких новых идей у него не было. Маме осталось недолго. Без химиотерапии ее конец будет мучительным, но ведь они жили в гуманном обществе. Как только она не выйдет на работу, то уже вечером приедет машина скорой помощи и увезет ее туда, откуда она не вернется. Никто не позволит страдать человеку в европейской стране. Это слишком жестоко.

Зазеркалье. Преддверие Красной Ветви. Первый день после релокации

Мишка выскочил из кафе пулей. Ехать в местную больничку ему не хотелось совершенно. Он никак не мог понять, зачем больница компьютерному коду, которым он на самом деле сейчас был. Зачем все так усложнять? На этот вопрос у него ответа не было.

Он бездумно пошел по улице, наслаждаясь ощущением сытости и послевкусием еды. Неужели это может быть так? Тогда в Красных Мирах не так уж и плохо. Мишка разглядывал прохожих, чтобы выбрать того, кто мог бы ему помочь. Но его взгляд не мог зацепиться ни за кого, глаза немногочисленных идущих по улице людей равнодушно скользили по нему, не выражая ни малейшего желания познакомиться. На улице были почти исключительно мужчины, вот еще одна странность. Они поглядывали на него с любопытством, когда думали, что он не

видит их и тут же отворачивались, когда он пытался поймать их взгляд. Ответ на эту загадку был прост. Тут больше не было мальчишек, подобных ему. Таких же чистеньких и благообразных, выросших а приличной семье.

Пожившие уже мужики от тридцати, многие из которых были в татуировках и шрамах. Кое у кого на предплечьях виднелись наркоманские «дороги», а у некоторых зрачки были в синеватых прожилках. Так выглядели любители самого модного на Земле-1 наркотика, который назывался «Камикадзе». Наверное, потому, что его поклонники жили очень яркой и очень недолгой жизнью, превращаясь в стариков через семь-восемь лет после первой дозы. Причем превращались почти сразу, хотя до этого были умниками, силачами и сексуальными гигантами. За все приходится платить! Этот наркотик выплескивал силы, что были в человеке, сразу и мощно, сжигая то, что было припасено на всю жизнь, в самый короткий срок. На эту дурь садились спортсмены, амбициозные клерки корпораций и даже молодые ученые. Они почему-то считали, что смогут обмануть судьбу или наоборот, шли на это сознательно, чтобы накопить на золотой аккаунт и попасть в свой собственный рай. Попадали туда не все, далеко не все! Ведь если тебя поймают с дозой «Камикадзе», то социальный рейтинг обнулится и ни одна страховая компания не продаст тебе посмертную страховку. Ни за что и никогда. Но если не ловили, то делали вид, что очередной бесцветный служащий из отдела маркетинга, трижды тестированный эйчарами, сам по себе внезапно поумнел и стал выдавать одну гениальную идею за другой. Не пойман, не вор. Так говорила мама в подобных случаях. Этих людей использовали, а потом выбрасывали, как грязную тряпку, когда у них начинали выпадать зубы и наливаться синевой белки глаз. На такое уже никто не станет закрывать глаза. И тогда бедняге приходилось идти в магистрат и делать слепок матрицы, потому что жить ему оставалось всего ничего. И хорошо, если ему хватало денег хотя бы на серебряный аккаунт. В цивилизованном мире оплаченную посмертную страховку не имели права отнять даже у законченных наркоманов.

Откровенно говоря, Мишке и подойти тут было не к кому. Окружающие люди его откровенно пугали. Хотя нет! Его взгляд зацепился за пожилого мужчину, который сидел на лавочке у небольшого пруда, покрытого ряской. Он выглядел почти нормально, за исключением того, что он был чернокожим, носил на голове невообразимые патлы и курил косяк гомерических размеров. И браслета у него на руке тоже не было, как и у бармена. Он бросал куски хлебной корки уточкам, которые

подплывали и с ленивым спокойствием, словно делая величайшее одолжение, лопали это давно забытое Мишкой лакомство. Он ел хлеб весьма нечасто.

— Простите, — обратился Мишка к мужчине. — Я тут первый день и ничего не знаю. Не подскажете, как тут все устроено?

— Конечно же, не подскажу, — меланхолично ответил негр, втягивая в себя вонючий дым. — Это же Красный Мир, парень. Это тебе не персональный рай для какого-нибудь толстожопого бургомистра, срубившего бабла на ремонте дорог. Вот ты, когда был живым, часто видел отремонтированные дороги?

— В нашем районе вообще не видел, — покопался в памяти Мишка. — В центре города да, латают иногда.

— Вот то-то и оно, — загадочно ответил негр, который за одну затяжку втянул в себя четверть косяка, и теперь его глаза были блаженно прикрыты веками. Он спросил Мишку. — Деньги есть?

— Украли, — помявшись, ответил Мишка. — По башке стукнули и обчистили. У вас здесь это почему-то называется оказанием образовательных услуг.

— А что не так? — удивился негр. — Ты считаешь, что образование должно быть бесплатным.

— Да какое же это образование? — возмутился Мишка. — Он пригласил меня в какое-то помещение, врезал по голове, а потом сказал, что это будет мне уроком.

— По-моему, все нормально, — ответил негр после недолгого раздумья. — Вот ты не знал раньше, что нельзя ходить непонятно куда вместе с подозрительными типами. А теперь знаешь!

— Да я это и раньше знал! — заорал Мишка, который пошел пунцовыми пятнами.

— Тогда зачем ты туда пошел? — совершенно логично спросил негр, и Мишке на это ответить было нечего.

— Дороговато мне его урок обошелся, — угрюмо сказал Мишка.

— Ты предпочел бы потерять жизнь? — удивился негр.

— Нет, конечно! — удивился Мишка, который никак не мог поверить, что жизней у него целых десять.

— Тогда я не понимаю твоего возмущения, — пожал плечами негр.

— Как тут зарабатывают деньги? — выпалил Мишка. — Тут есть какая-нибудь служба занятости, или социальные работники, или какая-нибудь власть?

— Не, — покачал головой негр. — Нет тут ничего такого.

— Как же тут люди живут? — удивился Мишка.

— А тут не живут, — повернулся к нему собеседник, — это же

Красный Мир. Тут нельзя жить. Тут можно только выживать, попутно пытаясь заработать. Если у тебя нет денег, то ты немногим отличаешься от мертвеца. Ты двигаешься, говоришь и даже ешь, но это всего лишь иллюзия. Потому что на самом деле ты — труп. Только деньги делают тебя здесь живым. С деньгами ты можешь абсолютно все. Можешь стать силачом, красавцем и даже волшебником. Ты можешь купить себе дополнительную жизнь, если в погоне за деньгами растеряешь свой запас слишком быстро. Ты можешь даже свалить отсюда в Желтый Мир, если захочешь. Правда, получается это далеко не у всех.

— А разве это возможно? — сердце Мишки заколотилось изо всех сил.

— А у тебя деньги есть? — вопросом на вопрос ответил негр. — Если есть, то возможно. Это же виртуальная жизнь. Тут все ненастоящее, парень. Все, кроме денег. Они-то как раз вполне настоящие.

— Я же рассказывал, — с обидой ответил Мишка, — их у меня украли!

— Хреново, — ответил негр, добивая косяк. Окурок полетел в пруд, где его тут же склевали утки, видимо, приняв за корочку хлеба. — Я тебе советую все-таки их заработать. Без денег тут тебе туго придется.

— Да где их заработать-то? — нервы Мишки начали сдавать, а оригинальный стиль общения местных выводил его из себя. Он еще никогда не чувствовал себя таким идиотом.

— Там! — махнул рукой негр, и Мишка торопливо повернул голову туда, куда он показал.

— Где? — озадаченно спросил он, но его собеседник попросту исчез и это было полнейшим свинством с его стороны. — Вот зараза!

Мишка расстроился не на шутку. Вот ведь сволочь, забил башку всякой ерундой! Бургомистры, дороги! Хотя нет! Из Красных Миров можно выбраться, и это знание окрылило парня. Правда, он еще пока не знает как, но он это обязательно узнает.

— Эй, парень! — обратился к нему худощавый жилистый тип с прилизанными волосами. — Заработать хочешь?

— Хочу! — не стал ломаться Мишка. Он теперь не сердился на сбежавшего собеседника ни капельки, ведь работа и, впрямь, оказалась именно в той стороне, куда он показал. — Что делать нужно, и что платишь?

— Пятнадцать баксов в час, — пояснил худощавый. — Деньги получишь сразу же после окончания работы.

— Годится, — обрадовался Мишка, который успел зацепить взглядом расценки в кафе. Голодная смерть ему теперь не

грозила.

— Стандартный контракт!

В руке худощавого типа появилась папка, из которой он достал лист пластика, покрытый мелким текстом.

— Приложи браслет! — сказал он. — Нужно подписать.

— Подожди! — Мишка углубился в чтение.

Он бурчал себе под нос.

— Ага! Срок начала контракта — с момента подписания. Деньги оплачиваются по факту отработанных часов, с посекундной тарификацией. Странно, неужели кто-то отказывается от работы? Штрафные санкции за неисполнение. Охота? Прикольно! Меня на охоту наняли!

Мишка прикоснулся к листу, и тот растаял в воздухе. Зато в личных файлах появилась копия договора. Он увидел сообщение от системы, которое выглядело, как надпись, появившаяся в воздухе на несколько секунд.

— А на кого мы будем охотиться? — с замиранием сердца спросил Мишка, который до этого видел охоту только в кино.

— Э…, — промычал прилизанный тип, несказанно удивленный этим вопросом. — Ни на кого ты не будешь охотиться, парень. Охотиться будут как раз на тебя. И оплатят тебе только то время, что ты будешь оставаться в живых, и ни секундой больше.

— Пятнадцать баксов в час??? — завопил в возмущении Мишка.

— Ты подписал договор, — в голосе прилизанного типа появился лед. — Тут нельзя нарушать договоры, мальчик. Пошел!

Глава 5

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Двенадцать дней до релокации

Сознание возвращалось постепенно. Сначала Мишка почувствовал свет, который резанул по глазам, а затем — легкое покачивание. Он явно ехал на машине. Только вот куда он ехал и зачем, Мишка не имел ни малейшего представления. Он и в машине ездил весьма нечасто. Своей машины у них с мамой не было.

— Очнулся! — услышал он деловитый голос. — Десять минут, как заказывали!

Они ехали в каком-то микроавтобусе. На Мишку пристально смотрел черноволосый и смуглый мужик лет сорока, одетый по местным меркам невообразимо дорого. Брюки, стрелками которых можно было бриться, снежной белизны рубашка и лаковые туфли, поигрывающие бликами от заходящего солнца. В расстегнутый ворот рубашки выбился непокорный курчавый волос, и это при том, что сам мужик был лысым, как коленка. Он выглядел как топ-менеджер одной из корпораций, только глаза выдавали его. В его глазах читалось полнейшее равнодушие к его, Мишкиной, судьбе, и это парень понял совершенно отчетливо. Рядом с ним сидел какой-то щуплый очкарик, который тыкал пальцем в планшет.

— Знаешь, кто я? — спросил мужик напротив.

— Нет, — осторожно ответил Мишка и попробовал пошевелиться. Тщетно. Он был зафиксирован так плотно, что не мог даже головой двинуть. Тело, руки, ноги и даже лоб прижимали к сиденью какие-то обручи.

— Я буду спрашивать, ты будешь отвечать, — немного устало сказал ему лысый. — Если ты мне соврешь, то живым из этой машины уже не выйдешь, а твое тело отвезут на ближайшую пищевую фабрику. Станешь частью белкового концентрата. Все понял?

— Да, — проглотил слюну Мишка. Он слышал про полиграф, и понял, что это за обручи зафиксировали его. Щуплый нажал на значок в планшете, и из боковой панели вышла тонкая рамка монитора, на которую тот скосил один глаз.

— Вы, наверное, Бехар, — догадался Мишка.

— Ты работаешь на полицию? — резко спросил лысый, никак не реагируя на Мишкины слова.

— Нет! — попытался замотать головой парень. — Не работаю я на полицию!

— Только да или нет, — оборвал его Бехар. Без сомнения, это был он, собственной персоной.

— Нет, — покорно ответил Мишка.

— Тебя послал Фарид?

— Нет.

— Ты работаешь на федералов?

— Нет…

Вопросы шли один за другим, и Мишка порядочно устал. На лице албанца начала появляться легкая задумчивость. Видимо, ему самому надоело заниматься ерундой.

— Так какого хрена ты поперся в мусульманский квартал? — спросил он, наконец, Мишку.

— Я искал Бехара, — ответил тот.

— А зачем ты его искал? — с нажимом спросил Бехар.

— Мне нужны деньги, — ответил Мишка, кусая губы. — Мама болеет.

— В чем проблема? — с каменным лицом спросил его албанец. — Отправь ее в Зазеркалье.

— Она не хочет, — понурился Мишка. — И я не хочу… У нас никого больше нет, кроме друг друга, понимаете? Мне нужны деньги, чтобы она могла купить лекарство, и тогда она проживет еще десять лет здесь, в реальном мире.

— Знаешь, почему мы называем вас свиньями? — неожиданно спросил Бехар, который пристально смотрел на монитор, чтобы убедиться в том, что Мишка не врет.

— Потому что мы едим свинину? — удивленно ответил Миша.

— Конечно же, нет, — поморщился Бехар. — Никто в этом районе не ест свинину, парень, это знает любой дурак. У вас нет столько денег. Мы называем вас так, потому что в наших глазах вы и есть свиньи, понимаешь? Вы просто грязные животные, но грязные не снаружи, а изнутри. Мы брезгуем вами!

— Но почему? — вырвалось у Мишки. Он так обиделся, что даже перестал бояться.

— Вы сидите на пособии и заливаете себе глаза дешевым синтетическим алкоголем, — начал пояснять ему Бехар. — Вы прячетесь от этой жизни в дурмане идиотских сериалов. Ваши женщины спят с теми, кого видят в первый раз в жизни. Те из вас, у кого есть работа, живут, как рабы. Они пресмыкаются перед начальством, стучат на коллег и готовы на любую подлость, лишь бы иметь возможность и дальше оплачивать свою посмертную страховку. Вы не любите своих внуков, потому что ваши сердца

холодны, как лед. Вы лицемерны, и звоните в полицию, если у соседа слишком громко играет музыка. И вы потом улыбаетесь этому соседу, как ни в чем ни бывало. Вы не помогаете родственникам, которые попали в беду, считая, что это должно делать за вас государство. Я ничего не забыл? Ах, да! Вы не почитаете своих стариков и не даете им умереть достойно, в кругу семьи, поцеловав на прощание всех тех, кого они любили. Так за что нам уважать вас, мальчик?

— Моя мама мечтает нянчить внуков, — робко сказал Мишка. — Потому-то и не хочет уходить в Зазеркалье.

— Я знаю о тебе все, — отмахнулся Бехар. — Твоя мать русская, хоть и носит немецкую фамилию. Они другие. Потому-то вы и отрезали их от себя. Или они отрезали вас… Теперь это уже неважно.

— Так вы дадите мне работу? — робко спросил Мишка.

— А ты понимаешь, на что идешь? — впился в него взглядом Бехар. — Тут тебе не сраный Гугл, где ты можешь разорвать контракт, когда тебе этого захочется. Отсюда выхода нет, парень.

— Я готов, — прикусил губу Мишка. — Моя мама должна жить.

— Ну, надо же! — Бехар смотрел на него изумленным взглядом и явно находился под впечатлением от такого ответа. — Ты смог меня удивить, паренек. Я не думал, что среди «свиней» попадаются стоящие люди. Надо будет рассказать деду.

— Деду? — глаза Мишки расширились. — А разве он не…

— Нет, — отрезал Бехар. — Мой дедушка живет в окружении детей и внуков и умрет тогда, когда его призовет к себе Аллах, и ни днем раньше. И ни в какое Зазеркалье он не пойдет.

— Ясно, — кивнул Мишка.

— Итак, — взгляд наркоторговца вновь принял то же самое выражение, что и в начале разговора. Легкое удивление прошло, и Бехар вновь был деловит и собран. И ему вновь было наплевать на Мишку. — Один рейс в месяц, мальчик. Всего один! И твоя мама будет получать свою порцию таблеток. Скажешь ей, что смог договориться с благотворительным фондом.

— А когда…, - робко спросил Мишка.

— Лекарства принесет курьер сегодня вечером, — обрубил его Бехар. — и будет приносить каждое первое число. А рейс будет тогда, когда тебе скажут. Меня ты больше никогда не увидишь. А если кто-нибудь узнает об этом разговоре, то умрешь и ты, и твоя мама. И ваша смерть не будет легкой. Ты все понял?

— Да, — Мишка с трудом проглотил тугой комок слюны.

— Тогда выходи. С тобой свяжутся.

Дверца микроавтобуса открылась, и Мишка оказался на

улице, которая располагалась на другом конце города. Домой идти ему теперь минут сорок. Ну, да ладно! Зато у него все получилось…

Зазеркалье. Пирр. Красная ветвь миров. Второй день после релокации

Тысячи незнакомых запахов ворвались в Мишкино сознание непрошеным вихрем. Они оглушили и ослепили его, своей лавиной вытеснив любые мысли и чувства. Понемногу зрение и слух стали возвращаться, но происходило это как-то очень странно. Сначала он услышал звуки, но они были какими-то очень низкими, тягучими и растянутыми. А потом Мишка с ужасом понял, что видит все, что есть вокруг. Вообще все, и спереди и сзади, и сверху и снизу! Только поле зрения было разбито на какие-то многоугольники, как будто он смотрел в огромный калейдоскоп. И тогда он увидел кусочек себя. Если бы Мишка мог сейчас упасть в обморок, то он бы обязательно упал, потому что конечностей у него было шесть, и они явно не могли принадлежать человеку. Он был насекомым, и это не подлежало ни малейшему сомнению. Рядом с ним стояло какое-то жуткое существо, напоминавшее покрытую костяными пластинами рогатую гориллу. И этот ужас что-то ему говорил.

— Итак, я твой агент и меня зовут Роб. Приветствую на планете Пирр. Почти все, что ты видишь вокруг себя, может тебя убить. Это мир некоторые остряки называют Неукротимая планета, и он создан специально как заповедник для охоты. Для всяких голодранцев с серебряным аккаунтом здесь есть медведи, саблезубые тигры и ракоскорпион прямиком из Палеозоя. Но, как ты понимаешь, для богатеньких это слишком банально. Им подавай разумную дичь, но с соблюдением всех мыслимых и немыслимых законов. Поэтому твой контракт читало тысяч десять юристов, не меньше. Гордись, парень! У тебя час на адаптацию. Согласно договору это время не оплачивается. Слушай вводную, и постарайся запомнить то, что я скажу. Ты и еще трое таких же кретинов, подписавших контракт, работаете дичью для ублюдков из какого-то клубного мира. Их тоже четверо, и у всех золотой аккаунт. Я их хорошо знаю, они не первый раз охотятся, и они очень опасны. Первый — эльф, прицельно бьет из лука метров на двести. Он великолепный стрелок, но быстро выдыхается и идет бухать. Подозреваю, что он сюда ездит именно из-за этого. Твой хитин выстрел с двадцати шагов не держит. Со ста — легко. Если

подберешься на короткую дистанцию — он тебе ничего сделать не сможет. Вблизи он не боец. Второй — метаморф. Сегодня он изволит пребывать в виде какой-то помеси из росомахи и леопарда. Может долго гнаться за тобой, а может прыгнуть с ветки и перекусить шею. Это единственный способ, как он может тебя укокошить. Хитин конечностей ему не прокусить. Он охотник очень опытный, хитрый и терпеливый. Имей это в виду. Последние двое — супружеская чета аллозавров, два мужика. Конченые садисты, любят кровь, кишки и вопли жертв. У тебя болевые рецепторы выставлены на стандартный уровень, поэтому будет весьма чувствительно. Они жрут жертву, начиная с ног, поэтому даю хороший совет, парень. Пусть тебя убьет кто-нибудь другой. Согласно контракту, твоя задача — продержаться восемь часов. Охотничья зона — десять квадратных километров. Вопросы?

— А если я сам кого-нибудь убью? — задал вопрос Мишка. — Ну, случайно… Или покалечу? Мне же ничего за это не будет?

— Не будет! Такое возможно, хоть и случается весьма нечасто, — с готовностью ответил прилизанный тип. Мишка узнал его голос, несмотря на оригинальный внешний вид. — Эти парни — спортсмены, а не убийцы! По крайней мере, большинство из них. Убивать их можно и даже нужно, ведь тут запрещено все, что опаснее лука или копья! Золотые охотятся, пользуясь своими суперсилами. Этим снобам западло просто пристрелить тебя. Их другие такие же снобы уважать перестанут. Так что, если сможешь убить кого-нибудь из них, убей. Бонус за убийство охотника — двадцать тысяч. Бонус за убийство двоих-пятьдесят, если сможешь завалить всю команду — сто тысяч. Дерзай, паренек!

— Сто тысяч! — пробурчал Мишка себе под нос. Точнее под жвала. — Охренеть! А у меня самого какие возможности?

— Ты же огромный жук, который может перекусить пополам корову и плевком яда расплавить канализационный люк. Какие тебе еще нужны возможности? — голос выражал неподдельное удивление. — Ты что, хочешь угадывать номера в лотерее? У тебя всего лишь стандартный контракт по форме В-2, имей совесть!

— Это ты мне про совесть говоришь? — возмутился Мишка. — Ты же меня обманул!

— Не обманывал я тебя! — возмутился Роб. — Я тебе предложил работу и ты согласился. Я же не виноват, что ты конченый идиот!

— Хорошо, — сдался Мишка. Он идиот, и он больше с этим не спорил. А какая стандартная ставка?

— Если без опыта, то пятьсот, — с неохотой сказал Роб. —

Если пару охот подряд останешься в живых, то тысяча в час. Если убьешь охотника, смело проси не меньше двух.

— Ого! — присвистнул Мишка. Деньги по земным меркам были просто огромные. — Серьезно!

— Пара человек получает по двадцать штук за час работы, — с готовностью пояснил Роб. — Но чтобы так зарабатывать, нужно укокошить не меньше десяти золотых. Они настоящие корифеи, мальчик, не тебе чета. И охотятся на них уж точно не в обличии каких-то сраных аллозавров. Там такие аватары идут в дело, что только держись! Впрочем, это и золотым не по карману. Это для ребят посерьезнее.

— Да-а! Круто ты меня обул, — задумчиво протянул Мишка.

— Да! — весело ответил Роб. — Ты сделал мой день! Так и быть, мальчик. Раз уж я имею шанс нехило пополнить свой счет, если ты выживешь, то дам тебе добрый совет. Скалы.

— Что скалы? — не понял Мишка.

— Это и был добрый совет, — любезно пояснил Роб. — Надеюсь, ты не такой тупой, как кажешься и сможешь им воспользоваться. А пока у тебя еще есть время, рекомендую привыкнуть к новому телу. У тебя осталось тридцать восемь минут, а у меня еще три кретина ждут инструктаж. Но эти уже на охоте были, их хотя бы азам учить не надо. Пока, парень! И постарайся сдохнуть не слишком быстро, иначе получится, что я развел тебя совершенно напрасно.

Роб выпустил крылья и полетел куда-то за кромку леса, а Мишка попробовал подвигать конечностями. К собственному удивлению, он не испытывал ни малейшего дискомфорта. Шесть ног ощущались как родные, и он пустился вскачь, ускоряясь изо всех сил. Он хотел проверить предел своих возможностей, и был весьма впечатлен. Километров шестьдесят в час на короткой дистанции он делал легко. А неспешной рысью мог двигаться очень долго, и его дыхание оставалось спокойным и размеренным.

Прыжки! Так себе! Метра на три, не больше. А вверх и вовсе никак.

Дерево! Нормально! Острые концы лап легко пробивали кору чудовищных по размеру то ли секвой, то ли еще каких-то баобабов, фиксируя его тело на высоте. Мишка был не силен в ботанике, в школе ее не преподавали. Зачем нужна ботаника будущему безработному? Может, остаться тут, — мелькнула трусливая мыслишка. Вдруг его не найдут здесь до самого конца. Здравый смысл кричал, что мысль бредовая. Наверняка охотники смогут обнаружить его. Иначе, зачем им платить за это деньги?

Вода! Плавать он не умеет, и это хреново. Зато посмотрел на

себя в отражении водной глади. Так себе зрелище, но жвалы зачетные. И, правда, корову перекусить можно. Легкое движение в глубине заставило его отпрыгнуть назад. И вовремя! Там, где он только что стоял, щелкнула огромная пасть, которая разочарованно ушла в воду, взбив фонтаны песка на дне озера. Так, вода не подходит.

Яд! А вот яд порадовал. Плевок с десяти шагов превратил ствол ни в чем не повинной березки в почерневший, словно обугленный деревянный столб. Листва опала, как будто отравленная тягучим зарядом яда, а само дерево умерло. Это Мишка увидел совершенно отчетливо, одним из своих новых чувств. Несчастная береза словно погасла.

Скалы? Где скалы? Ведь это подсказка!

Мишка залез на пригорок, вглядываясь во все стороны сразу своими огромными фасетчатыми глазами. Вон они! Невысокие горы, густо поросшие лесом, виднелись на горизонте. Далековато! Надо спешить!

Он побежал по покрытой зеленым ковром степи, наслаждаясь незнакомой ранее силой и мощью нового тела. Шорох хитинового брюха, которое щекотала местная травка, перебивал стрекот насекомых помельче, более везучих. Их-то как раз никто убивать не собирался. Ни малейшего неудобства Мишка не испытывал, как будто он родился с шестью ногами и фасетчатыми глазами размером с тарелку.

Скалы приближались, и совсем скоро Мишка понял смысл подсказки. Они для его паучьего тела были домом родным. Он пробирался через их острые зубья так же легко, словно поднимался по лестнице в своем подъезде. Интересно, а как себя будут чувствовать два аллозавра в этих скалах. Плохо, наверное.

Пещера! Срочно нужна какая-нибудь пещера! Он сможет там спрятаться. Эльфы и аллозавры по пещерам лазать не любят. По крайней мере, именно так Мишке хотелось думать. Он видел динозавров вживую, их клонировали лет десять назад. На любителей пещер они точно похожи не были. А вот эльфы жили в лесу, а вокруг этого самого леса было полно. Уродливые искривленные сосны лезли прямо из сплошного камня, немыслимым чудом разрывая его своими корнями. Пологий склон зарос ими почти сплошь. Не тут ли прячется эльф — алкоголик, который с двадцати шагов пробьет стрелой его панцирь. Прятаться! Срочно найти укрытие! И Мишка нырнул в какую-то щель в скале, которая на пещеру не тянула, но давала хоть какую-то защиту. Он замер, постаравшись зарыться в опавшую хвою. Получилось… Ничего у него не получилось. Уж слишком он был большой. Но, прикинув свои шансы, Мишка

замер, включив все свои новые чувства на максимум.

Время тянулось, словно резина. Мишка и не знал, сколько его прошло. Запах травы. Запах прелой хвои. Запах нагретого солнцем камня. Все это смешивалось в какой-то сложный букет, к которому примешивались десятки и сотни новых запахов. Например, запах змеи, который проползла в трех шагах от Мишки. Запах того самого озера, в котором Мишку чуть не сожрали. Запах крови… Крови???

Мишка напряг покрытое хитином тело, чувствуя, как натянулись мышцы, фиксированные к панцирю изнутри. Странное ощущение. Он прикрыл глаза, и впустил в себя звуки, которые до этого момента просто проходили мимо его внимания. Уж больно богатая палитра чувств ему стала доступна теперь. Он просто не справляется с этим калейдоскопом ощущений.

Он слышит вопли! Кого-то вдалеке явно жрут, причем, как и было обещано Робом, начиная с ног. Неужели аллозавры уже достали кого-то? А это что? Голоса? Он слышит голоса! Где-то очень далеко, на грани слышимости.

— Я вас уверяю, Исикава — сан, он здесь! Отличный экземпляр броненосного ядоплюя! С двадцати шагов вы пробьете его панцирь, словно бумагу. Я вам гарантирую это. Он станет отличным украшением вашей коллекции!

Глава 6

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Одиннадцать дней до релокации

На следующий день, рано утром, неприметный черный микроавтобус, затонированный сплошь, стоял в квартале от Мишкиного дома. Ему прилетело сообщение на мессенджер: «Налево от подъезда. Сто метров. Сейчас».

Мама была в школе, на уроках, и парень, сунув ноги в джинсы, выскочил на улицу. Сто метров налево… Вот оно! Чернявый мужик, стоявший у машины, лениво махнул ему головой. Садись, мол. У него подмышкой мелькнула кобура, скрытая ветровкой, что Мишку, в общем-то, ничуть не удивило. Тут это было обычным делом. Дверца микроавтобуса отъехала в сторону, и он очутился в белоснежном, идеально чистом помещении, где сидела смуглая симпатичная медсестричка в кокетливом чепце на голове.

— Ложись и вытяни правую руку, — улыбнулась она Мишке. Уголки рта поднялись в улыбке, но лицо выше было недвижимо, словно маска. Глаза девушки были внимательны и серьезны. И в них было еще какое-то чувство. Жалость? Презрение? Брезгливость… Да, это была именно брезгливость.

— А зачем ложиться? — удивился Мишка, увидев настоящую больничную кушетку, обтянутую гладкой полиэтиленовой пленкой.

— Укольчик сделаю, — снова улыбнулась девушка. — В вену.

— Зачем это? — напрягся Мишка. Он жутко не любил уколы. — Я не болен.

— Это не лекарство, — холодно сказала медсестра. — Это стабильная форма препарата R87GT. Камикадзе, если тебе так будет проще понять.

— Я его в собственной крови должен перевезти? — выпучил глаза Мишка.

— Именно, — рассеянно ответила девушка, постукивая пальцем по шприцу, выгоняя воздух. — Так его никто и никогда не найдет.

— А как его из меня достанут? — хмурился Мишка, сжимая и разжимая кулак, надувая вену на локтевом сгибе.

— Аппаратом для гемодиализа, — не слишком понятно объяснила медсестра, но видя озадаченное Мишкино лицо, пояснила. — Искусственная почка. Заодно и кровь тебе от всякой

дряни почистит.

— Охренеть! — совершенно искренне удивился Мишка, наблюдая, как поршень медленно опустошает шприц прямо в его вену.

— Все, свободен! — деловым тоном сказала ему девушка. — Энвер скажет, что делать дальше. Выходи!

Мишка послушно вышел, а чернявый мужик, который позвал его в машину, сказал:

— Значит так, парень! Ты сегодня едешь в Лейпциг. Билеты на поезд уже загружены в твой чип. Когда выйдешь из здания вокзала, сядешь в такси с номером 561. Тебя отвезут на место, а потом доставят назад на вокзал. Ты должен быть дома уже вечером. Твоя мать ничего не заподозрит. В дороге ни с кем не разговаривать. Ни с кем и ни о чем! Это понятно?

— Да, — кивнул Мишка. — А если в дороге что-то случится? Возникнет какая-то проблема?

— Пусть у тебя не возникнет никаких проблем, парень, — серьезно сказал Энвер. — Это совершенно не в твоих интересах.

— Почему? — Мишка почувствовал холодок, который поселился в груди.

— Концентрат начинает терять стабильность уже через семьдесят два часа. Если ты до этого времени от него не избавишься, тебе придется худо.

— Я стану наркоманом? — ужаснулся Мишка.

— Не успеешь, — помотал головой Энвер. — Там такая доза, что ты просто сдохнешь. Кстати, я один раз видел такое. Жуткое зрелище. Так что лучше бы тебе не сходить с маршрута.

— Да как же это…, — совершенно растерялся Мишка, который только сейчас понял, во что ввязался. — Я что, умереть могу?

— И не просто умереть, а умереть очень скверной смертью, — кивнул Энвер. — Так что от души не советую.

— Понятно, — хмуро сказал Мишка. — Ну, я пошел?

— Иди, — кивнул Энвер. — У тебя до поезда два часа. Время в пути — меньше часа. Иди и помни, что я сказал. Бывай!

Мишка пошел прямиком на вокзал. Старое здание из красного кирпича, с заплеванным полом, по которому лениво елозил робот-уборщик, явно помнило прежние, благополучные времена. Оно было покрыто толстым слоем грязи, въевшейся в кирпич, которые еще помнил Бисмарка. В магистрате денег на ремонт не было, а тем счастливцам, что ездили на работу в Лейпциг, на чистоту пола было плевать. Именно это они, собственно и делали. Плевали. А робот меланхолично подъезжал, увидев своими сенсорами очередное пятно на вытертом тысячами

ног полу.

Мишка сидел на лавке, и с любопытством вертел головой. Он тут бывал нечасто, просто незачем. Последняя работа у него была полгода назад, но тот проект быстро свернули. Теперь он, как и большая часть населения их города, получал пособие, или ББД, безусловный базовый доход. Мишка с радостью даже полы пошел бы мыть на этот вокзал, но вместо человека тут трудился робот, которому не нужно платить за жилье, есть и даже спать. Ему нужна только розетка. И, уж конечно, он не член профсоюза.

Скоростной поезд с зализанными обводами подъехал строго по расписанию. С тех пор, как диспетчеров и машинистов заменили на искусственный интеллект, прошло лет десять. Именно тогда отец Гельмута, который работал на железной дороге, превратился из пышущего оптимизмом весельчака в мрачного алкоголика. Он так и не смог принять свою новую судьбу. Он, в отличие от миллионов других, хотел работать и приносить хоть какую-то пользу. Это звучало глупо и наивно, но именно это дядя Фриц говорил всегда, когда был пьян. А пьян он был почти всегда. Наверное, только неподъемная для одного пособия аренда держала около него жену, которая иссохла, превратившись в желчную стерву. А может, она все еще любила его, этого никто не мог понять. Тетя Берта когда-то работала в билетной кассе…

Мишка подошел к турникету и приложил левую руку к сканеру. Тот мигнул, и открыл проход. Как они смогли загрузить билет в его чип? Ведь считается, что это сверхзащищенная система. Странно это все…

Он стоял в тамбуре и смотрел на пролетающие мимо деревья, поля и деревушки, где на клочках земли копошились люди. Фермеров почти не осталось. Крупные корпорации протащили такие законы, исполнить которые частник не мог физически. Вот и сбивались те, кто работал на земле, в кооперативы, чтобы хоть как-то выжить. Их продукция шла на стол элите, тем, кто брезговал пищевыми концентратами и мог себе позволить покупать свежую зелень и фрукты. Немного было таких, десятая часть от силы, и жили они в крупных городах, таких, как Лейпциг и Берлин. Для остальных свежая клубника или малина давно стали неслыханным лакомством, которое давали детям по праздникам.

Время в пути пролетело быстро, ведь для Мишки это было скорее развлечением, чем обыденностью. А вот люди, набившиеся в утренний поезд, смотрели в окно с тупым равнодушием и обреченностью. Они ехали на работу, которую ненавидели. Не так уж много осталось профессий, где человек мог победить

компьютер в соревновании по эффективности. До того их осталось мало, что правительству даже пришлось вводить квоты, гарантирующие занятость хотя бы трети трудоспособных людей. И дрались за эти места отчаянно, насмерть. Ведь именно постоянная работа гарантировала относительно пристойную жизнь. Именно она давала возможность выплачивать посмертную страховку, которая сделает более-менее сносной твою жизнь после смерти. Мишка хмыкнул, последняя мысль звучала на редкость двусмысленно. Но таковы были реалии, и с этим ничего сделать было нельзя.

Толпу людей выплеснуло из поезда на площадь перед вокзалом, и они серыми ручейками потекли к остановкам автобуса и трамвая. Лишь редкие счастливчики, у которых позволял доход, устремились к стоянке такси. Туда же пошел и Мишка, острым глазом зацепив машину с номером 561. Какой-то мужик с портфелем озадаченно дергал за ручку двери, но та открываться не хотела ни в какую. Мужик смачно выругался и пошел к соседней машине, которая покорилась без лишних усилий. Ответ был прост. Машина с номером 561 ждала только одного человека.

Мишка открыл дверь и сел в прохладный салон. Водителя тут не было, эта профессия исчезла окончательно лет пять назад. Не стало таксистов, кондукторов, вагоновожатых… Лишь механики таксопарков сохранили свою работу, прочие же пополнили ряды получателей пособия.

Машина бесшумно тронулась, послушно притормаживая на светофорах. Аварии на дорогах исчезли полностью. Их не стало, как только последний человек уступил свое место искусственному интеллекту. Миллионы людей потеряли работу, но зато тысячи их перестали гибнуть на дорогах. На улицах было множество людей. Они слонялись без дела, разглядывая витрины. Они играли в какие-то игры. Они гуляли по паркам и целовались, наплевав на всех и вся. Тут, в центре, работала полиция, а потому суровые парни с устаревшими моральными ценностями смотрели на это непотребство с омерзением, но не вмешивались. Это там, на окраинах, где не слышна немецкая речь, за такое зарежут обоих. Тут можно было все, пока полицейский дрон висел на головами гуляющих. Только попробуй начать драку, тут же прилетит игла с транквилизатором, а твой социальный рейтинг понизится на сто пунктов. Еще одна драка, и рейтинг упадет до нуля, а это полная катастрофа! Тебя не примет ни одна больница, тебе не продадут билет на автобус, тебе срежут пособие на треть. Так что тут, в центре, было спокойно. Это не какая-нибудь окраина.

Центр Лейпцига напоминал те времена, когда Германией правила бабушка Ангела. Тут по-прежнему мыли тротуары с шампунем, а дороги ремонтировались каждый год. Тут жила и работала чистая публика, каждый второй из которой имел хорошую страховку и самые радужные перспективы. Тут располагались офисы крупных банков и государственные учреждения. Центр был квинтэссенцией счастья и недостижимой мечтой миллионов. Любой прыщавый клерк, попав в Финстервальде, мог снисходительно упомянуть, что он работает здесь, и любая девчонка пойдет с ним, завороженная блеском несбыточной мечты.

А магазины!!! Какие тут были магазины! В них даже работали живые люди, которые увивались перед каждым, кто открывал их двери. С их лиц не сходили улыбки, ведь они были счастливы. Они имели работу! Мишка хмуро посмотрел на свои мешковатые штаны, кеды и майку с лицом знаменитого футболиста. Перед ним уж точно увиваться никто не станет. Он чужой здесь. Его место на окраинах. Там, где тусуются парни, которым нечего делать с утра до вечера. Ведь ББД все равно придет первого числа, и его, если не транжирить, хватит на пищевой батончик и банку пива, которая сделает жизнь чуть менее бессмысленной и пресной.

Машина проехала помпезные кварталы, а ощущение счастья и богатства вокруг уменьшалось с каждым перекрестком. Вскоре они заехали в привычную Мишке застройку из облезлых однотипных домов. Полицейские дроны сюда залетали редко, их здесь попросту сбивали. Уличные парни, которые банчили наркотой, опасались лишних глаз.

Такси остановилось, а черноголовые мальчишки, сидевшие на корточках, молча показали Мишке дверь в подъезд. Он бестрепетно зашел туда и, повинуясь жесту еще одного южанина, зашел в квартиру на первом этаже.

— Проходи, ложись, — бросил незнакомец, и Мишка не стал спорить.

Комната оказалась на удивление чистой, а на ее белоснежных стенах не было ни пятнышка. И даже воздух пах чем-то знакомым, как в больнице, где лежал Мишка в далеком детстве. Пожилая тетка в белом халате затянула жгут на его плече.

— Работай кулаком! — услышал Мишка, который поморщился, когда в его руку воткнули две иглы.

— Лежать долго, — сказала тетка, надев ему очки виртуальной реальности.

Четыре часа пролетели быстро. Мишка и не заметил их, завороженный видами одного из миров для богатеев. Он мог

взлететь над землей, мог опуститься вниз, мог подслушать, о чем щебечут обнаженные дриады, одетые только в свои волосы. А еще он мог нырнуть в прозрачные бирюзовые воды океана, и поплыть рядом со стаей дельфинов, упиваясь волшебством нереального мира.

— Все, вставай! — сказала тетка, вытаскивая иглу из его предплечья. — Съешь вот этот батончик, он восстановит баланс электролитов. Сегодня много не пей.

— Да я вообще не пью, — стеснительно ответил Мишка.

— Ну и молодец, — равнодушно пожала плечами тетка, а потом бросила. — Свободен!

Такси, улицы Лейпцига, вокзал, дорога домой. Все это пронеслось в одно мгновение, потому что Мишка вспоминал тот сказочный мир для толстосумов, в который ему удалось заглянуть одним глазком. Вот как оно может быть! А его знакомые, что живут в зеленом мирке, рассказывали совсем иное. Экономный дизайн, однотипные дома, короткая травка, которая никогда не вырастет, и солнце, которое встает и заходит в одно и то же время. Там было просто немного лучше, чем на Земле-1. В их мире не было особенных излишеств, никто не станет тратить ресурсы на босяков. Босяки должны работать и копить денежки, реализуя Великую Западную Мечту. Они должны стремиться перебраться из этой унылой жопы, имея перед глазами настоящую цель. Ведь серебряный аккаунт стоит всего миллион долларов. Если найти подработку и платить по страховке четыре сотни в месяц, то за двести лет можно скопить нужную сумму. Страховые компании ведь продают свои полисы и в виртуальном мире тоже, не отпуская своих клиентов даже после смерти. Всего двести лет и твоя мечта сбылась! Тебя ждет райская жизнь в собственном коттедже с садиком и вечно молодой, невероятно красивой женой, у которой все эти годы на заставке монитора будет висеть ее новое лицо.

— Мам, я дома! — Мишка зашел в квартиру и сразу же пошел на кухню. Мама была там, он слышал ее всхлипывания.

— Мам, ну ты чего опять? — обнял ее Мишка за плечи. — Ну все же нормально. Тебе благотворительный фонд «Радуга» таблетки дал. Не о чем беспокоиться.

— Да это я от радости, Мишенька, — мама утирала непрошеные слезы, катившиеся по щекам. — Я и не надеялась уже. Есть же добрые люди на свете. Помогают таким, как я и Берта. У нее остеосаркома. Ты не знал?

— Берта? — по спине Мишки потек неприятный холодок. Он уточнил на всякий случай. — Мама Гельмута? У которой муж не просыхает?

— Да, — кивнула мама, поджав губы. — Во что он превратился! Смотреть противно! И почему она до сих пор живет с ним? Он же законченный алкоголик.

— Понятно, — протянул Мишка, который только сейчас понял, почему беспробудно пьет дядя Фриц, и почему высохла тетя Берта, и почему она до сих пор не развелась с ним, а покорно тащит домой, когда он снова напьется и заснет на улице.

— Этот фонд многим помогает, — продолжила мама. — И лекарства дают, и деньги, и даже операции больным детям за свой счет делают. Благослови, Господи, этих людей!

— Да-да! — Мишка уже не слушал маму, вспоминая все невероятные случаи, которые происходили у них на районе. Да, у одной пары прооперировали ребенка, одна вдова получает надбавку к пенсии за вредную работу, на которой трудилась в молодости. А кое-кто и вовсе ни с того ни с сего уезжал отдыхать на моря, хотя уже много лет сидел на пособии. Вот оно как, оказывается…

— А я тортик купила, Мишенька! — мамины глаза сияли такой неподдельной радостью, что парень выбросил из головы все мысли, что терзали его только что.

— Правда? — обрадовался он. — Дорого же!

— Ничего! — уверила его мама. — Такое событие надо отметить. Я так рада, так рада! Пойду завтра в магистрат и скажу, что ни в какое Зазеркалье я не переведу. Пусть слюной подавятся!

— А разве им не все равно? — удивился Мишка.

— Нет, конечно, — удивленно посмотрела на него мама. — У них ведь есть показатели работы. И чем меньше тут неизлечимо больных, получающих помощь от государства, тем выше эти самые показатели. Они же трясутся за свои места, сыночек! Ведь любой, кто отработал двадцать пять лет в магистрате, получает страховку! Они после смерти в собственном доме жить будут и внешность смогут выбрать, какую захотят. Они, если могли бы, сами меня на тот свет отправили бы. Лишь бы статистику по городу не портить.

И мама засмеялась дробным сухим смешком, представляя вытянутые от разочарования физиономии дам из городской управы. Она и сама была похожа на свой смех. Невысокая, худенькая, с лицом, испещренным мелкими ранними морщинками. Ее глаза лучились наивной добротой, которая смиряла самых отпетых хулиганов в классе. Как-то получалось у нее это, никто и не мог понять, как.

— Я порежу торт! — Мишка потянулся за ножом. Сегодня надо забыть о плохом. Сегодня они с мамой будут праздновать.

Глава 7

Зазеркалье. Пирр. Красная ветвь миров. Второй день после релокации

Судя по слабой слышимости, до Роба, этой сволочи, и японского эльфа-алкоголика было довольно далеко. Туша жука оказалась просто огромна. Как же спрятаться? В голове Мишки мысли завертелись безумной каруселью, но тут, к собственному удивлению, он заметил, что хитин панциря побледнел, и покрылся крапинками, став похож на один из валунов, что валялись вокруг в изобилии. Ах, вот оно что! Броненосный ядоплюй мог, словно хамелеон, менять окраску! А Мишка еще гадал, как антрацитно — черный жук размером с носорога может охотиться? Да его же видно за километр. Он спешно спрятал ноги под брюхо, зарыл жвала в рыхлую сосновую подстилку и смежил глаза, прикрыв их роговой завесой. Тело теперь почти не отличалось от камней, что лежали рядом, разве что камень этот был более гладким, чем его соседи. Впрочем, темные точки, разбросанные по хитину в прихотливом беспорядке, маскировали это упущение и, чтобы разглядеть Мишку, нужно было уставиться на него в упор.

Он ждал. Мишка никогда не отличался терпением, но теперь, когда, совершив оплошность, он мог потерять одновременно и деньги, и жизнь, он открыл в себе кое-что новое, совершенно незнакомое доселе. Оказывается, он был невероятно терпеливым парнем, просто сам не знал об этом. Он готов был провести в неподвижности хоть целые сутки, и это его ничуть не утомит. Только вот предчувствие било в набат. Не дадут ему просидеть так до конца охоты. Скорее всего, у его врагов тоже кое-что припасено в рукаве. Золотой аккаунт — это серьезно! Пятьдесят миллионов стоит, так он слышал. Вроде бы каждая последующая ступень на порядок дороже предыдущей. Впрочем, откуда безработные из заштатного городишки могут знать об этом? Да весь Финстервальде, оказывается, еще живет только потому, что находится недалеко от Дрездена, Берлина и Лейпцига, и оттуда удобно доставлять наркоту. И варить ее там тоже удобно, ведь полицейские и бургомистр сидят на зарплате у Бехара.

Он закрыл глаза и погрузился в мир запахов и звуков. Эльф любит прибухнуть, значит и пахнуть от него должно соответствующе. Скорее всего, он уже глотнул для снятия напряжения. Мишка втянул воздух. Трава, нагретый камень,

ящерица, цветок шагах в двадцати от него. Все это не то. Стоп! Странный запах, не похожий ни на что, насторожил его. Так мог пахнуть жидкий огонь, настоянный на цветах в бочке из дуба. Это что, алкоголь??? Мишке доводилось пробовать какую-то бурду, который заливал глаза отец Гельмута. Его жутко рвало потом. Но это!!! Этот запах был просто волшебным и, если бы не отчетливые нотки спирта, Мишка ни за что на свете не догадался бы, что это вообще такое. Вот и эльф нашелся.

Сидеть в засаде с закрытыми глазами оказалось совсем не скучно. Помимо запахов и звуков Мишка видел еще какие-то электромагнитные поля, а потому мелкая ящерка, что бежала мимо него, определялась, как подвижный синеватый сгусток, а трава казалась бледно — серой и какой-то тусклой. Мало в ней этого самого поля было, видимо.

Запах шел откуда-то слева, его доносили сюда порывы ветра. Там росли высоченные сосны, увидеть на которых эльфа, нечего было и думать. Что ж, эльф любит выпить, а значит, он не станет терпеть. Он себя обязательно проявит.

По ощущениям, прошла пара часов. Мишка учуял какое-то животное, которое пахло резко, с оттенком мускуса. Это мог быть второй охотник, и он пробегал пару раз где-то неподалеку, пытаясь найти свою добычу. Впрочем, это мог быть и не он. Чуял Мишка и аллозавров, когда ветер приносил запах, похожий на запах ящерицы, только отчетливо отдающий свежей кровью.

Шелест листвы, чуть отличавшийся от того, что был еще секунду назад, насторожил Мишку. Нет, он не ошибся. Запах алкоголя усилился, а к нему примешался запах весны. Как будто свежий лист растерли между ладоней. Видно, это и был настоящий запах эльфов. И запах, и шорох неумолимо приближались к нему.

Эльф был красив! Роскошной мускулатуре гибкого юного тела позавидовал бы профессиональный спортсмен. Он не был массивным, напротив, эльф был изящен и грациозен. Настоящее произведение дизайнерского искусства. Только раскосые глаза пожившего человека напоминали о том, что в этом теле сидит мертвый богатый японец, который купил себе страховку за пятьдесят миллионов. Эльф шел прямо к Мишке. Он нашел его, в этом не было ни малейших сомнений. А поскольку у эльфа горели трубы, он решил закончить охоту, не затягивая. Стрела, наложенная на лук, была направлена наконечником вниз, но Мишку это не успокоило. Он смотрел видосики из Зазеркалья и знал, на что бывают способны такие вот парни. Что же делать? Если подпустить охотника на двадцать шагов, эльф нашпигует его стрелами. Броситься в атаку? Может не успеть, и снова попадет

под выстрел. Яд? Ерунда, десять шагов, дальше он не доплюнет.

Эльф приближался. Видимо, он уловил лишь общее направление, где спряталась добыча, а потому шел осторожно, раздувая ноздри тонкого аристократического носа. Дроу! Это был дроу! Темный эльф, владеющий магией. Совсем хреново! Эльф вскинул лук, а Мишка зажмурил глаза. И вовремя, потому что от хитинового века тут же отрикошетила стрела. Была, ни была! Огромный паук рванул пулей, покрывая расстояние до эльфа в считанные секунды. Не дать ему выстрелить еще раз! Не дать!

У Мишки ничего не вышло. Эльф все-таки успел выстрелить, сделав это невероятно быстро, один слитным движением гибкого тела. Лишь в самый последний момент Мишка, словно в замедленной съемке, увидел летящую в него стрелу, которая плавно вращалась в воздухе вокруг своей оси. Он, видимо, повинуясь каким-то инстинктам, заложенным в этом теле, опустил вниз массивную голову, и стрела чиркнула по ней, улетев куда-то в сторону. Наверное, хитин можно было пробить лишь под углом, близким к девяноста градусам, и это стало для эльфа полной неожиданностью. Он так растерялся, что даже не сразу осознал, что порция яда впечаталась прямо в прекрасное лицо, превратив его в уродливую маску. Жуткий вой ударил в Мишкины уши, а длинный тонкий меч, возникший в руке эльфа, отрубил ему переднюю правую ногу.

— Сука!!! — заорал Мишка во всех доступных диапазонах. Дикая боль плеснула огнем по телу, и ему едва хватило сил откусить эльфу изуродованную башку.

Минут двадцать он просидел у тела убитого, не осознавая ничего, кроме боли в культе отрубленной ноги. Понемногу к нему стало возвращаться сознание, а боль стала тупой и ноющей. Нужно было уходить, он чувствовал это. Не могло такое остаться незамеченным.

И он рванул в скалы. На самый верх, туда, где не было деревьев и где аллозавры не могли устроить засаду или загнать его в ловушку. Он оказался прав, и именно это сказали ему открытые настежь глаза. Два динозавра, покрытых перьями, неслись к нему на всех парах, а метрах в двухстах с другой стороны по камням прыгал массивный зверь с длиной клыкастой мордой. Мишка испугался до жути, и полез по отвесной стене, находя иглами ног малейшие трещины в скале. Уже через пару минут он сидел на небольшой площадке, метрах в двадцати над землей.

— Мистер Гриффит! — один из аллозавров сделал легкий поклон в сторону то ли росомахи, то ли леопарда. — Рад снова видеть вас!

— Мистер Полански, миссис Полански! — раскланялся в ответ тот. — Взаимно, взаимно!

— Зеленый новичок укокошил самого Исикаву! Какой поворот, однако! — хрипло пролаял аллозавр.

— А я ему говорил не пить! — проворчал Гриффит. — Возьми добычу и пей, сколько хочешь. Но нет! Все неймется ему.

— Ему жена запрещает, — ответил второй аллозавр. — Он только здесь и может расслабиться, бедолага. Этот олух имел глупость купить семейную страховку, представляете! Эта стерва развела его, как мальчишку. Они застраховались в Калифорнии! В Калифорнии! Ну, не дурак ли! Там же брачное законодательство такое, что хоть волком вой. Он теперь свою грымзу будет терпеть еще лет сто минимум. Он даже тут развестись с ней не может, у него же дикая неустойка в брачном контракте прописана.

— Хе-хе-хе, — прорычала росомаха. Видимо, это означало смех. — Да, забавно! Он теперь страховой компании миллион за новое тело должен. Вот это поохотился! Жена его заживо сожрет!

— Эй, вы, уроды! — крикнул Мишка, который слушал этот разговор с неослабевающим интересом. Он почувствовал себя в безопасности, и на него напало игривое настроение. — Хрен вы меня тут достанете!

— Мистер Гриффит, мне послышалось, или оно разговаривает? — прозвучал озадаченный голос. — Да что за день-то сегодня! Мало того, что Исикаву убили, так еще и какой-то отброс из Красного Мира смеет в нашем присутствии рот раскрывать…

— Почему это я отброс? — обиделся Мишка. — Я нормальный человек, такой же, как и вы.

— Ты нормальный человек, который не имеет страховки и живет в Красной Ветви Миров, — вежливо сказал аллозавр. — Я сейчас ничего не перепутал?

— Не… нет, — смутился Мишка. — Страховки у меня нет.

— Значит, ты самый настоящий отброс, — все так же вежливо пояснил охотник. — Поверь, уж я в этом разбираюсь! Ты полнейшее ничтожество, которое не сумело попасть даже в какой-нибудь унылый зеленый мирок, где должно было пахать до скончания веков и смотреть дебильные шоу по телевизору, запивая их синтетическим пивом! Ты грязь, пачкающая эту Вселенную! Ты биомусор! А мы с друзьями совершаем благое дело, очищая мир от таких, как ты. Так что заткнись, скот, и делай то, за что тебе платят. Развлекай нас!

— Пошел ты в задницу, курица ощипанная! — отважно сказал Мишка, который чувствовал себя совершенно неуязвимым, сидя на кусочке отвесной скалы. — Кстати, вы не подскажете, сколько

времени осталось до конца нашего совместного мероприятия?

Ему никто не ответил, а охотники лишь переглянулись и издали какой-то рык. Один из аллозавров остался внизу. Видимо, сторожить, чтобы Мишка не сбежал ненароком, а остальные охотники пошли в разные стороны, и это было скверно. Они совсем не производили впечатление людей… Каких людей? Существ! Существ, которые растеряны и не знают, что делать. Напротив, их движения были деловиты и экономны. И они явно были уверены в своих силах.

Времени прошло довольно много, а все еще ничего не происходило. Мишка уже и заскучал, уверившись в собственной безопасности. Странный шорох заставил его встрепенуться. По отвесной скале прямо сверху к нему спускалась огромная ящерица с впечатляющими зубами. И на ее чешуйчатой харе, Мишка мог в этом поклясться, появилось выражение торжества и презрения к плебею, который станет сейчас ее добычей.

Метаморф! — страшная догадка чуть было не сбросила его вниз, прямо к аллозаврам, которые с интересом наблюдали за этой картиной снизу. И их опять было два, видимо, достать Мишку в скалах они не могли никак. А вот ящерица продвигалась неспешно, но очень уверенно, присасываясь к скале своими лапами. Видимо, это был какой-то геккон.

Порция яда, которая полетела в охотника, никакого вреда ему не принесла. И это вызвало широкий оскал, который, по всей видимости, означал улыбку.

— Что? Яда больше нет, неудачник? — сочувственно сказал мистер Гриффит. — Тебя не предупредили, что для его восстановления требуется время? Бывает!

Из его рта вылетел язык, который ударил прямо в то место, где за мгновение до этого была Мишкина нога. Он успел убрать ее, с удивлением увидев, как из крепкой скалы вылетела каменная крошка. Аллозавры внизу приплясывали от нетерпения, разевая зубастые пасти. Видимо, им очень хотелось отведать Мишкиного мяса.

Что же делать? Что же делать? — билась в голове одинокая мысль. Он попробовал уползти в сторону, но следующий удар языка перебил ему переднюю ногу слева, и Мишка окончательно охромел. Тяжелая туша без опоры теряла равновесие, и он едва смог увернуться, когда язык ударил снова. В этот раз удар пришелся в голову, и ощущения, которые почувствовал Мишка, были сравнимы с ударом молота.

— Что, говнюк? — усмехнулся ящер, — Тебе уже не так весело? Ты ведь не умирал раньше? Я прав?

— Не умирал! — дрожащим голосом ответил Мишка, в

голове которого забрезжила робкая идея. — И я очень боюсь попасть в пасть этим двум педикам внизу. Мне сказали, что они конченые садисты.

— Эй! — возмущенно заорали аллозавры снизу. — Мы, вообще-то, все слышим! Гриффит, сбрось его вниз!

— Да, мистер и миссис Полански отдаются охоте полностью, — тактично подтвердил Гриффит. — Они вкладывают в нее всю свою душу, если так можно сказать о двух тероподах, существующих в недрах гигантского сервера.

— Убейте лучше вы, — голос Мишки задрожал еще больше. — Агент сказал, что вы просто перекусите мне горло, и я не буду мучиться. Пожалуйста, мистер Грифит, я боюсь этих ненормальных.

— Вот это да! — хрипло захохотал ящер. — Никогда ничего подобного не слышал. Это неспортивно, малыш. Ты должен сопротивляться!

— Я буду! Я сделаю все, что смогу! — уверил его Мишка. — Яда нет, ног нет! Какой из меня боец? Так, одно название.

— Сбросить его вниз и подарить трофей этим козлам? — едва слышно пробормотал Гриффит. — Тогда мне никогда не догнать их в общем зачете. Они и так взяли двоих сегодня. Парень дело говорит.

— Ну же, я вас умоляю! — жалобно прошептал Мишка.

Огромная ящерица подобралась вплотную к Мишке, видя, что он покорно подставил шею. Огромная пасть сомкнулась на его горле, а он воткнул в бока охотника острые, словно иглы, кончики своих ног, и полетел вниз в обнимку со своим врагом, навстречу валунам у подножья.

* * *

— Ну, ты даешь, парень! — Роб, который был в своем истинном обличье, смотрел на Мишку с немалым уважением. — Ты настоящий псих! Новостные ленты просто шумят!

Они сидели в какой-то конторе, где побитая мебель соседствовала с чучелами необычных животных.

— Пошел ты в задницу! — Мишка, у которого не только ноги и руки были на месте, но и даже не болело ничего, пошел багровыми пятнами. — Козел!

— Да ты чего это? — изумился Роб. — Перенервничал, что ли? Так это охота, братец. Что ты хотел?

— Я хотел свои пятьдесят штук! — прорычал Мишка. — И чтобы рожу твою паскудную больше не видеть!

— Сорок пять штук, парень, — не меняясь в лице, сказал Роб. — Я твой агент, как-никак. Десять процентов мои.

— Ты предал меня! — выпалил Мишка, обвинительно уставив на него указательный палец. — Ты сделал так, что я спрятался в скалах, а потом японца туда привел. Я все слышал!

— Конечно же, ты все слышал, — спокойно ответил Роб. — У броненосного ядоплюя великолепный слух. И обоняние, кстати, тоже. Запах коньяка ты точно должен был уловить. От него же разило на километр.

— Так ты это сделал специально? — раскрыл рот Мишка.

— Это охота, мальчик, — ровным голосом пояснил Роб. — Я не знал, кто из вас победит. Но я дал тебе шанс. Я все еще козел?

— Я уже не понимаю, — опустил плечи Мишка. — Я тут вообще ничего не понимаю.

— А тут и понимать нечего, — сочувственно посмотрел на него Роб. — Это же виртуальный мир, тут все ненастоящее, кроме…

— Да, кроме денег, — продолжил его мысль парень. — Мне уже говорили.

— Ты встретил Оракула? — понимающе посмотрел на него Роб. — Его все встречают в свой первый день. Я тоже с ним говорил когда-то.

— Это оракул? — не на шутку заинтересовался Мишка. — Он умеет предсказывать будущее?

— В основном он курит дурь и несет всякую херню, — поморщился от каких-то неприятных воспоминаний Роб. — Но иногда да, он делает предсказания, и весьма точные. Его редко встречают во второй раз. Мне вот не доводилось.

— Как мне получить свои деньги? — спросил Мишка.

— Протяни руку и положи ее на терминал, — сказал Роб.

— Ваш кошелек пополнен на сорок пять тысяч семьдесят четыре доллара! — мелькнула перед Мишкиными глазами надпись и пропала.

— Семьдесят четыре доллара? — озадаченно спросил Мишка.

— Ты продержался почти шесть часов, — охотно пояснил Роб. — У меня все по-честному. Не думал же ты, что я зажму твою почасовую оплату? Кстати, с нее я тоже удержал свои комиссионные. Договор есть договор!

— Где тут можно снять жилье? — спросил Мишка.

— Зайди на городской портал и посмотри объявления, — равнодушно пожал плечами Роб. — Больше восьми сотен в месяц не плати, залог не оставляй, никаких бумаг не подписывай. И да, заведи счет в банке. Твой кошелек в браслете тут обчистят, не успеешь оглянуться. Это даже легче, чем дать тебе по башке, и

вытащить деньги из кармана.

— Где банк? — деловито спросил Мишка. — И какой самый надежный?

— Тут те же самые банки, что и на земле, парень, — пояснил Роб. — И даже люди там работают те же самые, только мертвые. Кто на наркоте спалился, кто денег украл, вот и попали сюда. Но, в отличие от своих земных филиалов, наши банки принимают наличку, не задавая лишних вопросов. Это же Красный Мир, тут можно все.

— Ну, я пошел, — Мишка поднялся со стула.

— Три штуки в час, — бросил Роб ему в спину. — И на тебя есть заказ. Кое-кто хочет с тобой поквитаться, парень. Три штуки и специальная премия, если протянешь все восемь часов. У тебя, определенно, талант и оригинальный стиль, Михель, и ты сильно отличаешься от того тупого мяса, которое идет на охоту от полной безысходности. Ты понравился большим людям, Михель, а это дорогого стоит.

— Да ни за что на свете! — замотал головой Мишка. — Я же не сумасшедший!

— Ну, как хочешь, — равнодушно отвернулся Роб. — Бывай! Просто сначала мне показалось, что ты хочешь выбраться отсюда. Видимо, я ошибся.

— Выбраться отсюда? — Мишка резко повернулся к Робу. — Как можно отсюда выбраться? Говори.

Глава 8

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Десять дней до релокации

Смертная скука — главная беда всех, кто сидит на пособии. Отсутствие необходимости вставать утром и бежать на работу лишило людей смысла жизни. Поколения немцев, которые пахали с утра до вечера, оставили что-то такое в генетическом коде своих потомков, а потому лица людей, бесцельно бродящих по улицам, несли на себе печать растерянности и апатии. Особенно тяжело было тем, кто когда-то работал. Они до сих пор не могут принять эту жизнь и постепенно сходят с ума, лишенные какой-либо цели.

А вот мальчишки к такой жизни привыкли. Сон до обеда, бесцельное шатание по улицам и компьютерные игры. Или только компьютерные игры, и ничего, кроме компьютерных игр. Молодежь переселялась в игровой мир с детства, считая реальную жизнь какой-то дурацкой обузой.

«Пацаны, в стрелялку срубимся?» — телефон Мишки пискнул сообщением.

«Можно», — ответил он.

«Давай!»

«Готов!»

Мишка пошел к компу, надел очки и нацепил датчики на руки и ноги. Привыкать к виртуальной жизни нужно с детства. Ведь настоящая жизнь там, а тут лишь прелюдия к ней. Так их учили с первого класса.

— Привет! — белозубая красавица приветственно махнула ему рукой и приняла соблазнительную позу. — Я только что переехала в Зазеркалье! У меня серебряный аккаунт и я заработала на него сама! Если хочешь узнать как, потрогай меня! Ну же! Я вся горю, мой милый! Не сдерживай себя!

— Задолбала эта реклама! — поморщился Мишка, смахивая рекламный ролик. Интернет был переполнен ими. Он как-то пощупал эту телку, а потом попал на рекламу нового пищевого синтезатора.

«Сегодня выпустили новый шутер, „Спецназ Дельта“. Полное погружение! Игра просто улет!» — это написал Вольф. — «Две недели бесплатного доступа».

— «Живем!!!»

— «Не тормози, кидай ссылку! Сейчас набегут!»

— «Ловите!»

Мишка быстренько ввел номер айди и свой пароль. Интернет уже давно перестал быть черной дырой. Он был прозрачен, как стекло. И правила в нем были примерно такие же, как в жизни. Порядок и законность! Впрочем, на стрелялки это не распространялось, и вся нерастраченная агрессия сливалась именно там.

— «Акулы Рейна здесь, парни!» — прилетела строка в чат. — «Сделаем их».

— «+».

— «+».

— «+».

Их команда называлась «Ланскнехты Финстервальде». Сначала они хотели назваться просто «Ланскнехты», но такая команда уже была, и пришлось выкручиваться.

— «Базука, мины и снайпер! Работаем, как всегда!»

* * *

День пролетел незаметно. Акул они все-таки сделали, хоть и не без потерь. Вольф поймал очередь из автомата в грудь и теперь морщился от не слишком приятных воспоминаний. Гельмуту оторвало ногу противопехотной миной, и он орал от боли, пока не вколол себе обезболивающее из аптечки. У мальчишек была мечта — поехать на чемпионат Германии. Вдруг, их заметят, найдутся спонсоры, а там, глядишь, придут слава и деньги. Именно об этом и мечтали миллионы школьников, и Мишкины друзья исключением не были. Как еще можно заработать тем, кто не имеет образования, денег и связей, чтобы это самое образование получить? А еще Мишка мечтал стать полицейским. В этом районе их не любили, и это было взаимно. Но у Bulle (быков), как называют тут служителей закона, лучшая страховка из госслужащих. Почти такая же, как у тех противных теток в магистрате.

— Может, написать Марте? — задумчиво протянул Мишка.

У них как-то раз случился секс, но больше из-за любопытства, чем из-за чувств. Получилось все как-то скомкано, совсем не так, как в сети, где они и познакомились. Там она была отпадной блондинкой с пятым размером груди, а он качком-варваром. Они частенько развлекались в приватных зонах, а потом решили встретиться в реальной жизни. Она оказалась нескладной девчонкой в роговых очках, и поначалу они просто шатались по городу, не решаясь даже взяться за руки. Но потом Мишка набрался смелости и предложил ей сделать ЭТО по-настоящему.

Она подумала и согласилась. Они пошли к нему домой, где все и случилось. Неловкие поцелуи, неумелые ласки и очень быстрый финал. Ощущения были так себе, на троечку с минусом. Никакого сравнения с тем, что они вытворяли в сети. Он проводил ее до дома, и они молчали всю дорогу, не зная, что друг другу сказать. Мишка чувствовал себя крайне неловко, да и она тоже. С тех пор они не встречались, да и в секс-игру больше не заходили. Ни она, ни он. Видимо, боялись встретиться снова. И вот теперь ему почему-то захотелось написать ей.

— «Привет»

— «Привет» — ответ прилетел незамедлительно.

— «Что делаешь?»

— «Да ничего не делаю».

— «Хочешь, погуляем?»

— «Как тогда?»

— «Просто погуляем»

— «Если просто, то давай»

— «Через час на площади. Нормально?»

— «Ок. Все равно делать нечего».

Мишка откинулся назад, заставив старенькое кресло жалобно скрипнуть. Неплохая девчонка, и поговорить с ней есть о чем. Не такая дура, как Моника из соседнего подъезда. Он как-то погулял с ней, но после пересказа третьего эпизода ее любимого сериала, Мишка внезапно вспомнил, что мама велела перемыть всю посуду в доме, и ретировался. Марта хлопала глазами, а он поспешно сбежал, пока она не поняла, что ее попросту обманули. Зачем посуда тем, кто питается пищевыми батончиками?

Мишка надел джинсы и чистую футболку, почистил зубы и расчесал мокрой расческой непослушные волосы. Годится! Он взял кастет, всунул в потайной кармашек короткий тычковый нож, без которого в их районе редко выходили на улицу и закрыл за собой дверь квартиры. До площади идти минут двадцать неспешным шагом, но лучше не опаздывать. Марта обидится.

Он пришел первым. Городская площадь, домам на которой было уже несколько столетий, еще не потеряла старинного пряничного лоска. Дома тут отличались свежей краской, да и вообще, тут, в центре и жили, и работали люди обеспеченные. Не чета всяким голодранцам с окраин. Пацаны со всего города частенько тусовались тут, не обращая внимания на поджатые губы местных снобов. Тут было красиво, не так, как в их районе, застроенном типовыми домами для дармоедов — получателей ББД.

Марта опоздала на пятнадцать минут, ровно на столько, чтобы девушка сохранила свое достоинство и при этом не

заставляла себя долго ждать. Что и говорить, она была умна. Марта изменилась с тех пор, хотя они виделись месяца четыре назад. Девчоночья угловатость еще не ушла совсем, но худенькое тело приобрело намек на округлости, чего раньше не наблюдалось вовсе. Да и очки она поменяла на другие, с тонкой дужкой, куда более изящные, чем раньше. И она стала куда симпатичней, что весьма странно. Прошло ведь не так много времени. На ней была надета довольно легкомысленная маечка, которую задорно приподняла небольшая острая грудь.

— Привет! — Мишка с любопытством разглядывал девчонку, которая порозовела под его пристальным взглядом. — Ты так изменилась, красивая стала, — сказал он и осекся. Он попал в самую частую ловушку, в которую попадают по первости все вот такие вот мальчишки, когда учатся делать комплименты.

— А раньше, значит, некрасивая была? — воткнула руки в бока Марта. — Ах, вот как!

— Прости, прости! — поднял Мишка руки. — Это я от неожиданности! Глупость сказал. Ослеплен твоей красотой, Марта!

— То-то же, — милостиво простила его девушка, а потом призналась. — Меня старшая сестра накрасила.

— У тебя сестра есть? — поразился Мишка. Он до этого и не знал об этом. Да и само наличие сестры или брата было в их районе делом редким. Двое детей — это очень дорого. Это у гостей с юга много детей, а у немцев…

— Есть, — кивнула Марта. — Ей двадцать девять, и она уже замужем.

— Круто, — протянул Мишка. — Из моих друзей ни у кого брата или сестры нет.

— Родители не стали аборт делать, — грустно хмыкнула Марта. — Не знаю, что на них нашло. Природа ведь должна отдыхать от людей. Да и вообще, настоящая жизнь там, в виртуале.

— Нам училка то же самое говорила, — легкомысленно махнул рукой Мишка. — А мне и тут нравится.

— А что тебе тут нравится? — серьезно посмотрела на него девушка. — Нет тут ничего хорошего. Ведь там жизнь куда лучше, особенно, если на серебряный аккаунт накопил.

— Да я, может, и на золотой накоплю, — широко улыбнулся Мишка. У него хорошо получалось улыбаться. Ему тоже начинали улыбаться в ответ по-настоящему, а не одними уголками губ, как было принято. — Мы с ребятами хотим в чемпионат Германии отобраться по киберспорту.

— Да ну…, — протянула Марта. — Видела я этих

спортсменов. Да их лет с пяти готовят. Диеты, режим, тренировки специальные… Я вышла как-то на дуэль против такого, так он меня за секунду разделал. А я очень прилично от бедра стреляю.

— Правда? — не на шутку заинтересовался Мишка. А чего мы с тобой в той игре… общались? Может, постреляем вместе? У нас команда с ребятами.

— А они не будут против? — сощурилась в улыбке Марта.

— Не будут! — горячо ответил Мишка и показал большой палец. — Они вот такие парни!

Ни к чему не обязывающая болтовня продлились до темноты, и они даже не заметили, что все это время продержались за руки. И им было очень, очень легко и спокойно. Так, словно они знали друг друга целую вечность, а не познакомились только что.

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Пятый день после релокации

Мишка лежал в своей новой квартире, пялясь в потолок, испещренный мелкими трещинками. Интересно, кому понадобилась такая детализация? Чтобы подчеркнуть, что жилье дешевое? Да это и так понятно.

Мишка открыл счет в банке в тот же день, оставив себе на расходы сотню налом, и еще пять сотен в кошельке браслета. Народ тут собрался на редкость ушлый, надо беречь то, что обошлось ему в целую жизнь. Эти дни он провел не зря, засев в местной сети, подключение к которой стоило сотню в месяц. Недешево, весьма недешево. Зато никаких компьютеров не требовалось, а вся необходимая информация возникала просто перед глазами в виде текста, картинок или видео. Их можно было даже скачивать и класть в персональное хранилище файлов, которое он у себя обнаружил.

Он снова вошел в портал. Что тут есть для новичков? Реклама, реклама, реклама!

«Образовательные курсы от Ганса!» Сразу нет! Он эти курсы уже прошел.

«Лучшие шлюхи из мира Камасутра! Любые желания, любые фантазии! Работают метаморфы с опытом, полученным в реале!». Ого! Мишка и не знал, что тут такой мир есть.

«Приглашаются охотники. Рассмотрим любую кандидатуру. Подбор тел. Высокая выживаемость!». Это мы тоже проходили.

«Требуются мидлбоссы в новую MMORPG! Плюс +2000 к силе, +1000 к мане. Специальные условия в случае убийства.

Обязательное требование для претендентов — не менее трех запасных жизней!». Охренеть! Это что же, в играх можно живого человека укокошить? Для Мишки это стало открытием.

«Требуются охотники!». Опять охота? «Гарантия выживания, низкий уровень опасности! Не Пирр!!!». А вот это уже интересно.

«Требуются наемники на войну Кассиопеи и Деймоса! Навыки вождения истребителя обязательны. Личный счет не менее 5». Это еще что???

Жизнь тут била ключом. Местные зарабатывали, чем могли, начиная от той же пресловутой охоты и заканчивая работой в банках и страховых компаниях. Преддверие было пересадочной станцией, куда можно было вернуться из других миров совершенно бесплатно. Вот поэтому тут было довольно многолюдно. Какая-то часть релокантов и вовсе оставалась здесь навсегда, обзаведясь собственным бизнесом. А что? Жизнь как жизнь, только контингент вокруг был несколько своеобразен… Это если так можно было выразиться. Народ тут был на редкость дерьмовый. Пробы ставить негде. И именно это и напрягало Мишку больше всего, заставляя сидеть дома, где он экономно проедал с таким трудом заработанные денежки. Если не сорить деньгами, то на двадцатку в день здесь можно было питаться вполне сытно. Только вкус еды тут разительно отличался от той, что он знал на земле.

Он с огромным трудом отворачивался от воздушных пирожных, колбас и отбивных, призывный запах которых несся из каждой забегаловки. Он хотел набить себе рот всем, что видел в витринах, и есть, есть, есть… Он покупал по одной вкусняшке в день, медленно смакуя неизвестные ему раньше вкусы. Зачем это было сделано? Зачем вообще есть людям, которые и живыми-то по факту не были? Ответ и на этот вопрос оказался предельно прост. Деньги! Релоканты должны тратить свои деньги, чтобы работала экономика Зазеркалья. Они должны есть, пить, брать кредиты, ипотеки и покупать страховки. А еще, наверное, они должны хотеть вырваться отсюда. И это тоже было возможно. Но вот как?

* * *

Три дня назад.

— Выбраться отсюда? — Мишка резко повернулся к Робу. — Как можно отсюда выбраться? Говори.

— А ты уверен, что этого хочешь? — лениво спросил Роб.

— Уверен, — мотнул головой Мишка.

— Собери три руны, — все так же лениво сказал Роб. — И окажешься в той ветви, что ведет в Преддверие Желтой Ветви Миров.

— Да-да, я слышал это от Оракула, — растерянно сказал Мишка. — А что это за руны такие? И как их собрать?

— Ни малейшего представления не имею, — пожал плечами Роб. — Никогда этими сказками не интересовался. Да мне и тут неплохо живется, если честно. Куда лучше, чем в реале.

— А тем, кого вы на смерть отправляете, как живется? — спросил его Мишка в лоб.

— Да плевать мне, как им живется, — ответил Роб максимально честно. — Это их выбор. Если ты попал в Красный Мир, значит что-то с тобой не так, и общество изолирует тебя от нормальных людей. И оно, это общество, дает тебе возможность принести хоть какую-то пользу перед тем, как сдохнуть навсегда.

— Например, развлечь своей смертью двух педиков — аллозавров? — грустно пошутил Мишка. Невесело ему становилось, когда он проникал в то, как устроена местная жизнь.

— Например, — без тени иронии кивнул Роб. — Но любая система должна иметь и плюсы помимо минусов. Они есть и тут. Это называется равновесие, парень! А равновесие, как ты понимаешь — это основа любой системы. Собери все руны и вали отсюда подобру-поздорову. И еще раз отвечаю на не заданный тобой вопрос. Я понятия не имею, как это сделать. Это старая легенда.

— Это ложь? — лицо Мишки вытянулось от разочарования.

— Это легенда, — поправил его Роб. — И это точно не ложь. Это отвечает логике системы, а значит именно так и должно быть. Я слышал, что кое-кто ускользнул отсюда. И это говорили весьма серьезные люди.

— А для чего здесь нужны деньги? — задал Мишка волнующий его вопрос. — Деньги, деньги, деньги! Только о них и слышу! Тут нет детей, тут не нужно тратиться на посмертную страховку. Для чего все это?

— Для того, чтобы жить, мальчик, — сочувственно посмотрел на него Роб. — Ты что, думаешь, десять жизней это много? Я тебя разочарую. Ты можешь спалить их все за месяц, а можешь и сохранить их, потеряв две-три, пока будешь набивать шишки и искать здесь свое место. Ты заработал кучу денег по земным меркам. Куда ты хочешь их потратить?

— Я не знаю, — смутился Мишка. — У меня таких деньжищ сроду не было. И не представляю даже.

— Когда пойдешь прикупать себе новые силы или умения, то узнаешь, что денег у тебя кот наплакал, — уверил его Рон.

— Тут можно покупать силы? Умения? — выпучил глаза Мишка.

— Можно, — кивнул Роб. — И я советую тебе сделать именно это. Иначе в последующих охотах ты просто не выживешь. Система не бросает свои плюшки настолько щедро. Тебе безумно повезло, парень. Ты просто сам еще этого не понимаешь.

— Я не пойду больше ни на какую охоту, — вскинулся Мишка.

— Конечно, — равнодушно кивнул Роб. — Ты будешь работать в страховой компании, а лет через пятьсот накопишь денег, чтобы купить себе сил и открыть ту самую дверь в мире Дархан.

— Ту самую дверь? — выпучил глаза Мишка. — Мир Дархан?

— Говорят, что последняя дверь в Дархане ведет в закрытую для всех остальных ветвь миров. Именно по этой ветви можно перебраться в Преддверие Желтых Миров. Это все, что я знаю, Михель.

— Обалдеть! — совершенно искренне сказал Мишка, пытаясь переварить полученную информацию. — Как все непросто, оказывается. А оттуда можно пройти в ветвь Зеленых Миров?

— А зачем тебе туда? — спросил его Роб. — Если ты оказался тут, значит, рамки обычного мира слишком тесны для тебя. Ты там сдохнешь от скуки, поверь.

— Там мама…, — стеснительно ответил Мишка, отчаянно покраснев под изумленным взглядом Роба. — Она попадет туда и она с ума сходит, зная, что я здесь. Она не может поговорить со мной, ведь контакты с Красными Мирами запрещены.

— Ты поговоришь со своей мамой, — впился в него взглядом Роб. — И ты даже сможешь перевести ей денег. Я обещаю!

— Что мне это будет стоить? — повернулся к нему Мишка. Он уже знал ответ.

— Ты работаешь на меня, парень. Ты работаешь на меня…

Глава 9

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Девять дней до релокации

Будильник прозвенел ровно в десять. Они с ребятами снова рубились в стрелялку до четырех утра, а потому спать хотелось неимоверно. Но делать нечего, придется вставать. Он обещал маме прибраться в доме. Крошечная квартирка, чуть меньше сорока квадратов, и так была чистой. Мама убирала по мере сил, а Мишка почти все время проводил на улице и в сети. Только сил у мамы становилось все меньше, она стала уставать намного быстрее, чем раньше. Болезнь понемногу брала свое.

Сначала вытереть пыль, потом пройтись по полу влажной тряпкой, потом протереть оба подоконника. У них была маленькая спаленка и кухня, она же зал, она же мамина спальня. Комнату мама уступила ему, ведь она уходила на работу намного раньше, чем он просыпался. Протереть книжную полку… Особенно отцовскую фотографию, что стояла там, сколько Мишка себя помнил. Мишка взял у руки старомодную рамку, на которой улыбался его папа. Ему было около сорока, когда он пропал! Мишке тогда и трех лет не исполнилось. Телек включить, что ли, подумал он, бездумно делая механическую работу. Пусть тарахтит себе.

— Телевизор! Новостной канал! — сказал он.

Рамка на стене весело вспыхнула, залив комнату светом и звуком. Мишка не любил новости, уж слишком много там было фальши и вранья. Ведь он был весьма неглуп, хоть и не смог получить грант на обучение в колледже.

— Канцлер Шульте посетил с визитом гамбургскую агломерацию. Тема визита — ущемление прав германоязычных граждан. Министерство иностранных дел подало протест шейху Абдул-Азизу аль Насири после беспорядков в христианском квартале Гамбурга. «Убийства чести» — бич нашего времени! Напоминаем, что толпа радикалов снова забила камнями девушку, которая, по их мнению, вела распущенный образ жизни…

— Переходим к международным новостям. Президент Соединенных Штатов Америки выступил с речью в честь двадцатой годовщины окончания Азиатской войны 2025–2027 года. Мы склоняем головы перед мужеством жителей оккупированного Тайваня, — сказал президент Оливер Буш…

— Повстанцы в Конго взяли столицу страны. Есть многочисленные жертвы среди мирного населения…

— Вновь назначенный посол Курдистана вручил верительные грамоты президенту Мюллеру…

— Консульство группы Брикс в Берлине пикетировали граждане столицы. Поводом послужило нарушение прав меньшинств в этой зоне мира и углеродные выбросы, которые эти страны снижают недостаточно медленно. Активисты призывают к еще большему бойкоту их товаров…

— Неизвестный подводный беспилотник провел агрессивный маневр недалеко от морских границ Европейской конфедерации. По непроверенным данным, это был российский патрульный робот, оснащенный термоядерным зарядом. Европарламент выразил решительный протест…

— Бои в долине Инда перешли в позиционную фазу…

— Восстановление амазонской сельвы замедлилось. Бразилия прилагает недостаточные усилия… Европарламент выразил решительный протест…

— Зона пустыни в южной Испании увеличилась за год на восемь процентов. Подземные запасы воды в регионе Андалусия практически исчерпаны…

— Продолжаются бои в восточной Турции. Напомним, что причиной стало строительство каскада электростанций в верховьях этой реки, что привело к уменьшению площади орошаемых земель в Сирии и Ираке…

— Продолжаются варварские карательные акции российских, китайских и индийских войск в Афганистане. Мы поддерживаем стремление афганского народа к экономической независимости, сказал канцлер Шульте. Налеты дронов стран-агрессоров уничтожают посадки опийного мака, разоряя ни в чем не повинных фермеров… Европарламент выразил решительный протест…

— Халиф Омар II принял официальную делегацию Союза Африканских стран. Жители Стокгольма приветствовали почетных гостей…

— В зоопарке Берлина родился мамонтенок…

Все! Мишка выключил осточертевшую ерунду. Ничего необычного в мире не случилось, ну и хорошо. Где-то воюют, кого-то опять убили за откровенный наряд, а Европарламент снова выразил решительный протест, на который все вокруг решительно наплевали. Кого вообще волнуют протесты этих идиотов? Жизнь давно изменилась, и если снова какая-то ненормальная евроактивистка прошлась в бикини по мусульманскому кварталу, то это ее личная проблема. Голову

надо на плечах иметь.

Русские опять свои дроны запускают. Параноидальная страна, помешанная на своей безопасности. Только и делает, что клепает оружие, которым может трижды уничтожить все живое на планете. Четверть века назад именно она опустила Железный Занавес, породив ту самую задницу, в которой сейчас все живут. Именно из-за русских холодно в домах, именно из-за них приходится жрать пищевые батончики вместо нормальной еды. Ведь именно из-за них снизилась урожайность в Германии, когда без дешевого газа подорожали минеральные удобрения. Такое Мишка слышал по телевизору. Так их учили в школе на уроках истории. И он не подвергал это ни малейшему сомнению. А зачем?

И без того чистая квартирка теперь блестела чистотой и свежестью. Все свои вещи Мишка разложил по местам, заправил кровать и даже полил цветок, стоявший на подоконнике. Теперь можно и на улицу. Они с ребятами договорились встретиться в двенадцать на спортплощадке.

Мишка поскакал по ступеням, не обращая внимания на изрисованные стены облезлого подъезда. Тут давно не было ремонта, да никогда и не будет уже, наверное. Он аккуратно перешагнул через тело пьяного соседа, который снова не дополз до своей квартиры, и вышел на солнечный свет.

— Здоров! — Мишка хлопнул по ладоням друзей.

— Ну, как мы их? — восторженно сказал Вольф. — Акулята несчастные!

— Да! — помотал головой Гельмут. — Было круто! Никогда еще не видел, как мозги из башки вылетают. Я чуть не блеванул!

— Парни, — сказал вдруг Мишка. — А что мы с вами дальше будем делать?

— Ты это о чем? — повернулись к нему друзья. На их лицах было написано искреннее непонимание и даже обида.

— Мы вот в игрушки играем, тусуемся, не делаем ни хрена, — пояснил свою мысль Мишка. — Работы нет, и не предвидится. Перспектив на горизонте нет. Нам уже по восемнадцать. До эвтаназии еще сорок семь лет, а мне уже все осточертело.

— Мы же хотели отобраться…, — несмело ответил Вольф, но осекся. Да, они играли весьма неплохо, но он и сам понимал, что их уровень был несопоставим с уровнем настоящих профи, звезд киберспорта.

Эта тема была табу в их компании. Мальчишки никогда не обсуждали ее, таков был молчаливый уговор. Они верили в свою мечту, которая не давала им превратиться в растения все эти

годы. Точнее, они делали вид, что верят, до этого самого момента, пока один из них не заявил прямо, что все это нелепая чушь. Прямо сейчас под прошлой жизнью была подведена жирная черта, и плечи только что улыбавшихся новому дню молодых ребят опустились, а перед глазами встали их родители. И каждый вдруг увидел в них самого себя.

— Я не буду бухать, как батя, — с болью в голосе сказал Гельмут. — Я знаю, почему он пьет. Это из-за матери. Он ишаком подрядился к Бехару, чтобы ей лекарства покупать. Он ее любит, но жить с этим не может, потому и заливает глаза этим пойлом. Он же работал всю жизнь, а теперь себя грязью чувствует, иждивенцем, преступником… А она… Она ревет ночами… Я же слышу… Проклинает себя за это, а отказаться не может. Боится умереть… И в Зазеркалье тоже не хочет… Простите, парни, не надо было вас грузить этим. Это мои проблемы, не ваши…

— Да я давно об этом догадался, — хмуро ответил Вольф. — Как только узнал, что твоя мать из этого сраного фонда «Радуга» таблетки получает. Они через него своим ишакам платят, да еще и налоги себе уменьшают, сволочи.

— И я об этом знал, — кивнул Томас, который тоже перестал улыбаться. В его глазах поселилась грусть и боль. Тетю Берту и дядю Фрица они все знали с пеленок. Ведь они с Гельмутом выросли рядом, и учились в одном классе.

— И я тоже знал, — махнул рукой Мишка. — Я вообще считаю, что твой отец — крутой мужик, а никакой не преступник. Ему памятник надо ставить.

— Правда? — на глаза Гельмута навернулись непрошеные слезы. — А он мучается, считает, что невинным людям смерть приносит. И сам боится, что сдохнет от этой дряни.

— Концентрат в крови три дня стабилен, ничего с ним не случится, — брякнул Мишка и понял, что натворил. Ребята смотрели на него с ужасом.

— Михель, дружище, скажи, что ты этого не делал! — прошептал Гельмут побелевшими губами. — Ведь это же я тебе тогда… Господи, какой же я идиот!

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Шестой день после релокации

Умения… Силы… Мишка мучительно размышлял, что ему делать дальше. С одной стороны, он может оплатить матери медицинскую страховку на пять лет вперед, а с другой стороны,

она ему больше не поверит. Может и не принять эти деньги. Откуда у него появилась такая сумма? Да еще и в Красном Мире! Скорее всего, ее это просто напугает, а ведь ей сейчас и так непросто. Она ведь там с ума сходит, зная, что ее сыночек попал в место, хуже которого и нет, в настоящий ад. Нельзя все деньги стразу отправлять, она же изведется вся, гадая, во что он снова ввязался из-за нее. Как бы глупостей не натворила.

И Мишка решительно отправился в банк. Клерк с синеватыми белками глаз, выдающими бывшего наркомана, приветливо улыбнулся ему, обнажив пеньки гнилых зубов. В Красном Мире можно было все, даже внешность поменять, были бы деньги. Но у клерка, видимо, таких денег не было, и он восседал за столом с той же физиономией, с какой подох от передоза в реальной жизни.

— Слушаю вас, сэр, — любезно сказал испещренный морщинами мужик.

— Я хотел бы отправить перевод на Землю-1, — решительно сказал Мишка.

— Это незаконно, — отрезал клерк. — Простите, сэр, но я ничем не смогу вам помочь.

— Вы не понимаете, — растерянно ответил Мишка. — У меня там мама…

— Я вам сочувствую, мистер Кляйн, — считал его данные сканером бывший наркоша. — Но помочь ничем не могу.

— Но, может быть, — с нажимом спросил Мишка, — вы знаете, кто может мне помочь?

— Не знаю, — отрезал клерк и что-то быстро черкнул на бумажке, которую спихнул локтем со стола. — Вам лучше покинуть банк. Мы тут такими вещами не занимаемся.

— Что ж, очень жаль, — разочарованно ответил Мишка, поднимая бумажку с пола. — Тогда я могу пополнить свой кошелек до двух тысяч долларов?

— Пожалуйста, мистер Кляйн, — расцвел в гнилозубой улыбке клерк. — Приложите свой браслет. Благодарю, что воспользовались услугами нашего банка.

Выйдя на улицу, Мишка развернул бумажку. «Тринадцатая авеню, дом семь. Сказать, что от Эдди». Улицы в Зазеркалье строились по американскому принципу. Вдоль — авеню, поперек — стрит. Просто и понятно. И Мишка побрел по улицам, читая таблички на стенах домов. К его удивлению, тут не было ни перестрелок, ни погонь, ни даже драк. Публика на улицах была деловитой, спеша куда-то вместо того, чтобы совершать злодейства на каждом шагу. Видно, количество денег, перекачанных сюда из реального мира, давало немалый стимул

для желающих их заработать. А может быть, Мишка еще не все понимал до конца. Он уже не удивлялся ничему, даже тому, что тот самый Ад, что рисовали им на Земле-1, оказался небольшим чистым городком, где деловая активность била фонтаном. Ведь тут можно было абсолютно все!

— Эй, парень, — обратилась к нему кукольная блондинка с грудью, разрывающей блузку. — Заходи, не пожалеешь! Лучшие тела от студии дизайна Ли Сын Пака. Отвал башки! Все бабы твои будут! Любая фактура, любой каприз! Хер до колен идет бонусом!

— Нет, мне не надо, — попятился от нее в испуге Мишка. Старые усталые глаза потрепанной тетки на лице юной прелестницы его безумно напугали. Недоработал с этой деталью мастер Ли Сын Пак.

— Ну и зря, — облизнулась девушка, окончательно введя Мишку в ступор. У нее был длинный раздвоенный язык. — Видел, что он мне сделал? Минет получается просто фантастический. Кстати, за полсотни могу отсосать прямо сейчас. У тебя на Земле такого точно не было. Твои ровесницы и не умеют ничего.

— Не… не хочется что-то, — промямлил Мишка.

— А я-то, дура старая, подумала, что ты оторва, раз умудрился попасть сюда, — с любопытством рассматривала его блондинка. Она протянула руку к его лицу, порываясь погладить по щеке. — Хорошенький такой, чистенький! Что же ты натворил при жизни, малыш?

— Я пойду, ладно? — отскочил от нее Мишка.

— Ну, иди, иди, мальчик, — пренебрежительно хмыкнула красотка, теряя к нему всякий интерес.

И он пошел. Мишка никогда не был в этой части города, и местная публика поглядывала на него с нескрываемым интересом. У нее на лице был написан тот же вопрос, что и у блондинки. Что же он натворил? И что скрывается за внешностью паренька, который попал в Красный Мир прямо со школьной скамьи? Некоторые и вовсе посматривали на него с недюжинным уважением. Им, как и Педро, понадобилось много лет, чтобы загреметь сюда.

Тринадцатая авеню, дом семь. Он на месте. Вывеска на доме гласила: «Ди Анджело и партнеры. Финансовые услуги». Мишка прошел внутрь.

— Чем могу помочь, сэр? — немолодой итальянец обнажил в улыбке дорогостоящие протезы. — Я Пьетро Ди Анджело, финансовый консультант.

— Мне нужно деньги перевести на Землю, — помялся Мишка.

— Вы попали по адресу, сэр, — лучезарно улыбнулся итальянец. — Осмелюсь спросить, откуда вы узнали о нашей

конторе?

— Эдди сказал, из банка, — пояснил Мишка.

— Вот договор, — подвинул к нему лист бумаги Ди Анджело, видимо, удовлетворенный услышанным. — Прочтите и подпишите.

— Комиссия за перевод сто процентов? — выпучил глаза Мишка. — Вероятность успешности перевода — 95 %? Это еще что такое?

— Это договор на оказание услуг, сэр, — терпеливо пояснил финансовый консультант.

— Но эти пункты…, — замялся Мишка. — Они странные какие-то. Комиссия просто бешеная.

— То, что мы тут с вами делаем, сэр, немного незаконно, — все так же терпеливо пояснил итальянец. — Но вы пришли по рекомендации, поэтому я с вами и разговариваю. Видите ли, перевод ОТСЮДА ТУДА — штука весьма непростая и не слишком надежная. Да, есть риск потери денег, и я вас честно об этом предупреждаю. Финансовая разведка не дремлет, знаете ли. Ваш платеж могут просто арестовать. Я не могу нести за это ответственность. Этот риск целиком ваш.

— А позвонить отсюда туда я смогу? — Мишка был настроен решительно. Он не даст себя облапошить еще раз. — Я спрошу у мамы, получила ли она деньги.

— Конечно, можете, — пожал плечами Ди Анджело. — Но связь дерьмо. Это тоже незаконно, если вы еще не в курсе.

— Я в курсе, — кивнул Мишка. — Давайте переводить.

— Продиктуйте айди вашей мамы, сэр, — финансист застрекотал клавишами, а в воздухе появилась рамка монитора. — Повторите, проверим. Сколько переводим? Две тысячи марок? Восемьсот долларов по курсу. Конвертация будет стоить один процент, сэр.

— Делайте, — мотнул головой Мишка.

— Приложите браслет. Готово! Спасибо, что воспользовались услугами нашей компании, — вновь расплылся в улыбке итальянец.

— А позвонить? — насупился Мишка.

— Ах да! — итальянец нажал какие-то кнопки и протянул Мишке трубку допотопного телефона. — Прошу вас, сэр.

— Алло! Кто это? — голос был едва слышен и забивался какими-то помехами.

— Мама! Это же я!

— Сыночек? — услышал он растерянный далекий голос. — Но как ты смог позвонить? Оттуда же нельзя…

— Мама, я деньги послал, — Мишка орал, стараясь

перекричать помехи.

— Ой, правда! Спасибо, сыночек! Пришли!

— Мама! Мама! — кричал Мишка, но слышал одно лишь шипение.

— Обрыв связи, наверное, — сочувственно сказал ему Ди Анджело. — Это часто бывает. Глушат нас, как могут. У них специальные утилиты работают, чистят каналы связи. У вас еще остались какие-нибудь вопросы, сэр?

— Нет, спасибо, — ответил Мишка. — Я пойду.

— Всего хорошего, сэр, — прижал руку к сердцу финансовый консультант. — Всего хорошего.

Мишка, словно на крыльях, летел в свою квартирку. Теперь ему не нужно идти в кабалу к негодяю Рону. Он и сам решил все свои проблемы. Видимо, Красные Миры уже начали принимать его за своего. Ему тут уже почти начало нравиться.

Глава 10

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Восемь дней до релокации

— Как ты мог? — мама смотрела на него с нескрываемым ужасом и отвращением. — Как ты посмел пойти на это?

— Ма, ты о чем? — рассеянно спросил Мишка, с величайшим трудом сохраняя спокойствие. Его сдали. Друзья называется!

— Мне Берта все рассказала, — глухим голосом ответила мама. — Этот фонд помогает лишь тем, кто перевозит наркотики. Поэтому Фридрих пьет. Ты теперь тоже это делаешь?

Уф-ф! Не сдали! — с облегчением подумал Мишка. Тетя Берта проболталась.

— Да ну, мам, как ты могла подумать? — возмутился Мишка. — Да ни за что на свете! А тетя Берта просто ошибается. «Радуга» многим людям помогают.

— Правда? — немного растерянно сказала мама. На ее лице было написано невероятное облегчение. Мама никогда не умела скрывать свои мысли. — Я же чуть с ума не сошла. Ты не обманываешь меня? Поклянись!

— Клянусь! — поднял руку Мишка. — Теперь все, можно поесть?

— Я так испугалась! — мама смотрела на него таким ясным и добрым взглядом, что у Мишки защемило от жалости сердце. Он никогда не обманывал ее, ведь она верила ему безоговорочно. Он развернулся и ушел в свою комнату, у него совершенно пропал аппетит. Мишка чувствовал себя так, словно он только что извалялся в грязи и сел на ее кровать. Так, словно предал ее… Да он и предал. Мама была слишком беззащитна перед ним. Любящий человек всегда беззащитен перед тем, ради кого он живет. А потому удар от него всегда больнее, и всегда достигает цели. Душевную боль надо срочно залить чем-то. Дядя Фриц заливал ее алкоголем, как и сосед снизу, бывший капитан речного судна. Мишка пока не дошел до этого. Он нашел другой способ.

— «Постреляем?», — написал он Марте.

— «Я тебя сделаю!», — прилетело в ответ незамедлительно.

— «И не мечтай! Приглашаю в игровой клуб. Он принадлежит дяде Гельмута. Он разрешает нам пострелять, когда помещение не занято. Полное погружение. Площадь — полгектара!»

— «Круто!!!»

* * *

Мишка нацепил на одежду датчики и запустил аппаратуру. По нему прошел луч сканера, считывая параметры тела. То же самое сканер сделал и с Мартой, которая с любопытством рассматривала огромный ангар, в котором они сейчас повоюют по-настоящему. Ребята надели на голову шлемы и вошли в игру. Привычный мир исчез.

Жаркое солнце ударило в глаза, и Мишка надвинул поглубже широкополую шляпу. Тут, в Техасе, ему было не слишком комфортно. Спецэффекты в этой игре были на уровне, и почти сразу же едкий пот начал заливать глаза. Унылые пейзажи оживлялись одними лишь кактусами, которые росли сразу же за околицей крошечного пыльного городка. Мишка поправил пояс, который оттягивали два здоровенных кольта. Он любил его приятную тяжесть. Грань между реальностью и игрой уже давно стала почти неощутимой, а многочисленные датчики формировали нужные импульсы, тренируя рецепторы мышц. Неудивительно, что навыки, полученные в виртуальном мире, довольно прочно закреплялись у игрока и в мире реальном. За исключением рукопашных схваток. Там все было похуже. Ведь для настоящей драки мало было закрепленных рефлексов. Нужна еще мышечная масса, растяжка и крепкие суставы кистей. Впрочем, профессиональные бойцы проводили в специальных тренажерах не меньше времени, чем на ринге и татами, а это о чем-то, да говорило.

Мишка ощупал рукояти тяжелых пистолетов, пару раз выбросил их вперед, имитируя выстрел. Нормально, девчонка ему не соперник. На поясе еще висел метательный нож, совершенно лишний в этой игре. Видимо, он был оружием последнего шанса, и владел им Мишка весьма прилично.

Длинная улица, по которой ветер катил куст перекати-поля, была обманчиво пуста. Из-за ставней выглядывали любопытные обыватели-боты. Они никогда не выходили из домов, когда видели стрелка из своих окон.

Марта появилась на противоположном конце улицы. Та же широкополая шляпа, что и у Мишки, скрывала ее лицо. А она изрядно поработала над своим персонажем, удивился парень. Может быть, даже докупила опций. По крайней мере, она была очень похожа на саму себя, только взрослее, что ли… Там, где у настоящей Марты округлости только намечались, они цвели в полный рост. Джины обтягивали тугую круглую задницу, и под блузкой, завязанной узлом на пупке, притягивала внимание немаленькая грудь. М-да, не в той игре она сделала себе тело. Вот

бы опять в ту самую с ней заглянуть…

— Сейчас будут бить часы, — крикнула ему Марта. — Стреляем на пятый удар. До десяти очков. Потом пойдем в твой «Спецназ Дельта» поиграем.

— Принято! — крикнул ей Мишка в ответ. Хороша, думал он. А как на себя настоящую похожа! Классная, все-таки, девчонка. Повезло ему.

Часы на стоявшей неподалеку башне начали свой отчет. Никому и в голову не приходило поинтересоваться, откуда такая роскошь в нищей дыре, расположенной в Мексиканской пустыне. Но игра есть игра, и Мишка начал отсчет.

— Раз, два, три, четыре! Что за херня??? — поразился Мишка улетая на респ. Марта и, впрямь, стреляла очень прилично. Ну, ничего, он соберется и отомстит. Сколько тут до возрождения — минута? Это немного. У него еще девять попыток.

Мишка шел по длинному коридору, держа в руках два Глока. Приятная тяжесть любимого оружия успокаивала. Он любил эту модель. Тень впереди! Выстрел! Есть! На панели достижений загорелось очко. Еще один фраг засчитан. Темное ответвление вправо. Там его ждут, он знал это точно. Граната, отскакивая от стен, звякнула пару раз, и взорвалась, обдав Мишку жаром и свистом осколков. Впрочем, они пролетели мимо, ведь он стоял за углом. Впереди самый тяжелый участок, и Мишка перезарядился. Тут, в игре, менять запасные обоймы приходится точно так же, как в жизни. А если обоймы заканчиваются не вовремя, приходится набивать их вручную, трясущимися непослушными пальцами всовывая до щелчка округлые бочонки патронов. Он достал несколько штук и сделал крестообразные надрезы на головке пули. Дум-дум, цветок смерти. Нет ничего лучше, когда идет драка в тесном пространстве. Все, он готов.

Мишка вышел из коридора в зал с балюстрадой наверху. Именно оттуда его достали уже дважды. Но сегодня он пройдет этот уровень, он обязательно его пройдет. Движение! Выстрел! Тело упало с балкона вниз, а кости погибшего жалобно хрустнули. Еще движение, и Мишка тупой пулей снес башку появившемуся откуда-то сбоку оборванцу с Калашниковым. На полу растеклась липкая лужа, и Мишка гадливо отдернул в сторону рифленую подошву ботинок. Вперед! Он стрелял экономно, расходуя по патрону на цель, и только в конце уровня, когда магазины оказались пусты, он в немыслимом броске увернулся от автоматной очереди и достал-таки врага метательным ножом. Все, он прошел!

Руки и ноги подрагивали по-настоящему, а на его лице засыхала чужая кровь. Мишка безумно устал. Он привалился к

стене, стараясь успокоить сердце, которое хотело выпрыгнуть из груди.

— Ну, чего ты возишься? — это появилась Марта, которая прошла этот уровень играючи. — Сохраняйся и пошли, погуляем.

— Пошли, — кивнул Мишка, и вышел из игры. Новый шутер и, правда, был совершенно улетным. Тяжелый запах крови, казалось, преследовал его и дома. — Бр-р-р! — Мишка передернул плечами. Вот ведь фантазия у разработчиков. Совсем больные на голову!

Он умылся и забросил в себя пищевой батончик. У него поменялась рецептура, теперь в нем больше клетчатки, и он стал еще более отвратным на вкус. Видимо, проклятая система следила за частотой посещения туалета, и вносила свои коррективы в их с мамой рацион.

Улица встретила его ласковым ветерком, который унес прочь так надоевшую липкую жару. Скорее бы осень! Мишка любил осень, особенно начало сентября, когда солнышко еще грело вовсю, но того лютого, изматывающего зноя уже не было. Мама говорила, что раньше не было так жарко, а на юге Европы, там, где сейчас пустыни, цвели сады и жили люди. Она как-то смешно называла это время. Бабье лето, вот! Странное название. А еще они ходили за грибами. Этого не делал никто из их знакомых, такое и в голову не могло никому прийти. Тут это было не принято. Наверное, именно поэтому вездесущие корпорации не додумались это запретить, не подозревая даже, что полунищая мать-одиночка берет где-то еду и не платит за нее за нее ни пфеннига. Мишка любил грибы. Они брали их немного, чтобы не попасться на глаза соседям. Те могли донести, и тогда маму вызовут в магистрат, где будут долго читать ей лекцию, как Природа устала от людей, и какой низкий поступок она совершила по отношению к ней. А могут и социальный рейтинг понизить, если такой сигнал от неравнодушных соседей поступит снова. У них была маленькая электрическая плитка, оставшаяся с незапамятных времен, и именно на ней мама готовила супчик из собранных грибов. Пахучее варево, в которое она бросала немного картошки и зелени, Мишка лопал за милую душу, чуть не вылизывая тарелку. Он любил осень…

— Привет! — Марта подставила щеку для легкого поцелуя. Она уже позволяла ему это, считая его своим парнем. Они больше не заходили в секс-игру, и свой первый неловкий опыт тоже не вспоминали по молчаливому обоюдному согласию. Они вычеркнули из своей жизни этот период, словно его и вовсе никогда не было.

— Привет! — он смотрел на нее по-другому, открывая в

давно знакомой девчонке все новые и новые грани личности. Оказывается, она была отменным стрелком, не чета ему. И он, кажется, влюбился в нее по уши.

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Десятый день после релокации

Ощущение счастья было каким-то неполным. Все эти дни Мишку беспокоило что-то неясное, словно какой-то червячок сомнения еще оставался и не хотел уходить. Он долго ловил ускользающую мысль, пока вдруг его не осенило.

— Мама! Почему она говорила по-английски! — и он простонал. — Ах ты, сука поганая!

Он вскочил с постели, сунул ноги в джинсы и уже через десять минут целеустремленно шагал в сторону конторы Роба. Сказать, что его агент удивился, было бы неверно. Он не удивился совсем. Да и вообще, Роб вел себя так, словно его подопечный просто вышел за кофе. А кофе, надо сказать, тут был совершенно невероятный. Мишка никогда не пил ничего подобного.

— Что у вас тут бывает за убийство? — спросил хмурый, как ноябрьское утро, парень, плюхнувшись на стул перед своим работодателем.

— Штраф, — пожал плечами Роб.

— А сколько? — не на шутку заинтересовался Мишка.

— Две жизни за каждую из отнятых, — ответил Роб. — Не советую этим заниматься, особенно, если потерял деньги. Тут нет следствия, нет прокурора, нет адвоката. Тут нет даже судьи, парень. Тут есть Система, великая, всезнающая и всемогущая. Здесь ведь отпетый сброд собрался. Как, думаешь, мы все тут уживаемся?

— Хм-м, — начал осознавать Мишка. — Вон оно чего.

— Все отморозки заканчиваются быстро, — со знанием дела сказал Роб. — Они живут коротко и ярко. Ты, судя по заданному тобой вопросу, тоже попал сюда не за то, что переводил старушек через дорогу, и это твое личное дело. Тут не принято лезть в чужое прошлое. Ну, так прими добрый совет, парень. Не делай того, что задумал, иначе закончишься быстро, потратив все десять жизней в считанные недели.

— Как тут мстят? — посмотрел на него исподлобья Мишка.

— О-о-о! — закатил глаза Роб. — Отличный вопрос! Месть в наших условиях, когда система знает каждый твой шаг — это

целая наука. Ты будешь постигать ее не один год, Михель. Но запомни раз и навсегда — убийства и тяжелые увечья для тебя табу. Не делай этого. По крайней мере, сам.

— А если не сам? — ухватил его мысль Мишка.

— Видишь! — поднял палец Роб. — Ты уже начал понимать, как тут все устроено.

— Ты что-то говорил про связь с Землей и возможность перевести деньги, — глядя в глаза Робу, напомнил Мишка.

— Говори! — Роб пустил по столу планшет, на котором перед этим набрал что-то. — Я же знал, что ты заявишься сюда. У тебя две минуты.

— Мама! — Мишка неверяще смотрел на такое родное, испещренное мелкими морщинками лицо.

— Мишенька! — в голос заплакала та, кто был ему дороже всего и на этом свете, и на том. Хотя, какой из них тот, а какой этот? Он уже запутался!

— Мама! — заорал Мишка, боясь, что она его не слышит. — Мама! Как ты?

— Нормально все, Мишенька! — она смотрела на него сквозь непрошеные слезы, текущие из глаз. — Ты где? ТАМ?

— Да, у меня все хорошо, — ответил Мишка, у которого тоже в глазах стояли слезы. — Я на работу устроился. Платят приличные деньги.

— На работу? — растерялась мама. — Как на работу? Но это же тюрьма, ад! Как там можно устроиться на работу? Я ничего не понимаю.

— Мама, прости, у меня очень мало времени, тут связь глушат, — начал сворачивать разговор Мишка, видя гримасы Роба. — Я тебе денег пришлю, чтобы ты лекарство купила.

— Не надо, — грустно покачала головой мама. — Я не стану их пить, сыночек. Я уже сходила в магистрат. Меня пригласят на эвтаназию в течение месяца.

— Зачем? — завопил Мишка, не обращая внимания на отчаянные гримасы Роба, который водил ребром ладони по шее. — Не делай этого!

— Мне незачем тут больше жить! — грустно сказала она. — А там, в Желтом Мире, я буду ближе к тебе…

— Как в Желтом? Почему в Желтом? — растерянно спросил Мишка в черный экран. — А почему связь прервалась?

— Потому что кое-кто исчерпал весь счет, — сварливо ответил Роб. — Знаешь, как дорого звонить туда? Ты удивишься!

— Сколько? — спросил Мишка.

— Сотня за минуту! — свысока посмотрел на него Роб. — Как тебе расценки? Людоеды просто! Грабят средь бела дня!

— Сотня! — Мишку скрутило истерическим смехом. — Я тебе все верну, до последнего цента. Сотня! Ой, я не могу!

— Итак, — Роб снова был деловит, а Мишка уже перестал хохотать, как полоумный, и только прыскал в кулак, вспоминая свой визит на тринадцатую авеню. — Ты хотел поговорить о работе.

— Да, хотел, — ответил Мишка, в голове которого билась тревожная мысль — «Желтый Мир! Желтый Мир! Желтый Мир!». — Я хотел бы попасть туда, где можно стрелять. На такую охоту я, пожалуй, подпишусь.

— Киберспорт? — пристально посмотрел на него Роб. — Не надейся особенно на свои навыки. Против каких-нибудь лохов из первого призыва, да еще и с серебряным аккаунтом, это может сработать. Но любой охотник из золотых сделает тебя одной левой. Как ты думаешь, почему они охотятся в виде животных? Потому что они брезгуют такой дичью, как ты. Слишком уж несопоставим класс.

— Так посоветуй что-нибудь попроще, — обдумал ситуацию Мишка.

— Лохи из первого призыва, — сказал, подумав, Роб. — Проще некуда. Без летальных исходов. Двадцать баксов в час.

— Двадцать? — разочарованно протянул Мишка. — Это что, работа за еду?

— А ты чего хотел? — возмутился Роб. — Тут серьезные деньги платят только серьезные парни и за серьезный риск. А всякие начальники отделов продаж и риэлторы своей шкуркой рисковать не готовы. Страховая компания в случае утраты тела с них последние трусы снимет. Сраный Диснейленд, где они пуляют из игрушечных автоматиков — это предел их мечтаний. Там, если кому-то ребро сломает резиновой пулей — уже событие года. Это не для тебя, парень. Поверь, я давно в этом бизнесе. Твоя стихия — кровь и кишки, висящие из распоротого брюха. Я чувствую в тебе хорошую перспективу.

— Что еще есть? — задумчиво спросил Мишка.

— Гонки на выбывание, — коротко ответил Роб.

— Я не умею водить машину, — покачал головой Мишка. — Только на симуляторе в игре и ездил.

— Это твои личные проблемы, — любезно пояснил агент. — Там большая часть никогда не водила настоящую машину. Но есть те, кто водят, и водят хорошо. И в этом весь смысл.

— Ставка? — спросил Мишка.

— Пять тысяч. Тарификация посекундная.

— Это мне подходит, — не на шутку оживился парень.

— Не сильно радуйся, — охладил его пыл Роб. — Гонка идет

всего час. И посекундная тарификация там не просто так, поверь.

— Подробности будут? — спросил после раздумья Мишка.

— Гонка, как гонка, — пожал плечами Роб. — За исключением того, что это не гоночный трек, а гигантский склад. Тачки совершенно разные и достаются участникам случайным образом. Тебе может достаться гоночный болид, а может — автокран. Вот и все.

— Надо первым прийти к финишу? — уточнил Мишка. — Это сложно будет сделать на автокране.

— Не угадал, — покачал головой Роб. — К финишу надо прийти не первым, а единственным. И да, в прошлый раз победил именно автокран. Приз — сорок штук. Заказчик — букмекерская контора, а я — генеральный агент и кастинг-директор этого шоу.

— Шоу? — удивился Мишка. — Какое еще шоу?

— Да самое настоящее шоу, — уверил его Роб. — Уже анонсы в сети вовсю идут. Права на трансляцию проданы, рекламные контракты заключены. Через два дня старт. У меня уже и люди набраны, но если хочешь попробовать — милости просим!

— Сорок штук, — задумчиво пробубнил себе под нос Мишка. — Неплохо. Дашь почитать контракт?

— Читай, — подвинул ему лист бумаги Роб. — Форма В-2, как в прошлый раз.

Мишка погрузился в чтение, от усердия шевеля губами. Ну, что тут? Вроде бы все, как тогда, ничего неожиданного. Десять процентов со всех его доходов получит агент. Это и козе понятно, Роб своего не упустит. Пять тысяч в час с посекундной тарификацией, гарантия того, что ранение будет излечено за счет организаторов шоу, случайный выбор транспортного средства, необходимость дойти до финиша за рулем автомобиля… Вроде все было так, как сказал Роб. Деньги нужны позарез, а зарабатывать как-то по-другому Мишка еще не научился. А как еще выбраться отсюда, если не купил умения и силы? Никак! Поэтому он приложил к сканеру браслет, подписав новый контракт. Гонки, так гонки. Прав у него нет, но он немало поиграл в различные симуляторы. Уж как-нибудь справился.

— Отлично, — не меняясь в лице, сказал Роб, забирая свой экземпляр контракта. — Придешь сюда послезавтра в десять утра. Не опаздывай.

— Слушай, Роб, — осенило вдруг Мишку. — Если там многие не умеют толком водить машину, в чем тогда опасность этого шоу?

— Видишь ли, Михель, — пояснил Роб. — Там почти никто не умеет водить, но зато все отлично умеют стрелять. Пока, парень! Не опаздывай!

Глава 11

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Шесть дней до релокации

Старая водонапорная башня стояла на окраине города уже лет двести. Красный кирпич ее был тем же, из которого построили вокзал. Тогда, в девятнадцатом веке, тут было много работы, не то, что сейчас. Мишка сидел на самом верху с биноклем, который выменял на бутылку шнапса у соседа снизу. Он когда-то давно водил баржу по Рейну. Это было в те незапамятные времена, когда кораблями еще управляли живые люди. То есть лет десять назад. А теперь шнапс был ему гораздо нужнее, чем бинокль. Он и рад был от него избавиться, ведь проклятая оптика напоминала ему о тех временах, когда он еще не был вконец опустившимся алкашом.

Отсюда, с башни, албанский конец города был виден, как на ладони. И дом Бехара тоже был виден. Его сложно было перепутать с каким-либо другим, ведь это был и не дом вовсе, а огромное поместье за высоким забором. Странно, Мишка и не догадывался, что такая роскошь может быть в их городке. Наверное, потому, что в тот район нормальные люди никогда не ходили, делая вид, что его и нет вовсе. Так стыдливо они прятали свой страх от самих себя.

Последний разговор с ребятами закончился как-то скомкано. Они посидели на поваленном дереве еще с полчаса и разбрелись по домам, не найдя больше тем для разговора. Мишка подключился к компу и влез в какую-то игру. Он не стал звать ребят, а они не стали звать его. Новая правда придавила их до земли. То, что они скрывали сами от себя, теперь было вытащено на свет божий и предъявлено миру. Да, они бесполезные ничтожества, которые проведут свою жизнь так же, как их родители, считая годы до эвтаназии или же, строго наоборот, проводя время в молитвах тому, в кого в этих землях уже давно никто не верил. Хотя… верить начинали снова, и это отнюдь не было единичными случаями. Людям нужна была опора в этой жизни, хоть какая-нибудь. И тут албанцы, четырьмя поколениями живущие в одном доме и пять раз в день расстилающие молитвенный коврик, резко выделялись из безликой толпы местных. Они не заботились о Природе, которая устала от людей. Их не волновала хрупкая экология амазонской сельвы. И даже соблюдение прав человека в далеком Синьцзяне их не заботило

совершенно. Они не смотрели местные новости. По слухам, родители в том районе даже не разрешали своим детям играть в компьютерные игры, не без основания считая их гнездом разврата. Может быть, поэтому в глазах этих людей не было той глухой тоски, что поселилась в душах настоящих хозяев этой земли?

Мишка и сам до конца не понимал, зачем он здесь. В его душе зрело какое-то новое чувство, которое придавало ему сил. Он почувствовал, что у него есть настоящая цель. Та самая, ради которой стоит жить, и ради которой не стыдно умереть. Он, как и свойственно всем юным, рассуждал просто и прямолинейно. Раз я не хочу через двадцать лет стать таким, как дядя Фриц, значит надо жить не так, как живет он. И поступать надо не так, а строго наоборот. А как? На этот вопрос у него пока не было ответа. И в поисках его он бессмысленно пялился в бинокль, надеясь увидеть ответ, бесцельно блуждая взглядом по албанскому району. Шальная мысль, что посетила его прошлым вечером, начинала нравиться ему все больше и больше. И вот почему.

За день до этого

Марта не отвечала. Она не отвечала все утро, весь день и весь вечер. Она не заходила в игру, ее не было в соцсетях. Ее не было нигде, и это было очень и очень странно. Ведь если девушки не было в Инсте больше двух часов подряд, значит, она умерла. Это знает даже ребенок.

Мишка бездумно листал ее профиль. Вот Марта с сестрой, вот она с родителями, а вот они с ним стоят у ратуши. Такие счастливые! А вот скриншот из последней игры, где они вместе прошли первый уровень. Как ей идет камуфляж, с ума сойти!

Мишка решительно стал и вышел из дома. Он знал, где она живет. Он знал, что ее родители безработные, а значит, они, скорее всего, дома. Она жила в паре кварталов от его пятиэтажки, и вот уже минут через пятнадцать Мишка стоял у ее подъезда, собираясь с духом. Марта не знакомила его со своими родителями.

Он зашел в привычный, загаженный подъезд. Он ничем не отличался от его собственного, разве что не пришлось переступать через тело пьяного соседа, и входная дверь тут висела на одной петле. Он подошел к двери и решительно постучал.

Ему открыли сразу же, как будто сзади кто-то стоял.

Заплаканная тетка, которая была похожа на Марту, разочарованно смотрела на него, словно не веря. Совершенно точно, она ждала не его.

— Ты, наверное, Михель, — глухо сказала она. — Марта рассказывала о тебе. Заходи.

— Где она? — спросил Мишка, оглядывая немудреную обстановку квартирки. Тут было тесно, теснее даже, чем у них. Ведь его мама получала какую-никакую, но зарплату. Допотопный телек на тумбе, игровое кресло и диван. Видно, тут Марта и жила, оставив родителям вторую комнату.

— Она пропала, — зарыдала мать. — В полиции сказали, что ее видели утром, она попала в камеры около магазина. А потом она исчезла! Ее чип не проходил нигде. Она не покупала билеты на автобус или поезд, она не платила за еду. Никто не знает, где она…

— Вы пробовали ее искать? — до боли сжал скулы Мишка. — Может, собрать всех соседей и опросить людей на улицах. Не может быть такого, чтобы никто ничего не видел.

— Но мы же обратились в полицию…, — слегка растерянно посмотрела на него мама Марты. — Это их дело.

— Ее украли, — мужчина лет пятидесяти вошел в квартиру и сел на диван, растерянно опустив плечи. — Ты, наверное, Михель. Наша девочка все уши прожужжала про тебя. И вот теперь ее нет.

— Кто украл? — резко спросил Мишка. — Где это случилось? Что сказали в полиции?

— Марта пошла в магазин, у нас закончились гранулы для синтезатора. Она шла по улице, а какие-то люди запихнули ее в микроавтобус, — устало сказал отец. — В полиции сказали, что будут искать ее, но надежды мало. Сказали, что сейчас часто крадут молодых девушек, а потом переправляют на запад. В Гамбург, в Штутгарт или в Халифат… Сказали, что оттуда очень редко удается вытащить кого-то. Только если выкупить… А на какие деньги мы ее выкупим?

Взрослые люди беспомощно сидели, опустив руки. Они ничего сделать не могли. Многие поколения немцев, приученных к порядку и законности, покорно вручали решение своих проблем государству. Только оно, государство, ничего не могло сделать с теми, кто не признавал его правил. С теми, кто жил на этой земле по своим законам. Государство давно уже не справлялось с этой бедой, но вот граждане, в которых правила были вбиты прочно, словно молотком, еще не осознавали этого. Они не умели решать свои проблемы сами, их отучили от этого столетиями жестокой муштры.

— Я знаю, кто это сделал, — Мишка решительно встал под

недоумевающими взглядами родителей. — Это албанцы.

— Да, — кивнул отец. — Мне в полиции так же сказали.

— Я пойду. До свидания, — Мишка закрыл за собой дверь квартиры.

Там ему больше нечего было делать. Горе родителей, потерявших дочь, было так сильно, что сидеть рядом с ними было физически больно. Что ему делать там? Утешать их? Это бессмысленно. Надо решать проблему самому, потому что никто больше ее решать не станет. Мишка знал это наверняка, ведь это не первое похищение в их районе. Точнее, в полиции сделают множество ритуальных действий, скажут дежурные слова и даже опросят для галочки пару человек в мусульманском квартале. Что полицейский может спросить в том районе? Да ничего! Ему там даже, который час не скажут.

Мишка достал телефон и открыл то сообщение от Энвера, когда он вызвал его из дома. Мишка писал ответ на него.

— «Привет. Если что, я готов».

Ответ прилетел тут же:

— «Послезавтра в 9 утра, на том же месте».

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Десятый день после релокации

Преддверие напоминало центр Лейпцига или Берлина, только размеры его были сильно меньше, чем города Земли-1. Но вот суета тут была не в пример сильнее, чем в реальном мире. Люди спешили, разговаривали с кем-то и читали на ходу видимые только им сообщения, о чем говорили их отстраненные взгляды и шевелящиеся губы.

Шоурум компании Бета был самым большим и помпезным зданием в этом городе. Тут не было мэрии, правительства или налоговой службы. Все эти функции выполняла Система, и выполняла безукоризненно. Здание из стекла и бетона напоминало подобные в деловом центре любой европейской столицы, и занимало оно ни много, ни мало целую сторону квадрата главной городской площади. Оно как бы показывало, кто здесь главный. И это здание втягивало в свою ненасытную утробу все доллары, что финансовые корпорации так щедро сыпали в виртуальные миры. Компания Бета не могла позволить, чтобы у людей залеживались денежки. Они должны поступать назад, туда, откуда и пришли. А люди взамен будут получать все, что захотят. Ведь они просто кусок компьютерного кода, да и все,

что есть вокруг, тоже. Тут все было компьютерным кодом, даже офис компании Бета. Все, кроме денег. Деньги тут были самые настоящие.

Мишка стоял под аккуратно подстриженным деревом, с наслаждением облизывая мороженое на палочке. Господи, как же вкусно! Когда он был живым, то ел его редко. Люди, живущие на окраине, нечасто могли позволить себе натуральную пищу. Тут же он сходил с ума от умопомрачительных запахов и вкусов, что окружали его со всех сторон. Да и, откровенно говоря, жизнь тут была тоже насыщенной и вкусной, отличаясь от реального мира примерно так же, как это мороженое от пищевого батончика, который выплевывал кухонный синтезатор. Мишка еще раз поболтал с мамой, потратив на это тысячу, и его терзал червячок сомнения. Она без умолку говорила о том, что у нее все нормально, но он точно знал, что это не так. И дело было совсем не в ожидаемой эвтаназии и даже не в том, что ее сын попал в Красный Мир. Он смог успокоить ее, убедив, что у него теперь все хорошо. Тут было что-то еще, а что, он понять пока не мог. Мама никогда не умела врать, она была слишком наивна и добра для этого. Ей явно было очень плохо, и до причины этого Мишка намерен был докопаться.

— В доступе отказано! — приветливый баритон поставил в тупик какого-то горожанина, который попытался пройти в офис Беты. Голос выражал сожаление и сочувствие. — На вашем счете недостаточно средств.

— Вот как! — удивился Мишка. Тут голодранцев на входе отсеивают. Тех, кому только посмотреть. Такова тут была жизнь, простая и конкретная. Заработаешь денег — приходи. А пока не отвлекай занятых людей. И он, бросив обертку от мороженого в урну, решительно двинулся в сторону дверей, которые приветливо раскрылись перед ним. Видимо, его посчитали подобающим этому месту клиентом.

— Чем могу помочь, сэр? — к Мишке подошел продавец, не имеющий на руке браслета. Корпорация Бета работала со своими издержками и зарплаты настоящим людям платить не хотела. Что ж, ее можно было понять. — Вы желаете купить дополнительные опции к вашей матрице? Или, может быть, вам нужен верный друг? Как раз поступила в продажу новая коллекция домашних питомцев. Всего за пять тысяч вы можете купить милейшего терьера. Он очень ласковый, преданный и великолепно ловит фрисби. Он может служить дополнительным жестким диском, сейфом и управляемой миной, если понадобится. Радиус сплошного поражения — десять метров. Нет? Тогда, может быть, вы хотите отдохнуть в мире под названием «Камасутра»? Самые

квалифицированные проститутки Земли-1, лучшие тела от ведущих дизайнеров. Только у нас сертифицированные гиды и комфортабельные автобусы с кондиционером. Компания Бета категорически не рекомендует пользоваться услугами уличных зазывал. Вместо Камастутры вы можете оказаться в штурмовом отряде мира Деймос с пятилетним контрактом. А там идет война, сэр. Жизни только летят!

— Мне нужны дополнительные опции к матрице, и я хотел бы ознакомиться с вашим ассортиментом, — попытался придать себе солидности Мишка.

— Вы тут недавно, мистер Кляйн, — понимающе сказал продавец. — Я подберу что-нибудь такое, что будет доступно вам по цене.

— Они знают, сколько у меня денег! — мелькнула паническая мысль, но потом Мишка успокоился. Конечно же, они это знают. А как может быть иначе?

— Да, будьте любезны, — небрежно бросил он, оглядываясь вокруг, пока продавец застыл, видимо, фильтруя каталог по цене.

А вокруг, собственно, было, на что посмотреть. Десяток покупателей, которых сопровождали такие же виртуальные продавцы, сосредоточенно разглядывали небольшие сценки, которые разыгрывались голограммами прямо посреди зала. Там кто-то стрелял, прыгал и даже метал огненные шары. Немолодой мужик со шрамом на щеке разглядывал самого себя, пристроившегося к стоявшей на четвереньках брюнетке, которая сладострастно вздыхала. Мишка покраснел и отвернулся в сторону. Он не был ханжой, но это было уже слишком. Интересно, что покупал этот мужик? Ответ оказался прост.

— Да, вот эта годится, — сказал он густым басом.

— Итак, мистер Шервуд, — сладким голосом переспросил продавец. — Ваш заказ: наложница, тип Латина. Уровень умений — 3. Модель этого года, ограниченная партия. Форма груди, задницы и цвет волос корректируются в интерфейсе. Коэффициент наслаждения — 1,25.

— Обновление системы возможно? — уточнил покупатель.

— Безусловно, мистер Шервуд, — радостно закивал продавец. — Десять тысяч за каждый последующий уровень. Вы останетесь довольны. У нас в продаже есть допопция. Замена лица на любое из каталога.

— Покупаю, — решительно сказал мужик.

— Мистер Кляйн! — отвлек Мишку его собственный гид, который терпеливо ждал, когда Мишка насладится разглядыванием обнаженной девушки. — Вы готовы выбрать?

— Готов, — кивнул Мишка, с трудом отводя глаза от модели.

Она была необыкновенно хороша, и сейчас стояла прямо перед ним и игриво строила глазки. — Что у вас есть?

— Скажем так, — вежливо помялся продавец. — На ваш кошелек непросто подобрать что- либо, но я позволил себе уточнить источник ваших доходов и посмел сделать небольшую подборку. Такому удачливому охотнику, как вы, она должна понравиться.

— Хм, — Мишка совершенно офонарел от качества сервиса. Он до сих пор считал себя живым человеком, а не куском компьютерного кода.

— Итак, мистер Кляйн, — расплылся в улыбке продавец. — Как вам умение — «Соколиный глаз». Ваше зрение будет усилено в пять раз, бонусом идет ночной режим.

— Что еще есть? — спросил Мишка.

— Конечно, мистер Кляйн, я и не рассчитывал, что такой человек, как вы, удовлетворится первым же предложением. Вам доступна опция — «Аполлон». То есть вы сохраните свою внешность, но телосложение примет идеальные пропорции.

— Это как у мастера Ли Сын Пака? — вспомнилось Мишке.

— Как вы можете такое говорить? — возмутился продавец. — Сравнивать лицензионный товар с поделкой уличного кустаря! — он понизил голос. — Хотя и довольно смелого в своих решениях. Мы по этическим соображениям не делаем некоторых вещей, а вот он свободен от пут морали.

— Дальше! — махнул рукой Мишка.

— «Нокаут», — торжественно заявил продавец. — Прямой удар, выполненный по всем правилам, приведет к нокауту соперника.

— Нокаут? По правилам? — не на шутку заинтересовался Мишка.

— Есть ряд ограничений, — поджал губы продавец. — Масса соперника не должна превышать вашу собственную более, чем на тридцать процентов. Ну, и бить надо, как положено, с участием корпуса и доворотом стопы. Если вы захотите нокаутировать какого-нибудь громилу, влепив ему пощечину, то у вас ничего не получится. Впрочем, накопив денег, вы сможете докупать обновления.

— Сколько у меня будет таких ударов? — обдумывал Мишка возможную покупку.

— Один в сутки, — с достоинством ответил продавец.

— Дальше, — махнул рукой Мишка. Он был разочарован.

— «Итальянский жеребец», — в голосе продавца появились игривые нотки. — Одно из самых популярных умений…

— Дальше, — Мишка даже слушать не стал.

— «Собачий нос», — продолжил продавец. — Ваше обоняние будет усилено примерно в пять раз. Рекомендуется отключать, когда не используется. Слишком непривычно. Крайне полезное умение, сэр.

— Дальше.

— «Кузнечик»! — голос продавца приобрел торжественные нотки. — Вы можете совершить прыжок с места вперед или вверх до трех метров. Сохраняется в любом новом теле на тех же условиях. Время действия — десять секунд. Перезарядка — раз в сутки.

— Сколько стоит? — жадно спросил Мишка.

— Сорок шесть тысяч долларов, сэр, — с легкой грустью сказал ему продавец. — И это самое дорогое умение из тех, что вам доступны.

— Заверните! — решительно сказал Мишка. При его способе заработка это было именно то, что нужно.

Глава 12

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Пять дней до релокации

Будильник прозвенел ровно в восемь. Мишка нехотя проснулся, потряхивая спросонья головой. Мало того, что рань несусветная, так он еще и заснул только под утро, измученный тяжелыми мыслями. Марта! Она занимала его целиком, и он даже не отвечал на сообщения ребят, которые пытались что-то ему сказать. Они тоже знали про это похищение. А ведь Мишка даже познакомить ее с ними не успел. Так неожиданно и страшно все получилось. Он смотрел в экран телефона, но искал сообщения только от нее или ее родителей, равнодушно смахивая то, что писали друзья.

— Не спал всю ночь. Тонизирующий батончик, — сказал он синтезатору и тот задумался, копаясь в своих программах. У него было что-то с большой дозой кофеина, Мишка знал это совершенно точно.

— Готово, герр Кляйн, — приятным женским голосом сказал кухонный агрегат. — Но я не рекомендую вам злоупотреблять тонизирующими веществами. Это может быть небезопасно для вашего здоровья!

— Я один разок, — ответил машине парень и впился зубами в сухой и до омерзения безвкусный кусок клетчатки, насыщенный белками, жирами, углеводами, витаминами и микроэлементами в строго выверенной дозе. Агрегат, купленный в кредит, не подвел, и тяжесть в голове понемногу стала рассеиваться. Ударная доза кофеина постепенно делала свое дело.

— Мишенька, а ты почему встал так рано? — удивилась мама. Была суббота, и у нее не было уроков.

— Не спится, мам, — ответил он, пряча от нее глаза. Он не мог ее обманывать, ему было безумно стыдно.

Мишка умылся, делая это непривычно долго. Они с мамой экономили воду, как и все, но сегодня ему было плевать на экономию. Он оттягивал неизбежное. До свидания с Энвером оставалось сорок минут, из них десять — идти по улице. Время нужно было как-то убить, поэтому Мишка оделся и сел в игровое кресло.

— Сеть! — скомандовал он, и перед ним появилась тонкая рамка монитора, висящая в воздухе.

— Новости Финстервальде!

Ничего, ничего, снова ничего… Вот — пропала девушка, полиция завела уголовное дело… Все подозрительные машины на выезде из города досматривают… Дежурный бред. Ничего они не сделают. Ничего… Ничего… Опять ничего… Время неумолимо шло, приближаясь к заветной цифре. Мишка с сожалением встал с кресла. Ему уже пора, а никакой ясности в отношении Марты у него так и не появилось.

Он шел на место строго ко времени, прокручивая в голове каждый свой последующий шаг. Он ведь не зря ворочался всю ночь. Вроде бы, он обдумал все до мелочей. Это как компьютерная игра, только сохраниться у него не выйдет. Одна попытка, а потом все, конец. Он держал руку в кармане ветровки, что была совершенно не по погоде. Он знал, что выглядит довольно глупо, надев ее в такую жару, но без нее было совсем никак. Не идти же по улице с кастетом в руке.

— Это просто фраги! Это не люди! Это фраги! — твердил он, как заведенный. — Это игра! Это не люди! Это просто игра!

Микроавтобус стоял на прежнем месте, и Энвер стоял в той же позе, что и в прошлый раз, лениво привалившись спиной к надраенному кузову автомобиля. В этой части улицы редко ходили люди. Тут был заброшенный лет двадцать назад завод, давным-давно превратившийся в логово наркоманов, молодежных банд и бомжей. Энвер привычным движением открыл дверцу, за которой сидела уже знакомая медсестра, и мотнул головой. Заходи, мол. Мишка вытащил руку из кармана и ударил албанца в висок. Тот побледнел и начал валиться на землю. Мишка вытащил из его кобуры пистолет и направил на медсестру, которая уже раскрыла рот, приготовившись кричать. Выражение усталой брезгливости слетело с нее вмиг, и на ее аккуратно накрашенном личике поселились растерянность и ужас.

— Хоть один звук, и я вышибу тебе мозги, тварь, — ледяным тоном сказал Мишка. — На пистолете глушитель, никто ничего не услышит. А если и услышит, то никому не скажет. Мы же не люди для вас, правда? Мы свиньи! Вот и ты теперь для меня не человек. Ты просто бот из компьютерной игры. Я спущу курок, только дай повод. Вкурила, стерва?

— Дя-дя…, — протяжно заскулила медсестра, испуганно глядя на тело Энвера, а на ее лице появилось умоляющее выражение. — Не убивай нас, я все сделаю, что скажешь…

— Да у вас тут семейный бизнес, как я погляжу, — удивленно хмыкнул Мишка, в крови которого бушевал адреналин. — Помогай, надо втащить твоего дядюшку в машину.

Через пару минут насмерть перепуганная девушка забилась в угол, где села, сжавшись в комок. От надменной брезгливости в

ее взгляде не осталось и следа. Ни следа не осталось и от ее броской южной красоты. Лицо исказил ужас, который состарил ее сразу лет на десять.

— Жить хочешь? — спросил ее Мишка, прицелившись. Модель пистолета была ему хорошо знакома. Он не раз стрелял из такого. В игре…

— Х..хочу, — промямлила девушка, завороженно глядя в черное отверстие дула, что было направлено прямо на нее. — Но ты сам-то понимаешь, что наделал? Тебя ведь убьют!

— Я, пожалуй, рискну, — усмехнулся Мишка. — Смерти все равно нет. Мы все попадем в сервер этой гребаной Беты. И еще вопрос, где хуже, там или тут.

— Что тебе нужно? — медсестра начала приходить в себя, только пугливо смотрела на собственного дядю, который все еще был без сознания, а по его виску стекала струйка крови. Смоляные волосы слиплись от крови, но он был жив. Его грудь поднималась в хриплом дыхании.

— Мою девушку украли, — спокойно сказал Мишка. — Вы, сволочи, украли! И ты мне сейчас скажешь, где она. Ее позавчера засунули в машину албанцы из вашего квартала, я это знаю точно. И, скорее всего, она еще здесь. Все машины, выезжающие из города, обыскивают.

— Я ничего об этом не знаю, — затравленно посмотрела на него медсестра. — Клянусь!

— Тогда ты сейчас умрешь, — пожал плечами Мишка и взвел курок. — Ты бесполезна, а значит, не заслужила того, чтобы жить. Пока, девочка!

— Не-е-ет! — взвизгнула медсестра. — Я знаю… я слышала… Они все у дяди Бехара в доме… в подвале… Но тебе туда никак не попасть. Его дом — настоящая крепость!

— Значит, и Бехар тоже твой дядя! — приятно удивился Мишка, продолжая держать девушку на мушке. Он показал на лежащего без сознания Энвера. — А этот твой дядя в дом Бехара сможет войти?

— Да, — девушка старательно закивала головой. — Его охрана пропустит. Он же родственник босса.

— Тогда делаем так, — кивнул головой Мишка. — Доставай свою отраву и набирай в шприц.

— За… Зачем это? — широко раскрыла глаза медсестра.

— Чтобы я не вышиб тебе мозги прямо сейчас, — спокойно ответил ей Мишка. — Быстро!

— Набрала, — ответила вскоре та, глядя на Мишку с нарастающим ужасом.

— Коли себе!

— Не надо! — прошептала девушка. — Это харам! Нельзя! Позор на всю жизнь! Я умоляю!

— Коли! — ствол пистолета дернулся вверх. — Ты должна узнать на себе, что это такое. Скольких людей ты своей рукой на тот свет отправила? А? Ты думаешь, я тебя пожалею? Да ни за что! Пристрелю и не поморщусь. Так что не беси меня, сука.

Медсестра пугливо затянула жгут на руке, поймала иглой вену и медленно ввела препарат. Ее губы мелко подрагивали, а тщательно наложенный макияж поплыл от слез, превратив симпатичное лицо в какую-то мерзкую уродливую маску.

— Теперь коли ему! — скомандовал Мишка, и она не посмела ослушаться. — И рану на башке промой! — Та достала аптечку и плеснула в рану антисептик. Энвер застонал и начал приподниматься на локте. Его глаза застилала муть. Он еще ничего не понимал.

— Иди-ка сюда! — Мишка притянул к себе медсестру, обняв за тонкую талию, и приставил к ее голове пистолет. Он сказал:

— Слушай сюда, сволочь! У меня твоя племянница, а у твоего босса моя девушка. Мы сейчас поедем к нему, и ты сделаешь так, что мне отдадут Марту. Если не получится, я убью вас обоих.

— Ты больной ублюдок! — Энвер присел, со стоном ощупывая покрытую засохшей кровью рану на голове. — Ты уже труп. Ты знаешь это?

— Посмотрим, — Мишка улыбнулся ему. — Если все получится так, как я задумал, то это совсем не факт.

— А что ты задумал? — не на шутку заинтересовался Энвер.

— Тебя это не касается, — зло выплюнул Мишка. — Садись за руль, и поехали! И помни, одно лишнее движение, и я вышибу этой девке мозги.

— Ну, поехали, — хмыкнул Энвер, со стоном открывая дверцу машины. — Ты много смотришь фильмов про супергероев, мальчик? Наверное, хочешь стать таким же, как они? Может, не надо? Вдруг, не получится. Ведь жизнь — это не кино.

— Садись за руль, и поехали! — резко сказал Мишка.

Машина бесшумно двинулась вперед, а негромкий гул электромотора не мог заглушить всхлипываний медсестры.

— Меня зовут Лиридона, — дрожащим голосом говорила девушка. — Моя мать болеет, а я у нее единственная дочь. Не делай мне ничего, прошу, это разобьет ей сердце. Ты уже испоганил меня этой дрянью. Замуж никто не возьмет теперь, если узнают.

— Мне нет до тебя никакого дела, — равнодушно ответил ей Мишка. — Пусть мне отдадут Марту, а потом вали на все четыре стороны. Найдешь свою искусственную почку за трое суток, твое

счастье. Не найдешь — сдохнешь.

— Срок стабильности концентрата не трое суток, — губы девушки тряслись от ужаса. — Он чуть больше двенадцати часов. Это ишакам специально так говорят, чтобы они не боялись. Ой, прости! Я не хотела тебя обидеть!

— А если кто-то сошел с маршрута или пошел в полицию, то он гарантированно умрет, — задумчиво сказал Мишка. — Умно! Значит, в ваших интересах отдать мне Марту как можно быстрее. — И он крикнул водителю. — Эй ты, урод! Ты знаешь, что у тебя в крови доза «Камикадзе»?

— Да понял уже, — зло ответил тот. — Я же не такой идиот, как ты. Несложно догадаться, когда тебе укол в вену делают.

Они ехали через мусульманский квартал, а значит, до поместья Бехара оставалось не более десяти минут. Город Финстервальде был небольшим, и квартал этот тоже был маленьким, не то, что в мегаполисах запада. Там пришельцы занимали большую часть, оттеснив местных жителей в гетто. Да, вот и оно! Высоченная стена из бетонных плит окружила территорию размером с гектар. Там, за ней, стоял огромный дом, перед которым перламутровым светом переливался бассейн. Ровная зеленая травка радовала хозяев изумрудной зеленью, несмотря на удушливую жару. В этом доме никто не экономил на воде. Да и вообще ни на чем не экономил. Все это Мишка видел, когда разглядывал поместье в бинокль.

— Внутрь не заезжай, — скомандовал Мишка албанцу. — Подойдет охранник, и ты все ему скажешь. На немецком, а не на своем сраном наречии. Так, чтобы я понимал. Действуй!

Энвер остановил машину в метре от ворот и нажал на сигнал. К машине вышел удивленный донельзя охранник, который с тупым недоумением смотрел на бледного, как полотно Энвера, огромную шишку на его виске и свежую рану, покрытую коркой спекшейся крови.

— Скажи боссу, что один ишак взбесился, — сказал на немецком Энвер. — Требует свою девку. Ту, которую мы последней поймали. Если девку не отдадим, угрожает убить Лиридону. Она сзади сидит с этим психом. У него мой ствол.

Охранник выпучил глаза, потом что-то сказал на своем языке и поспешно ушел внутрь.

— Твоей девки тут нет, — сказал Энвер. — Ее сейчас привезут.

— Ах ты, тварь! — неприятно удивился Мишка. — Ты меня обманула, что ли?

— Я не знала, где она, — в голос заревела девушка, отчего ее тушь окончательно растеклась по всему лицу грязными

потеками. — Я испугалась! Ты же меня убить обещал!

Время тянулось бесконечно. Энвер сидел за рулем, не шевелясь и не произнеся ни звука. Лиридона, напротив, тихонечко всхлипывала и шептала что-то однообразное и напевное. Молилась, наверное. Но вот рядом затормозила машина, из которой вытолкнули насмерть перепуганную Марту.

— Пусть садится в машину, а мы с вами прокатимся! — скомандовал Мишка.

— Отпусти Лиридону, — повернул голову Энвер. — Я поеду с тобой как заложник. Я кузен босса. Никто не станет стрелять.

— Она останется, — спокойно ответил Мишка. — Мы отвезем Марту к родителям, а потом я вас отпущу.

— Как скажешь, — сплюнул в окно Энвер. — Сейчас ты главный.

Ничего не понимающая Марта открыла дверь микроавтобуса и испуганно заглянула внутрь. Ей никто ничего не объяснял. Осунувшееся лицо, растрепанные волосы и не слишком чистая одежда. Такой она стала после двух дней в каком-то подвале.

— Михель! — радостно воскликнула она. — Но как? Что ты делаешь тут? Я так испугалась! Ой, у тебя пистолет?

— В машину, быстро! — резко скомандовал Мишка. — Поехали к моему дому! — это уже было сказано Энверу. Он повернулся к своей девушке и сказал. — Марта! Ты сейчас скажешь моей маме, что я здорово влип. Пусть уезжает из города, и срочно. И ты с родителями тоже уезжай. Ты свидетель, тебя найдут и убьют. Поняла?

Та часто закивала головой, все еще не веря в происходящее. Ее Михель с пистолетом, который держит у головы плачущей девушки, перепачканной в косметике. Албанец с рассеченным виском, который послушно везет их в своей машине. Последствия, которые всех их ждут… Все это сложилось в ее голове в совершенно безрадостную картину.

— Михель! — на ее лице отразился ужас от понимания ситуации. — Надо бежать! Это страшные люди! Я видела! Там же еще девушки есть…

— Заходишь ко мне домой, — перебил ее Мишка, — вызываешь полицию, потом звонишь родителям. Поняла?

— Поняла! — часто-часто закивала Марта. — Но что ты будешь делать? Ты же теперь для них смертельный враг.

— Да есть одна мысль, — хмыкнул Мишка. — Все, приехали! Делай, как я сказал!

Марта смотрела на него, словно не узнавая. Он больше не был похож на того мальчишку, которого она знала. Его поступки, его слова, похожие на армейские приказы… Как он решился на

это? Неужели это все из-за нее? Сердце девушки заколотилось, как бешеное. Его разгонял страх и еще какое-то новое, сильное чувство. То самое, которое испытывает любая женщина, когда ради нее совершают настоящий поступок. Поступок с большой буквы.

— Отпусти их, Михель, — прошептала она. — Не делай глупостей, я прошу тебя! Мы еще можем спрятаться. Полиция защитит нас.

— Ты не понимаешь, Марта, — грустно покачал головой Мишка. — Мне нигде не скрыться от них. Только если за Железным Занавесом. Но туда ходу нет. Они знают о нас все. Они могут взломать наши чипы. Нет, мне от них не убежать.

— Я люблю тебя, Михель! — сказала она сквозь слезы, постепенно переходя на истеричный крик. — Я не хочу тебя терять! Я ведь только тебя нашла. Не смей меня бросать! Слышишь? Не смей!

— Тебе пора, — сказал Мишка.

Лиридона даже плакать перестала, с интересом слушая речь Марты. Слышал ее и Энвер, но только хмыкал презрительно.

— Ты из-за нее ввязался во все это, — завистливо произнесла Лиридона, когда дверца микроавтобуса захлопнулась. — Зачем? Что ты в ней нашел? Что в ней такого, что ты жизнью своей рискуешь?

— Тебе не понять, — отрезал Мишка. — Ты — то сама замуж пойдешь, за кого скажут. Если теперь пойдешь, конечно.

— Да уж! Спасибо тебе за это! — Лиридона отвернулась, а на ее глаза снова навернулись слезы. Она, подумав, сказала: — Ну, что теперь будем делать, герой-любовник? Девку твою тебе отдали. Отпускай нас, как обещал. Может, еще успеете убежать куда-нибудь подальше. Вырежешь себе чип, и уедешь со своей ненаглядной Мартой на необитаемый остров в Тихом океане. Глядишь, и протянете до заветной эвтаназии в каких-нибудь джунглях, среди голозадых людоедов.

— Да я бы и рад сбежать, — грустно вздохнул Мишка. — Только не получится ничего из этого, я точно знаю. Меня найдут и убьют, и ее тоже. И никакой остров меня не спасет. Поэтому, разворачивайся и поехали назад.

— Куда? — оторопел Энвер. — Назад? Нет, ты точно ненормальный!

— Мы едем к Бехару домой, — пояснил Мишка. — Мне с вашим боссом кое-что обсудить нужно.

Глава 13

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Пять дней до релокации

Микроавтобус снова остановился у ворот, требовательно сигналя. Те открылись, откатив в сторону тяжелую створку, и машина заехала внутрь.

— Остановись! — резко скомандовал Мишка, и Энвер послушно нажал на тормоз. — Руки на руль!

Ничего не понимающий Энвер выполнил приказание. К стоящей машине подошел охранник, который сказал что-то на албанском. Мишка не стал дожидаться ответа, поднял пистолет и выстрелил в затылок Энвера. Тот упал на собственные руки, что лежали на руле. Следующая пуля попала в лоб охраннику, на лице которого так и застыло выражение неописуемого удивления.

— Сколько, говоришь, тут людей с оружием? — пнул Мишка Лиридону, которая лежала на полу, связанная пластырем. — Ах, да! — он освободил ей рот.

— Д…д… двое, — застучала та зубами и зажмурилась от ужаса. — Не убивай! Умоляю! Я не делала ничего! Я не трогала твою Марту! У меня мама старенькая…

Слезы, избороздившие ее лицо, окончательно размазали весь макияж, и теперь она совсем не была похожа на саму себя, спокойную не так давно и уверенную в себе жительницу мусульманского квартала. Теперь она не была женщиной, защищенной обычаями, законами и многочисленной родней. Она была самой обычной, насмерть перепуганной девчонкой, которая ничем не отличалась от тех, что прямо сейчас ждали продажи в каком-то пропахшем чужим горем подвале.

Мишка заклеил ей рот, вышел из машины и подошел к трупу охранника. Это игра! Это игра! — шептал он. — А это бот! Это всего лишь бот! Пистолет был точно таким же, как и у Энвера, и Мишка удовлетворенно засунул его себе за пояс. Он двинулся в сторону домика охраны. Там, судя по звукам, шла трансляция футбольного матча, и крепкий парень с курчавыми смоляными волосами впился в экран и периодически вскрикивал, ударяя себя ладонью по коленям.

Мишка подошел к нему и приставил к затылку пистолет. Охранник застыл. Футбол его больше не интересовал.

— Двинешься, убью! — сказал Мишка. — Руки вытянул вперед.

Тот послушно выполнил приказание.

— Ты знаешь, чем это дом? — спокойно спросил охранник. — Не дури, парень. Уходи, пока цел. Я не видел твоего лица. Забери жесткий диск от видеонаблюдения и уходи. У тебя еще есть шанс остаться в живых.

— Конечно, — Мишка вытащил у него из подмышечной кобуры еще один пистолет. — У вас же на сервер ничего не копируется, и я в это почти поверил. Патроны где?

— В ящике! — мотнул головой охранник. — Уходи, по-хорошему прошу. Судя по голосу, ты же пацан еще. Зачем тебе умирать?

— Сколько людей в доме? — спросил Мишка.

— Пошел ты! — выплюнул охранник. — Ничего я тебе не скажу!

— Ну, пошел, так пошел, — равнодушно сказал Мишка, спуская курок. — Еще один фраг! Неплохо сегодня идет игра!

Он обшарил ящики стола, что был в сторожке, и вытащил оттуда неполную коробку патронов и два снаряженных магазина. Тут никто не ожидал ничего подобного, потому что преступников подобного уровня в городе просто не наблюдалось. Банды малолетних хулиганов были не в счет. Мишку тут и вовсе никто не брал в расчет, ведь он уже должен был забиться в какую-нибудь дыру и трястись от страха. Охрана явно была расслаблена. Мишка расположился в кресле у монитора видеонаблюдения и пощелкал по окошкам камер. Дело было плохо, его везение на этом закончилось. Мертвое тело охранника и стоящую машину уже заметили в доме, и там шла суета, граничащая с паникой. Женщины вели куда-то детей, а мужчины проверяли оружие, набивая магазины патронами. Все они беззвучно кричали, размахивая руками. Их было пятеро, включая самого Бехара. Видимо, тот вызвал к себе подручных, чтобы обсудить беспримерную наглость своего взбунтовавшегося ишака. Мишка вырвал провода, которые шли к регистратору, а само устройство вырвал из креплений и с размаху бросил на пол. Поможет это или нет, он не знал, но лишним не будет точно.

Мишка выскользнул из сторожки, и залег в ухоженном садике, окружавшем роскошный особняк. Двухэтажный дом с плоской кровлей и огромными окнами имел всего два выхода. Один парадный, перед которым стояло несколько машин, а второй — сзади, который выходил к бассейну. Именно там Мишка и расположился, укрывшись в зелени сада. Скорее всего, они выйдут именно там, когда им надоесть ждать его внутри. Было ли видеонаблюдение в самом доме? Скорее всего, да! А потому Мишка залез прямо в заросли можжевельника, который

поселился тут волей ландшафтного дизайнера. До задней двери было метров пятнадцать. Он ждал.

Это игра! Я играю! Я просто играю! — повторял он свою бесконечную мантру. Он не раз проходил подобные уровни. Шутеры считались полезными и поощрялись, ведь именно там молодые люди оставляли всю свою агрессию. Только никто не осознал того, что игры изменились, а виртуальная реальность для Мишкиного поколения перестала отличаться от обычной жизни, а подчас и заменила ее. Вот и сейчас парень был почти спокоен, внушив себе, что сидит дома, в любимом кресле, надев очки и нацепив датчики на руки и ноги. И его противниками были не живые люди, а боты, нарисованные компьютером человечки, за убийство которых система выдает бонусы. А раз так, зачем волноваться? Ведь он делал это уже тысячи раз.

Дом был безжизненным совсем недолго. Видимо, одиночный противник не слишком испугал тертых мужиков, что засели там. Огромное зеркальное окно как будто треснуло, и отъехало в сторону, обнажив роскошную утробу особняка. Две фигуры выскользнули оттуда, выставив перед собой пистолеты. Немолодые кряжистые мужики с выпирающими животиками явно не были бойцами спецназа, ведь стрельба в их городе была делом редким. Финстервальде — это не Мехико, не Сан-Паулу и не Детройт, которые постоянно мелькали в новостных лентах. Те города служили полем боя уличных банд, и военные действия там не заканчивались никогда. Финстервальде на их фоне был образцом спокойствия. Мишка слышал выстрелы раз в месяц, не чаще.

Албанцы шли осторожно, оглядываясь и прикрывая друг другу спину. Дилетанты, хмыкнул Мишка. Им ли тягаться с опытнейшим бойцом из «Ландскнехтов Финстервальде», дошедших аж до сто сорок второго места в командном рейтинге Германии. Пистолет сухо щелкнул два раза, и бандиты упали навзничь. Мишка подпустил их на десять шагов. Он выскользнул из кустов и быстро обшарил тела. Они были мертвы, контроль не нужен. Пистолеты Мишка сунул за ремень, а запасные обоймы рассовал по карманам. Бегом! Он проскочил внутрь, осмотрелся и закрыл за собой дверь. Дом был утыкан камерами, и это было скверно! Скорее всего, Бехар смотрит на него прямо сейчас, немало удивленный прытью сопляка с нищей окраины.

Дом был немыслимо богат. Мишка никогда не видел воочию ничего подобного, только по телеку, когда мама смотрела очередной слезливый сериал про несчастную любовь какой-нибудь богатенькой дурочки, не знавшей счета деньгам. Дом был идеально чист, да это и немудрено, ведь робот-уборщик ползал по

полу, тщательно протирая и без того блестящую поверхность. Мягкие диваны из кожи, огромный проектор, который выдавал трехмерные изображения и картины на стенах. Мишка был впечатлен. Никакого сравнения с их убогой квартиркой. Любопытство едва не стоило ему жизни. Непонятный звук заставил его упасть на землю и откатиться вбок. Пуля пролетела мимо, жарким шорохом заставив сердце забиться быстрее. Это игра! Я в игре! — повторял Мишка про себя. Он ждал, спрятавшись за массивный, немыслимо дорогой диван, стоявший на резных деревянных ножках. Стреляли из коридора справа, и сейчас он ушел с линии поражения. К стене! Он рывком добежал до стены, куда и выходил тот самый коридор и, перебирая ногами, дошел до арки, за которой тот и начинался. А вот сейчас все будет просто! Он делал так уже сто раз. Мишка вытащил второй пистолет, взвел курок и успокоил дыхание. Сейчас! Он метнулся влево, стреляя из двух стволов, и проскочив на противоположную сторону арки. Есть! Тело еще одного черноволосого мужика с пистолетом в руке лежало в двух метрах от него. Контроль! Пистолет выплюнул пулю, а Мишка привычно обыскал тело. Пистолет за пояс, запасную обойму в карман. Он спрятался в какую-то нишу, выбросив оттуда вазу, которая высотой была почти с него самого. Перезарядиться! Осталось двое. По крайней мере, именно стольких мужчин он видел в камеры.

Где же они? А вот где! Пуля рванула декоративную штукатурку, когда он попытался выйти из ниши. Мишка осел на землю и завыл, словно от боли.

— Сука! Глаза! Убью, гад!

Шорох справа. Мишка выкатился в коридор и разрядил обойму в четвертого врага. Албанец купился на древний, как мир, незатейливый трюк. Пистолет полетел в сторону, все равно патроны к нему закончились. Что же, остался босс. А где же он? Мишка размышлял. Где бы он спрятался, если был бы Бехаром? Наверное, сидел бы в каком-нибудь укромном месте, защищая семью. А еще там должен стоять сервер, к которому подключены камеры. Подвал, без вариантов. Мишка поднялся на ноги и пошел к главному входу. Он оказался прав. Дом словно вымер. Зал, огромная кухня, гостевая комната, ванная… Тут не было никого. Распределительный щиток оказался в коридоре, и Мишка бестрепетно дернул рубильник. Этот дом не был крепостью. Лиридона соврала. А это могло значить только одно — его хозяину нечего было бояться. И это было очень, очень плохо. Значит, у Мишки совсем мало времени. Скорее всего, Бехар уже вызвал помощь, когда увидел, что его люди убиты. Ему нужно

только дождаться ее.

Мишка притащил подушки, безжалостно распорол их и разложил около двери, ведущей в подвал. Ее он подпер снаружи стулом и начал обыск дома. Жидкость для розжига, которая стояла у барбекю на улице, он приметил еще тогда, когда прятался в кустах. Уголь, покрывала, занавеси, подушки… Все это полетело в кучу у двери. На кухне он включил электроплиту и поджег бумажную салфетку от раскаленной конфорки. Кучу он щедро полил вонючей жижей из пластикового пузырька и открыл дверь. Через минуту подушки полетели вниз, тлеющие едким дымом сгорающего пенополиуретана. Редкая дрянь, надо сказать. Выделяет стирол, который работает не хуже любого отравляющего вещества. Вслед за подушками вниз полетели покрывала, полотенца и вообще все, что могло гореть. Даже картины со стен. Прошло несколько минут. Внизу начали кричать. Видно, огонь затоптали, но тлеть все это барахло не перестало. Вентиляция в этом доме больше не работала.

— Давай поговорим! — крикнул снизу Бехар. — Выпусти женщин и детей. Они же задохнутся! Это наши с тобой дела!

— Сначала идешь ты, потом они! — крикнул Мишка после недолгого раздумья. — Все идут по одному, руки вытягивают вперед, уходят в сторону бассейна! Любое движение, и я стреляю! Мне уже терять нечего!

— Ты что, из-за какой-то девки эту бойню устроил? — удивился Бехар. — Хочешь, я тебе пять таких подарю! Выпусти женщин и детей, сволочь, они тебе ничего не сделали! Я тебе денег дам, парень! Много денег!

— Первым выходишь ты! — крикнул Мишка, который прижался к стене. Его время вышло. Дом окружал полицейский спецназ, а значит, все было еще хуже, чем он думал. Его план трещал по швам. Полицейских он не ждал.

— Ты работаешь на государство? — крикнул Мишка.

— Зачем тебе это знать? — удивился Бехар. Внизу раздавался кашель и плач.

— Ответь, и я выпущу детей! — крикнул Мишка.

— Нет! — заорал Бехар. — Я работаю на тех, кто выше, чем твое сраное государство. Понял, сопляк?

— Не понял! — крикнул Мишка.

— На тех, у кого есть деньги, — ответил Бехар. — Сам подумай, кому нужны люди, которые потребляют «Камикадзе». Ты вроде не полный кретин, должен догадаться! Я выпускаю детей! Ты обещал!

— Я все равно ничего не понял, — растерялся Мишка. — Выпускай, черт с тобой.

Из подвала вывалились трое перепуганных мальчиков и девочка лет трех, которые побежали на выход.

— Тут моя жена и мать! — крикнул Бехар. — Выпусти их!

— Объясни, кому нужен «Камикадзе», и я их выпущу! — крикнул Мишка. — А если не скажешь, подыхайте там все вместе!

Внизу раздались ругательства на албанском, надрывный кашель и женский плач. Женские голоса приняли умоляющие интонации.

— Да чтоб ты провалился, урод! — крикнул Бехар. — Ну, слушай! Ты все равно уже труп! «Камикадзе» резко повышает эффективность мозговой деятельности. Понял? Корпорации знают, что их сотрудники сидят на наркоте, но делают вид, что ничего не замечают. Это же бешеные деньги! Все прорывы последних лет сделали наркоманы! В науке, в бизнесе и даже в музыке! Помнишь песенку про девочку с синими волосами? Хит прошлого лета? Ее автор уже подох! Корпорации не могут отказаться от этого, иначе проиграют в конкурентной борьбе. Вот поэтому все и молчат, когда какая-нибудь серая мышка из бухгалтерии приходит с проектом на миллиард долларов. Любой топ-менеджер тут же понимает, что она через пять лет превратится в труп, но молчит! Ему надо показывать результат и получать свой ежегодный бонус! А когда у глупого человечка начинают синеть глаза и выпадают зубы, его просто выбрасывают на помойку! Поэтому те, кто надо, знают, чем я тут занимаюсь, и держат полицию на поводке. Потому что только этот препарат держит на плаву всю вашу вонючую экономику! Не было бы его, вас бы уже смяли китайцы, индусы и русские. Ну что, доволен? Тебе стало легче, мальчик?

— Как вы смогли сделать такой препарат? Это же невероятно сложно! — Мишка даже рот раскрыл от удивления. Ничего подобного он не ожидал.

— Да мы его и не делали! — крикнул Бехар. — Это продукт одной из американских корпораций Биг Фармы. Я не знаю, какой точно. Не может химик самоучка сварить такое в каком-то подвале. Мы его просто распространяем.

В дом уже заезжал полицейский робот, который повернул камеру в сторону Мишки. Парень выстрелил дважды, разбив ему оптику. Робот застыл на месте, а потом покатился назад.

— Дом окружен! — раздался голос полицейского, усиленный многократно мегафоном. — Выпустите заложников и сдавайтесь! Вам гарантируется жизнь!

— Ну что, мальчик? — раздался внизу насмешливый голос Бехара. — Уже наложил в штанишки? Теперь тебе светит пожизненное! Или ты настоящий герой и решил погибнуть в бою?

— Повезло тебе, гад! — ответил Мишка дрожащим голосом. — Я не хочу умирать! Пусть твои женщины выходят, я их не трону. Пусть скажут полиции, что я хочу сдаться.

Мишка отошел в сторону и спрятался за колонну, стоявшую в коридоре. Он замер, ожидая, когда откроется дверь в подвал. Женщины побегут туда же, куда и дети, а значит, они даже голову не повернут в его сторону. Так и получилось. Из подвала выскочили две тетки, закутанные в платки, и побежали к выходу. Они надрывно кашляли.

— Эй! — крикнул Бехар через минуту. — Ты еще тут? Парень?

Мишка молчал. Время у него еще было.

— Эй, засранец! Ты что, сдался уже, что ли? Эй, свинья! Тебя там пристрелили уже?

Ответа Бехар, конечно же, не получил. Да и вопрос был на редкость тупой. Как на него вообще можно ответить? Бехар должен был скоро выйти! Он не станет сидеть, вдыхая и дальше отравленный дым. Он рискнет, в этом Мишка был совершенно уверен. И он не ошибся. Сначала из-за приоткрытой двери подвала показался ствол пистолета, потом рука… А потом Мишка начал палить с двух рук. Два магазина по шестнадцать патронов превратили полотно двери в решето.

Ой! Боль в спине! Такая, словно ужалила пчела. У Мишки начала кружиться голова, и он гаснущим сознанием услышал падение тяжелого тела. Темнота. Конец Игры!

Глава 14

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Три дня до релокации

Мишка очнулся к одиночной камере. Он сел на узкой кровати, застеленной серым колючим одеялом, и огляделся по сторонам. Помещение не поражало размерами. Три с половиной на два метра, крошечное окошко под самым потолком, забранное частой решеткой, стул и унитаз в углу. Собственно, это было все. Ах да! Камера видеонаблюдения под потолком. Как же без этого!

Дверь с лязгом открылась, и в камеру зашел невысокий широкоплечий мужик с усталым лицом. Он сел на стул и положил на колени диктофон.

— Итак, герр Кляйн, начнем, — сказал он. — Меня зовут Людвиг Бауэр, я следователь по особо важным делам полиции Финстервальде. Вы обвиняетесь в восьми убийствах первой степени, убийстве второй степени и в причинении вреда здоровью средней степени тяжести группе лиц.

— Убийство второй степени. Это еще что такое? — удивился Мишка.

— Некая Лиридона Ибрахими скончалась от передозировки наркотиков. Перед смертью она дала показания, что вы под угрозой расправы сделали ей укол в вену.

— Я не умею делать уколы в вену, — хмыкнул Мишка.

— Следствие разберется, герр Кляйн, — устало ответил полицейский, на секунду выключив диктофон. — Или не станет разбираться. У меня еще три убийства в работе. Тут хоть доказывать ничего не надо. В вашем случае, убийством больше, убийством меньше, значения не имеет. А вот у меня есть шанс увидеть сегодня своих детей бодрствующими. Вы же не откажете мне в такой малости, герр Кляйн?. Это на приговор не повлияет никак.

— Да хрен с вами, пишите, что хотите, — равнодушно махнул рукой Мишка.

— Вы убили этих людей из-за неприязни по национальному признаку? — деловито спросил следователь.

— Я убил этих людей, потому что они украли мою девушку, — терпеливо ответил Мишка.

— Как ее зовут? — участливо спросил герр Бауэр.

— Марта Нойман, — ответил Мишка.

— Фрау Нойман уже дала показания, — сказал

следователь. — Она не подтверждает ваши слова. Ее никто не крал, герр Кляйн, а значит, и спасать не было нужды. Вы напрасно убили всех этих людей.

— А моя мать? — вскинулся Мишка. — Я высадил Марту у своего дома. Она пошла к моей матери. Они должны были скрыться. Ее же убьют! Она свидетель! Те девушки, которых украли!..

— Марте Нойман ничего не угрожает. И вашей матери ничего не угрожает, герр Кляйн, — устало ответил полицейский. — Я лично разговаривал с отцом убитого вами Бехара Османи. Он скорбит, что у такой хорошей женщины, учительницы, сын вырос таким негодяем. У него нет претензий к вашей матери. И уж тем более у него нет претензий к несчастной девушке — наркоманке.

— Наркоманке? Марта не наркоманка! Она должна была вызвать полицию! Я сказал ей сделать это! Она ее вызвала? — Мишка совершенно растерялся.

— Да, такой звонок был, — подтвердил следователь. — Фрау Нойман позже заявила, что была под воздействием наркотиков. И эти наркотики дали ей вы.

— Я? — Мишка откинулся на подушку.

— Да, вы, — с нажимом сказал следователь.

— Я требую очную ставку с Мартой Нойман, — решительно сказал Мишка. — То, что вы говорите — просто безумный бред. Вы прекрасно знаете, что Бехар — главный наркоторговец в нашем городе. Куча людей работает на него. Спросите их!

— Значит, я все-таки не попаду сегодня на ужин, — уныло сказал Бауэр. — Видите ли, герр Кляйн, знать и догадываться — это совершенно разные вещи. Я много, о чем догадываюсь, но вот то, что герр Османи — порядочный бизнесмен и филантроп, который помогает сотням людей, знаю совершенно точно. Такова официальная картина, и пока что ее никто не опроверг. У закона не было к нему претензий, герр Кляйн. А к вам теперь есть. Вы убили восемь человек, а две женщины и трое детей проходят лечение в больнице. Они надышались дымом в подвале. Вы считаете, что те мелкие детали, о которых вы упоминаете, как-то изменят вашу судьбу? Ваши действия записаны на жесткий диск видеонаблюдения. Даже, когда вы отключили подачу электричества, источник бесперебойного питания продолжил работать еще какое-то время. Эти кадры уже видела вся страна. Кто-то слил их в сеть.

— Очная ставка с Мартой Нойман, — жестко ответил Мишка. — Я требую очную ставку!

— Ставка, так ставка, — пожал плечами следователь. — Если фрау Нойман повторит то же самое, что слышал я, вы не станете

устраивать на суде цирк, герр Кляйн? Вы же не станете рассказывать там все эти сказки про похищение, мафию наркоторговцев и прочую чушь? Ведь вы и так разбили сердце вашей матери.

— Я хочу увидеть Марту Нойман, — сжал скулы Мишка. — Я не верю ни одному вашему слову.

Зазеркалье. Барн. Красная ветвь миров. Девятый день после релокации

Двери лифта открылись в каком-то бесконечно огромном ангаре, после чего, как и в прошлый раз, исчезли без следа. Мишка оказался в толпе людей различного пола, возраста и внешнего вида. Рядом с ним стояли осунувшиеся мужики самого затрапезного вида, на лице которых была написана унылая обреченность. Были тут и матерые уголовники. Были и наркоманы с синими глазами и пеньками гнилых зубов. Были тут и решительно настроенные женщины не слишком привлекательного вида. Всех этих людей объединяло одно. Они были полнейшим отребьем, которое поставило на кон одну из своих жизней. Именно об этом им сейчас и вещал Роб.

— Значит так, дамы, господа и все те, кто так и подох, не определившись со своей гендерной идентичностью! Вы все знали, на что шли, когда подписали этот контракт. Правила Красных Миров вам известны. Нарушил договор — заплати жизнью. А я знаю точно, что кое у кого из вас она тут последняя. Так что без шуток! Вы получите по пистолету с полным магазином и запасной обоймой. Двадцать пуль на брата! Так что устраивать мировую войну вам тут никто не позволит. Шоу идет ровно час, и вы должны уложиться в это время. Машины, как всегда, разыгрываем по жребию. Тут уж как повезет. Выиграет тот, кто придет к финишу единственным. Таймер — у вас на браслете. Вопросы есть?

— Есть! — несмело поднял руку щуплый мужик с сальными волосами. — А если моя машина выйдет из строя? Что мне тогда делать?

— Правилами не оговаривается, на какой именно машине нужно доехать, — бойко ответил Роб. — Главное — быть за рулем! Еще вопросы?

— А если какой-нибудь хитромудрый перец решит отсидеться в куче мусора, чтобы срубить пять штук по легкому? — поднял руку какой-то латинос, украшенный татуировками до бровей.

Вокруг его рта была выбита зубастая пасть, а все лицо напоминало оскалившийся череп. МС-13, не иначе, только эти ненормальные так себя уродуют. Мишка читал новости про эту банду, одну из старейших в Западном мире.

— Отсидеться не получится, — отмахнулся от него Роб. — На тридцатой минуте у вас активируется умение «Тепловизор», а на экранах бортовых компьютеров каждый участник будет указан точкой. Если кто-то, кроме победителя, останется жив, сорок штук останутся организаторам. Вопросы остались? Нет! Ну и отлично! Подходим ко мне, сейчас проверим вашу удачу.

Судя по всему, удача Мишке сегодня не благоволила. Он сидел за рулем городской малолитражки размером чуть больше пылесоса, и пытался разобраться с педалями и кнопками на панели. В машине был бортовой компьютер, на котором сияла карта этого мира с яркой пульсирующей точкой. Дело в том, что этот огромный ангар и был миром Барн, где в бесконечном хаосе каких-то стеллажей, контейнеров и свалок битых машин происходила эта гонка. Участники были разбросаны по территории в случайном порядке, имея лишь общую цель. Финиш был всего в трех километрах отсюда, о чем любезным женским голосом компьютер ему и сообщил. Это его и показывала пульсирующая точка на экране.

Управление этим тарантасом сильно отличалось от того, что было в игровом симуляторе. Мишка нажал на газ, и его машинка подпрыгнула вперед, чуть не врезавшись в мусорный бак, который кто-то заботливо разместил прямо перед ним. Он нажал на тормоз в самый последний момент и остановился, облившись потом. Проклятье! На кой черт нужен пот в Зазеркалье? Какая сволочь это придумала? Он тронулся еще раз. Ускорился, притормозил, повернул. Вроде бы машина начала его слушаться и, если не спешить, у него есть шанс доехать на ней куда-нибудь. Он аккуратно двинулся вперед, поглядывая на браслет. Осталось пятьдесят три минуты. Наверное, все остальные тоже привыкают к своей технике.

Он медленно ехал вперед, поглядывая по сторонам. Он понимал, что так долго продолжаться не может. Ведь гладиаторов было больше тридцати человек. Мишка аккуратно объезжал горы покрышек, сгоревшие машины, оставшиеся, видимо, с прошлых гонок и кучи всякого хлама, которые сменялись гигантскими стеллажами и пирамидами морских контейнеров.

Впереди раздался грохот и хлопки выстрелов. Мишка затормозил и выскочил из машины, спрятавшись за остовом какого-то грузовика. Впереди уже встретились два участника гонки. Фермерский пикап с кенгурятником протаранил семейный

седан, и прямо сейчас крепкий мужик с татуировкой на лице осматривал убитого им водителя. Видимо, увиденным он остался доволен. Мужик забрал оружие убитого, сплюнул, сел в машину и резко тронулся, взвизгнув покрышками. Мишка поехал за ним, полагая, что часть проблем этот товарищ возьмет на себя. Это была на редкость глупая идея, потому что бандит впереди явно умел пользоваться зеркалом заднего вида. Пикап затормозил и лихо развернулся, радостно рыча мотором. Мишка вывалился из машины и нырнул за гору металлолома. Соревноваться с этим парнем в вождении он не собирался. Это было бы форменным самоубийством. Секунд через десять его машинка горестно хрустнула, смявшись под напором тяжелого пикапа. Татуированный громила не стал тратить время и уехал, оставив Мишку в тягостном раздумье. Три километра — это полчаса быстрым шагом. А как это сделать, когда твоя машина разбита в хлам, а из-за каждого угла может прилететь пуля? Мишка вздохнул, и пошел вперед быстрым шагом в сторону финиша. Он запомнил направление.

Спокойно прогуляться ему не удалось. Минут через пять он услышал рев мотора и хлопки выстрелов. Четыре разбитых машины и четыре трупа. Кого-то раздавили, не дав выйти, кого-то застрелили. Мишка пошел дальше, уточнив направление в одной из разбитых легковушек. Бортовой компьютер в ней все еще работал, хоть и сама машина была не на ходу. До цели было еще около двух километров и тридцать три минуты. Очень скоро его местонахождение будет известно всем участникам. Всем, кто еще остался в живых.

Мишка побежал. Человеческие силы тут, в Зазеркалье, были не бесконечны, и люди уставали точно так же, как на Земле. Скорее всего, это нужно было для того, чтобы вытягивать деньги из релокантов, заставляя покупать все новые и новые обновления для своей матрицы. Он бежал легкой трусцой туда, где расположился заветный финиш. Впереди маячил длинный коридор из морских контейнеров, сложенных в гигантские штабели, и Мишка задумался. Пройти этот коридор насквозь, значило существенно сократить путь. Есть ли риск? Безусловно! В нем он будет, как на ладони. Рискну! — решил Мишка. — Если пойти в обход, шанс добраться до финиша вовремя был исчезающе мал. Там более, он и не знал, что будет там, где он попытается пойти.

На середине пути случилось то, что и должно было случиться. Сзади зарычал двигатель дорожного грейдера, который выбросил клуб черного дыма и, набирая скорость, помчал прямо на Мишку, опуская огромный нож. Это была

винтажная модель. На Земле-1 дизеля были давно запрещены. Впрочем, на его смертоносности это не сказалось никак, и Мишка, застыл, стиснув рукоять пистолета. У него оставался только один шанс.

Он побежал навстречу огромной машине и прыгнул, активировав свое главное и единственное умение. Он приземлился на капот грейдера и трижды выстрелил в перекошенное изумлением лицо водителя. Тот упал на руль, а огромная машина врезалась в морской контейнер и заглохла. Мишка залез в кабину, вытащил пистолет водителя и выбросил тело наружу. Дело осталось за малым. Нужно завести эту колымагу и доехать на ней до финиша. Вроде бы не слишком сложно, но вот эта точка, что приближалась к нему на экране, Мишке сильно не нравилась. Большая зеленая кнопка, наверное, пуск. Есть! Двигатель довольно заурчал. С коробкой было сложнее, здесь была механика. Господи боже, помоги! — прошептал Мишка то, чего и сам не ожидал сам от себя. Не зря мама говорила ему: когда тебе страшно — ты зовешь ЕГО, не задумываясь. Вот и Мишка позвал, и ОН откликнулся. А может, это сама Система помогла ему, как новичку. Сегодня это было неважно. Важно то, что он воткнул заднюю скорость и умудрился тронуться, не заглохнув. Первая! Грейдер начал укоряться. Вторая! Где вторая? Мишка не мог попасть, и рвал движок, выжимая из него натужный рев. Точка впереди! Теперь это и не точка вовсе, это был кабриолет, водитель которого осознал свою ошибку слишком поздно. Грейдер проехал по машине, превратив ее в лепешку своими рифлеными колесами. Вторая! Есть!

Мишка поехал вперед, выжимая из машины все. Он не рисковал больше трогать какие-либо ручки. Едет, и ладно. А то, что он беспощадно рвет движок и коробку — не важно. Лишь бы доехать. До финиша еще восемьсот метров. Восемьсот метров и восемнадцать минут. Пять точек на экране ползли туда же, куда и он. А вот одна из них совсем рядом, и это было скверно. Плохие предчувствия оправдались сразу же, как только Мишка услышал хлопки выстрелов и понял, что покрышкам хана. Тяжелая машина проехала еще с минуту, а потом заскребла по асфальту дисками, сбросив скорость почти до нуля. Надо уходить! Стекло брызнуло осколками, а Мишка выпрыгнул из кабины и укрылся за спущенным колесом. Пули летели откуда-то справа. Надо ждать, а время неумолимо. Пятнадцать минут.

Видимо, его врага беспокоили те же мысли, а потому совсем скоро Мишка услышал удаляющийся рев машины, которая пряталась за горой металлолома. Экран бортового компьютера показывал, что здесь Мишка остался один. Еще двое уцелевших

участников были гораздо дальше, почти у самого финиша. Километр — это четыре — четыре с половиной минуты, если бежать ровно, без ускорения, сберегая силы. Тут было немного меньше. И он побежал. Побежал туда, куда показывал экран компьютера. А вот и еще одна машина с трупом внутри. До цели триста метров и один враг. Всего один, но он мчит к нему на полной скорости. Мишка спрятался за легковушку, слыша, как приближается последний из участников гонки. Ближе! Ближе! Ближе! Знакомый пикап с кенгурятником несся ему навстречу, только за рулем его сидел тот самый парень с черепом вместо лица. И именно в это лицо Мишка разрядил остаток обоймы, попутно разбив радиатор машины. Пикап заложил крутой вираж и врезался в кучу бетонных блоков. Мишка подошел поближе. Гангстер был мертв.

До конца гонки оставалось всего ничего, а вот машины у него не было. Мишка подошел к легковушке и несколькими выстрелами разбил крепление руля. Он вырвал его и пошел в сторону финиша, насвистывая какую-то песенку. Выходило плохо, Мишку ощутимо потряхивало.

— Михель, это не по правилам! — слегка обалдевший Роб смотрел на парня, который держал перед собой сломанный автомобильный руль.

— Перечитай контракт, Роб, — сплюнул Мишка. — Я должен дойти до финиша за рулем автомобиля. И я, мать твою, до него дошел. К рулю претензии есть? Нет? Тогда гони мои сорок пять штук! Или у тебя завелась лишняя жизнь?

— Сорок пятьсот, Михель! Сорок пятьсот! Не забывай про мою комиссию! — ответил Роб, и пробурчал себе под нос. — Боже правый, какой, оказывается, мудак работает у меня юристом! Уволю гада!

Глава 15

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Четыре дня до релокации

Анна Кляйн вышла из подъезда, как обычно, в половине восьмого утра. Горе, которое на нее свалилось, она могла утопить только в работе. Она не спала всю ночь, вспоминая сбивчивый рассказ Марты. Господи! Неужели, все это возможно? А если это так, то никакой ее Мишенька не преступник. Он герой, настоящий герой! Только эта мысль и держала ее на ногах, только эта мысль придавала смысл остатку ее жизни. Да, именно остатку. Она не станет просить отсрочку, она не станет клянчить лекарства в благотворительных фондах. Ей больше нечего делать в этом мире, и она уйдет вслед за сыном. Уйдет, как бы страшно и противно ей это не было. Она найдет его и там. Найдет, во что бы то ни стало! Именно с этой мыслью Анна Кляйн вышла из подъезда, перед которым ее поджидала угрюмая толпа.

— Вот она! — ткнула в нее пальцем худая растрепанная баба.

— Берта? — растерялась Анна. — Зачем ты здесь? Зачем пришли все эти люди? Чего ты хочешь?

— Чего я хочу? — завизжала Берта. — Я жить хочу! Жить, понимаешь! Вот мой Фридрих это понимает. Он на все пошел ради меня! А теперь все напрасно! И все из-за твоего проклятого сыночка! Где мне теперь взять денег на лекарства? Где? Может, ты мне их дашь?

— Успокойся, Берта! — побледнела Анна, отступив назад. — Мой Михель — хороший мальчик! Ты же знаешь его с детства. Да он убил тех людей, но это были очень плохие люди.

— Плохие, хорошие! Какая теперь разница? — заорал незнакомый Анне парень, который держал на руках ребенка. — Мы сделали операцию нашему малышу, а где теперь взять денег на реабилитацию? Где? Отвечай, сука!

— Как теперь нам жить? — заорал кто-то рядом. — Я не хочу жить на пособие!

Обвинения посыпались со всех сторон, а толпа заводила сама себя, грозя вот-вот превратиться в дикого зверя, лишенного разума. Анна нутром почуяла ту тонкую грань, что отделяет этих людей от первого шага. Если этот шаг сделает хоть кто-то из них, ее просто разорвут. В толпе стояли люди, которых она знала много лет. Люди, которые жили бок о бок с ней. Люди, которые растягивали губы в фальшивой резиновой улыбке, когда

встречали ее на улице. Ведь она учила их детей. Анна прорвалась через толпу, которая зло заурчала, но бить и рвать сегодня еще была не готова. Ее пропустили, ограничившись пока одними лишь оскорблениями.

Анна шла по улице быстрым шагом, почти бегом, ведь она опаздывала. У нее скоро урок, и только там она сможет отключиться, позабыв в рабочей суете о том ужасе, что случился с ее сыном. Она ошибалась. Директор школы стоял у входа и крутил головой по сторонам. Он явно кого-то ждал. И судя по той скорости, что он развил, директор ждал именно ее. Ее, и никого больше.

— Фрау Кляйн! Фрау Кляйн! — замахал он руками. — Остановитесь! Нам нужно поговорить!

— У меня урок! — изумилась Анна. — Я же опоздаю.

— Это уже неважно, — поморщился краснолицый толстяк. — Вы все равно отстранены. Родители учеников в ярости. Они требуют вашего увольнения. Все говорят, что мать, вырастившая убийцу, не может приближаться к их детям.

— Я вырастила достойного сына, — гордо подняла голову Анна. — Вы все и в подметки ему не годитесь. Он спас ее, ясно? Спас, пока вы все сидели и выражали свое лицемерное сочувствие ее родителям. Вы забыли бы о несчастной девушке ровно через час, и снова вернулись бы к своим шоу по телевизору и пиву перед сном. Не вам читать мне мораль, господин директор!

— Вы уволены, фрау Кляйн. — Директор пошел красными пятнами. Он не терпел намеков на пиво, которое и было причиной того, что нестарый еще мужчина превратился в рыхлого толстяка, мучимого одышкой.

— Ну, и пошел ты! — Анна презрительно отвернулась от него и зашагала в сторону дома.

— Вам в магистрат, фрау Кляйн! — злорадно заорал директор ей в спину. — У них для вас есть хорошие новости! Ваш социальный рейтинг понижен до желтого уровня!

Анна повернулась к нему и молча подняла средний палец, с удовольствием наблюдая, как багровеет морда начальства. Она всегда хотела это сделать, но вот решилась только сейчас.

* * *

— «Сдохни, тварь!»

— «Сука! Ненавижу тебя!»

— «Все из-за тебя! Ты во всем виновата!»

Марта читала свои соцсети и плакала навзрыд. Ее страничка

превратилась в какую-то помойку. Все фотографии были изгажены ругательными комментариями, а личка забита письмами ненавидящих ее людей.

— Мама, за что? — Марта уткнулась в плечо матери, которая гладила ее по волосам. — Что я им всем сделала? Я что, должна была умереть в том подвале или оказаться в каком-нибудь публичном доме?

— Ты не понимаешь, доченька, — мать гладила, словно маленькую девочку. — Слишком многие зависели от этих людей. А теперь они убиты! Кто-то не получит лекарства, кто-то не сможет прооперировать больного ребенка, а кто-то просто потеряет деньги, к которым привык. И все из-за твоего парня и из-за тебя. Так они думают.

— Ты так говоришь, словно поддерживаешь этих людей! — Марта непонимающе посмотрела на мать. — Михель — настоящий герой. Он спас меня! Спас, как принцессу из сказки!

— Он сделал доброе дело, Марта, — мягко сказал мама. — Но он преступник, убийца. Понимаешь? Разве может каждый, кто захочет, убивать направо и налево? Нет! Поиском преступников должна заниматься полиция.

— Да! — Марта оттолкнула руку матери и закричала. — И многих они нашли? Кого они вообще нашли? Вы с отцом тут сидели и скулили, как побитые собаки, надеясь на полицию! А вот Михель не испугался. Он пошел и убил тех, кто обидел меня! Это ты понимаешь?

— Не смей орать на меня! — ледяным тоном ответила мать. — Ты еще ничего не понимаешь в жизни, девочка. И тебе придется принять ее такой, как она есть. Конечно же, мы с папой безумно рады, что ты спаслась, и мы благодарны твоему парню. Но тебе придется забыть о нем, понимаешь? Забыть и жить дальше! Он получит пожизненное заключение. А это значит, что с него снимут матрицу и отправят в Красный мир. Ты никогда больше не увидишь его.

— Что ты такое говоришь, мама? — прошептала Марта. — Зачем ты говоришь мне это именно сейчас? Как ты можешь? Разве ты не видишь, как мне больно?

— Будь сильной, моя девочка, — спокойно ответила мать. — У тебя был плохой период в жизни, но теперь он окончился. Надо воспользоваться ситуацией.

— Плохой период? Воспользоваться ситуацией? — растерянно ответила Марта. — Да что ты такое говоришь?

— Тебе все объяснят, — ровным голосом ответила мать. — Вот отец скоро придет и объяснит. Твоего Михеля в новостях называют «Мясник из Финстервальде»! Вся страна гудит. Ты

уверена, что это именно тот, с кем ты будешь счастлива всю оставшуюся жизнь?

— Уйди от меня! — закричала девушка. — Ты сошла с ума! Вы все сошли с ума! Как ты можешь так говорить о нем? Он же спас меня? Спас, пока все в этом городе сидели и ничего не делали!

Она хлопнула дверью единственной спальни и бросилась на кровать. Мать осталась в зале, и больше не лезла к ней. Марта села, обняв руками колени. В голове ее поселилась пустота, а сердце словно сжимала ледяная рука. Ей было плохо. Так плохо, как не было никогда до этого. Только вот, когда пришел отец и начал говорить с мамой, ей стало еще хуже. Дверь была тонкой, а квартира — крошечной. Марта слышал каждое слово.

— Как она? — спросил папа.

— Нормально, — деловито ответила мать. — Так, как и должно быть. Михель — ее герой и рыцарь в сияющих доспехах. Ну, а мы с тобой — полное дерьмо, как ты понимаешь.

— Да, парень и, правда, молодец, — хмыкнул папа. — Мы ему по гроб жизни за дочь обязаны. Может, навестим его в тюрьме, поблагодарим?

— Исключено! — голос матери стал непривычно жестким. — Ты сходил в «Радугу»?

— Сходил, — ответил ей отец. — Сходил и обо всем договорился. Они дадут три хороших страховки. Не серебряный аккаунт, конечно, но вполне пристойный уровень.

— Тебе надо поговорить с ней, — сказала мать. — Она сейчас зла на меня.

— А если не захочет? — засомневался отец. — Ведь она влюблена и все такое…

— Я должна была сделать аборт и не сделала, — хрипло сказала мать. — Она обязана жизнью нам. Нам, а не этому мальчишке! Именно из-за нее мы живем, как нищие. Потому что кормили и одевали ее столько лет. Вот это ты ей и скажешь.

— Да, это может сработать, — задумчиво ответил папа. — Марта — хорошая девочка. Совесть не позволит ей переступить через нас ради какого-то мальчишки. Неужели мы хотя бы после смерти вырвемся из этой нищеты? Я просто не верю своему счастью! Мы не будем говорить с ней сегодня. Она пока не в себе. Мы поговорим с ней завтра, а потом она встретится с их адвокатом. Она должна будет повторить на суде все, что он ей скажет. Слово в слово.

— Сволочи! — шептала Марта, не веря своим ушам. — Какие же они все-таки сволочи! Не успела я спастись, как они продали меня еще раз! За сраную страховку продали! Мама! Папа! Когда

же вы успели сгнить заживо? Или вы всегда были гнилыми, а я ничего не замечала, потому что любила вас? Господи, за что мне это? Ты же слышишь меня сейчас, я знаю! Ведь ты всегда слышишь тех, кому плохо или страшно!

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Четырнадцатый день после релокации

Блаженная неделя ничегонеделания походила к концу. Мишка исходил из конца в конец весь городок, изучил все его отсутствующие достопримечательности и повторно узнал, что может приобрести у компании Бета на свои гроши. После долгого размышления он решил поберечь деньги и купить потом что-нибудь реально стоящее. Ничего нового ему там больше не предложили. Ну и зачем ему тратить деньги, которые достались такой немалой ценой? Он, на минуточку, жизнью за них рисковал. Мишка попробовал найти еще кого-нибудь, кто смог бы связать его с мамой, но ему попадались одни мошенники. А это значило, что снова придется идти на поклон к Робу.

Да, сегодня он сходит к нему, но пока у него было еще одно незакрытое дельце. Минут через тридцать Мишка сидел в том самом кафе, где его накормил Педро. Салат из морепродуктов, отбивная с жареной картошкой и бокал свежего пива привели Мишку в самое лучшее расположение духа. Он никогда не жил такой жизнью. Жизнь на Земле была пресной, как пищевой батончик, и беспросветной, как охота вместе с бриллиантовым игроком. Никаких шансов на успех. Тут же она была какой-то яркой и сочной. Такой, что ее хотелось вдыхать полной грудью и медленно смаковать, словно десерт. Осталось дождаться Педро. По уверениям бармена, он должен был вот-вот прийти. Он очень редко пропускал обед.

— О! Привет, щегол! — удивился громила, увидев Мишку. — Пришел должок вернуть?

— Заказывай, — кивнул парень. — Я сегодня угощаю.

— Поднялся, значит, — хмыкнул Педро и махнул бармену. Тот знал его вкус наизусть.

— Скажи, Педро, — осторожно подбирая слова, сказал Мишка. — Вот если я хочу наказать плохого человека. Так, чтобы он понял, что был не прав. Как это лучше сделать?

— Да очень просто, — ответил Педро, с шумом вливая в себя первый бокал пива. — Обращаешься в агентство «Шериф» и оно решает твою проблему.

— А как туда обратиться? — насторожился Мишка.

— Ты туда уже обратился, — уверил его Педро. — Можешь сделать заказ. Имя?

— Ди Анджело. Это…, — начал было Мишка.

— Штука баксов, — махнул рукой громила, отметая дальнейшие Мишкины поползновения за полнейшей ненадобностью. — Нанесение побоев в воскресенье утром, гарантирую не меньше трех переломов. Оптовая скидка — пятнадцать процентов.

— А? — раскрыл рот Мишка. — Ты его знаешь?

— Этого итальянца, у которого еще ни один перевод на Землю не прошел? — утробно чавкая, ответил Педро. — Да кто же его не знает? Он хороший клиент, я его каждую неделю бью.

— Поэтому оптовая скидка? — догадался Мишка.

— Вот ты все-таки недалекий! — удивленно посмотрел на него Педро, отложив вилку в сторону. — А на вид такой, словно школу закончил. Оптом — это когда много, а не когда часто! Сечешь? Не могу же я его каждый день бить. За неделю три — четыре заказа соберу, а потом в воскресенье бью. И чему вас только в этой школе учат?

— Так он же должен в гипсе быть, — подозрительно посмотрел на громилу Мишка. — А он сидел, здоровее некуда.

— У него медицинская страховка по первому разряду, — уверил его Педро. — Ты думаешь, почему я его бью именно в воскресенье утром? Потому что ему в понедельник на работу, отлежаться надо. У него бизнес, знаешь ли, ему болеть некогда.

— Так это у него бизнес такой? — раскрыл рот Мишка.

— Ну да! — не менее удивленно посмотрел на него Педро. — Раз налоги платит, значит, бизнес. Ты что, вывеску не читал? Там же написано: Финансовые услуги.

— С ума сойти! — Мишка все никак не мог привыкнуть к местным реалиям. — Так какой смысл его тогда бить?

— Как какой? — снова удивился Педро. — Тут много смыслов, парень. Во-первых, удовольствие за свои деньги получить. У меня все без обмана, можешь даже рядом постоять, пока я ему кости ломать буду. Во-вторых, нехорошего человека наказать. У него, знаешь ли, переломы самые настоящие будут. И боль от этого тоже будет самая настоящая. Так что страдать за свой косяк он будет по высшему разряду. И, в-третьих, я работу получаю, и налоги с нее плачу. Я — законопослушный член общества, на минуточку. Ну, с тех самых пор, как в Аль Катрасе меня на электрическом стуле поджарили. Штаты — это не ваша Европа, где пожизненное дают. Так что сам посуди! Ди Анджело зарабатывает, я зарабатываю, а ты спокоен, зная, что

справедливость восторжествовала. Так что, заказ будешь делать?

— Подумаю, — уклонился от ответа Мишка. — Наверное, надо что-нибудь более затейливое придумать. Перелом каждую неделю — это как-то банально.

— Да? — с искренним интересом посмотрел на него Петро. — Если придумаешь что-нибудь оригинальное, приходи, возьму в долю. Нашему агентству нужны свежие идеи. Можем неслабо расширить бизнес. Тут народ все больше без фантазии работает. Одни уголовники, что с них взять!

— Я подумаю, — с достоинством ответил Мишка. — Свежие идеи — это мое второе имя.

Он попрощался и ушел, не уставая удивляться странностям того мира, куда занесла его судьба. Он был весьма необычным, но логичным и понятным, если вдуматься. Мишка уверенным шагом шел в сторону конторы Роба.

— А, Михель, заходи! — Роб сидел за столом, задрав ноги. — Какими судьбами? Уже выбрал себе постоянный мир для жительства?

— Постоянный мир? — по спине Мишки пробежал холодок.

— Это Преддверие, парень, — доверительно ответил Роб. — Тут тебе не проходной двор. Тут можно оставаться месяц после релокации, а потом вали отсюда в другой мир. Их тут полно, на любой вкус. И все они одинаково дерьмовые.

— Но ты-то живешь тут, — уточнил Мишка. — Значит, и тоже могу.

— Можешь, — не стал спорить Роб. — Открой бизнес, внеси в уставный капитал не менее двух миллионов долларов, и получай вид на жительство в Преддверии. У тебя есть два миллиона, Михель?

— Нет, — помотал головой Мишка.

— Ну, тогда не позднее месяца после релокации ты должен определиться с постоянным местом проживания. А сюда, в Преддверие, ты можешь ездить на работу. Впрочем, можешь и не ездить. В других мирах тоже зарабатывать можно, только сильно меньше. Все бабки тут крутятся. Срок пребывания для гостей Преддверия — не более двенадцати часов подряд, не чаще пяти раз в неделю. Налоги по ставке штата Калифорния, а это, я тебе скажу, те еще жадные говнюки. Но деваться некуда. Преддверие не резиновое, знаешь ли.

— Я, наверное, выберу Дархан, — задумчиво ответил Мишка.

— Ты все еще не выбросил из головы ту глупую мысль? — хмыкнул Роб. — Впрочем, это твое дело. Дархан, так Дархан. Мир — полное дерьмо, но есть и хуже.

— Хотел попросить тебя об одолжении, — смутился Мишка.

— Звони, — пустил по столу планшет Роб. — Приложение с белым значком телефона. Вводишь айди и разговариваешь. Деньги только потом не забудь вернуть.

— Да-да, — рассеянно ответил Мишка, набирая номер мамы. — Сотня за минуту, я помню.

— Поминутная тарификация! — поднял палец Роб. — И плюс налог.

— Не отвечает, — растерянно сказал Мишка. — Странно, она всегда отвечала. Или присылала сообщение, что не может говорить. А может, она уже…

— Если уже, набери ей еще раз, — терпеливо сказал Роб. — Приложение с зеленым значком — Зеленые Миры, приложение с желтым — Желтые. Несложно запомнить, правда?

— Не отвечает, — еще более растерянно сказал Мишка. — Что это может значить?

— Все, что угодно, — пожал плечами Роб. — Может, она просто не хочет с тобой разговаривать. Или лежит на операционном столе. Или просто попала в тюрьму. Ты же не исключаешь такой вариант? Исключаешь? Ну, и напрасно. Ты же туда попал. А чем она хуже?

Глава 16

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Два дня до релокации

Наступившая осень принесла с собой холод. Тот самый холод, что через одеяло пробирается под утро к тем, кто забывает закрыть на ночь окно. Мишка проснулся рано, когда первый лучик солнца мазнул по стене его камеры. Он свернулся калачиком и укрылся с головой, жарко дыша в надежде согреться. Ему не приснилось, он все-таки был в тюрьме. Он знал, все закончится быстро. Никто не станет тратить муниципальные деньги, чтобы содержать его здесь хотя бы лишний день. Местная Фемида работала быстро, а большую часть решений, особенно по мелким делам, уже давно выносил искусственный интеллект, ускоряя правосудие до скорости пули. Никаких многомесячных процессов, прений сторон и прочей чуши, что показывали в старых фильмах. Отмотал два срока, и уже третий ты пожизненно отбываешь в Красном Мире. Доказанное тяжкое преступление — и ты идешь туда сразу же. Зачем усложнять то, что является простым? Зачем плодить сущности?

И, хоть у Мишки осталось совсем мало времени, оно тут тянулось просто бесконечно. Ему придется пролежать на койке целый день, имея из развлечений лишь пищевые батончики, которые появлялись в маленьком окошке трижды в день.

— Заключенный Кляйн! К стене! — металлическая дверь сухо лязгнула, открывшись настежь. Мишка встал и повернулся лицом к серому гладкому бетону, который окружал его тут со всех сторон. Незнание этого простого правила стоило ему нескольких ударов дубинкой. Запястья сильно свели за спиной, соединив их наручниками.

— На выход!

Мишка покорно повернулся и пошел по длинному коридору, освещаемому тусклым светом потолочных ламп. Бетонные стены, железные двери и эти лампы. Больше тут ничего не было. Кроме, разве что, сопящего охранника сзади. Полноватый мужик с залысинами обильно потел, сопровождая самого «мясника из Финстервальде». И ему было не по себе, Мишка чуял это затылком. Чуял он и то, как одетое в форму чучело лапало кобуру на поясе, опасаясь, что мальчишка, которого оно вело на допрос, выкинет что-нибудь этакое, нештатное. А оно, чучело, очень боялось любой нештатной ситуации в исполнении серийного

убийцы. Они пришли минут через пять, когда их петляния по коридорам, перегороженным решетками, наконец, закончились. Еще одна ничем не примечательная дверь открылась, и Мишка зашел в комнату, где сидел уже знакомый ему герр Бауэр, пронырливого вида смуглый черноволосый мужчина в дорогом костюме и Марта.

Девушка сидела с отсутствующим видом, матово-бледной кожей напоминая фарфоровую куклу. Именно такое сравнение пришло Мишке на ум, когда он увидел ее неподвижное лицо, стеклянный взгляд и синяки, что залегли у нее под глазами. Марта совсем не была похожа на саму себя прежнюю. Энергичную, порывистую и смелую… Такую, какой он запомнил ее в игре. Ведь именно там они и проводили почти все то недолгое время, что были вместе. Марта была совершенно безучастна, и лишь появление Мишки вызвало хоть какие-то эмоции на ее лице. Она прикусила губу, а из глаз вырвались две слезы, которые оставили дорожки на ее щеках. Она так и не осмелилась поднять на него взгляд.

— Итак, герр Кляйн, — начал следователь. — Вы попросили об очной ставке, и вам предоставлено такое право. Фрау Нойман, вы готовы дать показания в присутствии данного господина?

— Моя клиентка готова, — услужливо сказал адвокат. Круглая масляная рожа выражала самодовольство и уверенность в успехе. А еще оно выражало целую гамму чувств. Презрение, любопытство и страх. Впрочем, страх ушел, когда Мишку приковали к каким-то кольцам в полу.

— Герр Дода, — поморщился следователь. — Вопрос был задан не вам. Фрау Нойман, вы готовы дать показания в присутствии данного господина?

— Готова, — безучастно ответила Марта. Она по-прежнему не смотрела на Мишку.

— Фрау Нойман, вы даете показания свободно? На вас не оказывалось какого-либо давления?

— Нет, — безучастно ответила девушка.

— Господин Кляйн утверждает, что вы были похищены. Вы подтверждаете его слова? В отношении вас производились какие-нибудь действия насильственного характера? Может быть, вас удерживали в каком-нибудь помещении против вашей воли?

— Нет, — обронила она.

— Вы раньше знали убитого господина Османи или его родственников?

— Не знала.

— Вы когда-нибудь употребляли наркотики?

— Да, — сказала Марта, а ее щеки снова прочертили дорожки

слез.

— Когда вы в последний раз их употребляли? — спросил следователь.

— Три дня назад.

— Как вы оказались в квартире матери обвиняемого и что ей тогда сказали?

— Я не помню, что говорила, я была под кайфом, — обреченно ответила Марта. — Я вообще ничего не помню из того дня.

— Где вы взяли наркотики?

— Я не помню, — сказала девушка.

— Вы дали показания под присягой, что наркотики получили от присутствующего здесь Михеля Кляйна. Вы отказываетесь от своих слов?

— Нет, — еще больше побледнела Марта. — Не отказываюсь.

— Господин Кляйн, у вас есть вопросы к свидетелю?

— Да, — ответил Мишка, который тщетно пытался поймать взгляд той, кто только что разбил его сердце. — Марта, что же они с тобой сделали?

— Прости! Прости! Прости! — она едва выдохнула эти слова, и Мишка скорее почувствовал их, чем услышал. А потом девушка сказала отчетливо. — Выпустите меня отсюда.

Мишка больше ничего не слышал. Его накрыло полнейшее безразличие и апатия. Всё, что он сделал, было напрасно. Покойный Бехар переиграл его и тут. Адвокат и следователь еще обсуждали что-то, не обращая ни малейшего внимания на парня и девушку, а Марта вдруг подняла на Мишку безумный взгляд и закричала, все повышая и повышая голос, переходя на истошный визг:

— Выпустите меня отсюда! Выпустите сейчас же! Ненавижу вас всех! Дайте мне уйти!

Она забилась в истерике, и это было последним, что Мишка запомнил, выходя из комнаты для допроса. Теперь в его памяти было две Марты. Та, прежняя, и эта, чужая ему, с растрепанными волосами, с заострившимися чертами лица и с раскрытым в бессильном крике ртом. Он снова шел по коридорам, шагая по команде и останавливаясь по команде, пока не пришел назад, в свою камеру.

— К стене! — услышал он, словно во сне, и отвернулся к серому глянцевому бетону, ощущая, как наручники сняли с его кистей. Лязгнула входная дверь. Он снова был один.

Зазеркалье. Дархан. Красная ветвь миров. Семнадцатый день

после релокации

Порывистый соленый ветер ударил Мишке в лицо, как только лифт закрылся за его спиной. Он не видел смысла в том, чтобы и дальше жить в Преддверии. Зачем, если его путь лежит именно через этот мир? Он свой выбор уже сделал.

Роб не обманул. Этот мир и, правда, был полным дерьмом. Скверный климат, убогая архитектура и странные законы. Да-да! Оказывается, в каждом из миров были собственные правила, которыми местное население безумно гордилось, словно соревнуясь в идиотизме своих законодателей. На Дархане жило тысяч пять человек, и почти все они ютились в городке с тем же названием. Это место напоминало Исландию, землю, руками человека превращенную в безлесную пустошь, покрытую жухлой травой. Мишка еще никогда не видел более унылого места. И тут всегда была поздняя осень, время, когда природа уже умерла до зимы, а снег еще не выпал, чтобы укрыть белым одеялом окружающие город равнины и холмы.

Он нашел жилье, и стоило оно тут сущие гроши по меркам столицы. Впрочем, немного вникнув в местную жизнь, Мишка осознал, что это не так уж и дешево. Пятнадцать долларов в час были тут немыслимой зарплатой, примерно вдвое превышая то, что здесь готовы были платить. Чем зарабатывали тут люди? Они ловили рыбу. Рыбу! Настоящую рыбу, в серебристой чешуе, с жабрами и противными на ощупь кишками. На кой черт нужна рыба в виртуальном мире, Мишка догадался не сразу, но ответ лежал на поверхности. Жизнь в Зазеркалье была устроена весьма разумно. Ничто не бралось ниоткуда, и не исчезало никуда. Местные виртуальные ресурсы превращались в виртуальные продукты, которые потреблялись виртуальными людьми, которые платили за них самые настоящие деньги. Деньги! В них-то и было все дело. Колоссальные инвестиции, что хлынули сюда из старого мира, требовали движения. И это движение денег создавало новые деньги, как и было им положено согласно всем законам экономики. Потому-то Мишка вскоре и перестал удивляться явной несообразности происходящего. Подумаешь, настоящие деньги за виртуальную рыбу! Хотя, какая же она виртуальная, если свежая треска, зажаренная в крошечной забегаловке в местном порту, имеет просто умопомрачительный запах и вкус. Именно там Мишка снова встретил Оракула. Существо, которое крайне редко являлось кому-либо дважды.

Пожилой негр выглядел сегодня чуть менее обкуренным, чем в прошлый раз, и даже косяк сегодня был тонким, словно карандаш. Он пока еще был заложен за ухо, а сам Оракул с

аппетитом поедал рыбу, поливая ее соком лимона. Нежное белое мясо, покрытое поджаристой корочкой, отделялось от костей и перемалывалось крепкими белыми зубами. На удивление белыми и крепкими.

— Тут хорошая рыба, — сказал Оракул так, словно они расстались с Мишкой только что. — Ни в одном мире такой нет. Густав — просто волшебник. Я это точно знаю.

— Почему мы встретились снова? — прямо спросил его Мишка.

— Это надо спрашивать у тебя, — пожал плечами Оракул. — Я этого не знаю.

— А кого ты обычно встречаешь второй раз? — попробовал изменить вопрос Мишка.

— Тех, чей путь еще не определен, — пожал плечами негр. — Как сам-то думаешь, ты точно знаешь, чего хочешь?

— Думаю, да, — ответил Мишка. — Я хочу открыть последнюю дверь.

— Зачем?

— Чтобы пройти по той ветви в Преддверие Желтых Миров.

— Твоих сил не хватит, — покачал головой Оракул. — Многие пытались. Почти все, что живут здесь, пришли сюда именно из-за этого. Но всем им не хватило чего-то. Дархан не захотел отпустить их.

— Я слышал про какие-то руны, — сердце Мишки защемило. — Значит, есть и другой путь.

— Другой путь есть всегда, — кивнул Оракул, выдавливая половинку лимона на очередную рыбину, которую подложил ему на тарелку владелец кафе. — Собери три руны, и уйдешь в другой мир, совсем не похожий на этот, — пожал плечами Оракул. — Тут это знает каждый, но больше двух не собрал еще никто. Ты можешь попробовать, и если это на самом деле твой настоящий путь, то мы никогда не увидимся снова. Только тут есть одна тонкость. Идти надо до самого конца…

— А…? — Мишка хотел было задать новый вопрос, но Оракул исчез, оставив на столе смятую двадцатку. Это случилось, когда Мишка отвлекся на шумную компанию рыбаков, что ввалилась в кафешку пообедать.

— Твою ж мать! — разочарованно выдохнул Мишка. — Да что за невезение?

— Вы что-нибудь будете заказывать, сэр? — мужик в белом переднике, заляпанным каплями жира, вопросительно смотрел на Мишку.

— Да, буду. Жареную треску, пожалуйста, — ответил тот. — И лимон.

— Разумеется, — кивнул Густав и пошел готовить заказ.

— А скажите, — бросил ему в спину Мишка. — Кто-нибудь открывал последнюю дверь?

— Случалось, — кивнул после небольшого раздумья Густав. — Слухи ходили, что парочке парней это удалось.

— А как? — жадно спросил Мишка. — Как им это удалось?

— Ответ очевиден, — пожал плечами Густав, переворачивая деревянной лопаткой подрумянившуюся рыбу на другой бок. Зашкворчало горячее масло, а по кафе разнесся умопомрачительный запах. — Есть только одна сила, которая открывает любые двери. Ты легко догадаешься, какая, если дашь себе труд как следует подумать.

— Деньги! — прошептал про себя Мишка, но Густав его услышал.

— Они самые, — подтвердил он. — Миллионов пять-шесть, и ты купишь достаточно сил, чтобы открыть последнюю дверь. Только, знаешь, те, кто смог здесь заработать такую сумму, обычно не хотят отсюда уходить. Ты, наверное, уже понял, как именно тут можно поднять по-настоящему серьезные деньги. Уж точно, не ловлей рыбы. Что будет делать такой человек в какой-нибудь унылой Зеленой локации? Ты сам захочешь оказаться там, где живут несчастные пожилые люди, которые должны вкалывать за гроши целую вечность? Зазеркалье — не Земля, тут нет пособий по безработице. Тут все гораздо прозаичней. Ты, наверное, обратил внимание, как быстро погибают те, кому не суждено тут жить. Они слишком слабы, и Система отбраковывает их, навсегда стирая матрицу после десятой смерти. Она просто не хочет тратить ресурсы на поддержание их существования. Они же неудачники, мусор! А вот те, кто смог здесь уцелеть, да еще и заработать, чувствуют себя не так уж и плохо.

— Вот как? — задумался Мишка. — Значит, сюда пропадают люди, для которых рамки нормального общества слишком тесны. Так, что ли, получается?

— Получается, так, — кивнул Густав. — Мы просто не можем жить рядом с обычными людьми, уж слишком мы разные. Мы не станем безропотно пахать сотни лет, чтобы скопить на серебряный аккаунт. Если мне понадобятся уши, как у эльфа или физиономия кинозвезды, я снова сяду за штурвал межзвездного истребителя и прикончу десяток-другой парней за штурвалом точно такого же истребителя. Бог-император, этот ублюдок с бриллиантовым статусом, все никак не наиграется в войну.

— Война Кассиопеи и Деймоса? — вспомнил Мишка объявления в местной сети.

— Да, она самая, — подтвердил Густав. — Два безумно

богатых придурка с невероятным по размеру эго так развлекаются уже лет десять. Не наигрались в детстве, козлы! Через год этой мясорубки мне так осточертела кровь, что я захотел перебраться в Желтый Мир, а оттуда — в Зеленый. Но не вышло. В Междумирье я оставил больше жизней, чем на войне. Я плюнул на свою мечту и осел здесь навсегда. Денег мне хватило на собственный домик и этот бизнес.

— Как собрать три руны? — спросил Мишка.

— Никак! — отрезал Густав. — Это просто глупая легенда, и не более того. Ты знаешь, сколько парней погибло в Междумирье? Все, кого ты видишь здесь, были там. И все, кто живет в этом мире, спускались туда хотя бы раз. Все до одного! У многих после этих попыток осталось по одной жизни. Всего по одной, парень! Теперь они живут просто и понятно, позабыв о всяких глупостях. Работают, телек смотрят, голосуют на местных выборах. Все, как у людей. Да, тут бедно и довольно уныло, но мы уже привыкли. В конце концов, мы попали сюда в наказание за свои ошибки. Ведь Красный Мир — это воздаяние! Это проявление высшей справедливости! Мы прожили скверную жизнь, парень, а теперь у нас есть целая вечность, чтобы осознать это и раскаяться. Мы заслужили свою судьбу и, наверное, именно в этом и есть настоящий смысл происходящего. А поиск рун — это тупик, это просто еще одно изощренное наказание за наши грехи. Уж слишком большой болью они даются.

— А сколько рун собрали вы? — спросил Мишка.

— Две! — Густав с гордостью показал свой браслет, тускло мигнувший в полутьме забегаловки. — Я убил двух гончих, и теперь очень ценю ту единственную жизнь, что у меня осталась. Я наслаждаюсь каждым прожитым днем так, как не наслаждался, когда был живым. И, насколько я знаю, три руны не собрал еще никто.

— Странно, — протянул Мишка. — А Оракул сказал, что нужно собрать именно три.

— Когда он тебе это сказал? — удивился Густав.

— Только что, — ответил Мишка. — Он сидел за этим столом.

— Ты не пил, парень? — подозрительно посмотрел на него владелец кафе. — Я никуда не отлучался из зала, и я бы уж точно заметил кого-нибудь постороннего. Тем более, обкуренного в хлам негра, которого встретил в свой первый день в Зазеркалье. Нет, ты что-то путаешь. Тут его точно не было.

Глава 17

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. День релокации

Его честь судья Рихтер появился в зале суда сразу же, как только помощник запустил соответствующую программу. Живые судьи работали только в апелляционной инстанции, а все прочие дела давным-давно рассматривал искусственный интеллект, в который было загружено невообразимое количество законов, подзаконных актов и решений других судей, создавших прецеденты. Квалификация судьи Рихтера ни у кого не вызывала ни малейшего сомнения, ведь он был в Германии един во множестве лиц, пробуждаясь к жизни простым нажатием кнопки. Не вызывала сомнения и его неподкупность. Как можно подкупить самообучающийся алгоритм? В судах не было больше соревнования адвоката и прокурора, они стали просто не нужны. Суд протекал почти мгновенно, как только в программу загружались материалы дела. А вот живой адвокат стал такой же роскошью, как дом в престижном районе и натуральная еда. Для Мишки и его мамы это было совершенно недостижимо, у них просто не было таких денег.

Благообразный мужчина лет шестидесяти стукнул молотком, и зал почтительно замолчал. Судья поправил роговые очки и открыл толстую папку, что лежала перед ним. Все эти действия носили ритуальный характер, но сидящие в зале молчали, испытывая нешуточный трепет перед слугой Фемиды. Судья прокашлялся и начал говорить. Он имел сочный приятный голос, с насыщенным обертонами тембром, который приводил в восторг местных дам. В городе лет пять назад проходило всеобщее голосование, на котором выбрали именно эту аватару судьи.

— Подсудимый Кляйн, — начал его честь. — Суд изучил материалы вашего дела и считает вашу вину доказанной. Вам есть, что добавить к тому, что вы уже сказали на допросе?

— Нет, — покачал головой Мишка.

— Нет, ваша честь! — поправил его виртуальный служитель закона. — Вы проявляете неуважение к правосудию.

— Это на что-то повлияет? — насмешливо сказал Мишка.

— Не повлияет, — согласился судья. — Но порядок — это основа нашего демократического общества. И никому не позволено нарушать его даже в мелочах. Иначе жизнь покатится под откос.

— Заканчивай уже свою болтовню, — усмехнулся Мишка. —

Ты же просто программа.

— Итак, — судья Рихтер невозмутимо встал и открыл папку. — Подсудимый Михель Кляйн! Вы признаны виновным по всем предъявленным вам пунктам обвинения и приговариваетесь к пожизненному заключению. Вы сохраните все воспоминания, чтобы иметь возможность раскаяться в содеянном. Приговор будет приведен в исполнение немедленно. Фрау Кляйн, вы можете попрощаться с сыном. Заседание закончено. Все свободны.

Голограмма исчезла, а зрители, оживленно галдя, потянулись к выходу. Томас и Вольф сочувственно смотрели на Мишку, а вот Гельмут, который стоял рядом с матерью, впился в него ненавидящим взглядом. Берта еще больше высохла, а в ее глазах застыло обреченное выражение. В них больше не было ненависти, только усталость и тоска. Мишка водил глазами по залу, надеясь увидеть Марту, но здесь ее не было, и это укололо его в самое сердце. Она даже не пришла попрощаться с ним. Охранник открыл дверь клетки и вывел Мишку из зала суда. Надо торопиться. Через пять минут здесь будет новое заседание, а за ним еще одно, а потом еще. Судья Рихтер мог работать круглосуточно, ведь он не нуждался в отдыхе.

Там же. Две недели спустя

Осторожный стук в дверь вывел Анну из оцепенения. Ей оставалось совсем недолго, какие-то считанные дни. А потом она должна прибыть в городской пункт эвтаназии и отправиться на вечное поселение в один из Желтых Миров. Ее социальный рейтинг был снижен почти до нуля. Да и какой еще он может быть у нерадивой матери, воспитавшей опасного преступника? Рейтинг был таков, что даже скорая помощь поедет к ней теперь только тогда, если нет других вызовов. Ни один уважающий себя магазин не доставит ей товар, и ни один банк не откроет счет. Она — изгой, пария, живой мертвец, на которого всем плевать. Соседи отворачиваются от нее, не считая нужным здороваться. Матери маленьких детей при виде ее поднимали малышей на руки, прижимая к себе, как будто она была заразна. И даже банк сегодня прислал уведомление о немедленном погашении кредита за пищевой синтезатор. Срок истекал завтра, и после этого кухонный агрегат, который укоризненно молчал на кухне, будет изъят, превратив квартиру в непригодное для жизни место. Впрочем, из самой квартиры ее пока не гнали, ведь она оплатила ее до конца срока.

Стук! Кому она могла понадобиться? Анна встала с кровати и пошла к двери. Странно, ей и ходить стало тяжело, как будто тело тоже сдалось, понимая, что ему осталось совсем недолго.

— Ты? — Анна так удивилась, что даже не захлопнула дверь перед той, кто разрушил всю ее жизнь.

— Пожалуйста, фрау Кляйн, — умоляюще сказала Марта. — Не прогоняйте меня. Нам нужно поговорить. Я прошу вас!

— Ну, заходи, раз пришла, — равнодушно ответила Анна, пропуская ее в неопрятную, неубранную квартиру. Даже осколки из разбитого окна, дыру в котором она заткнула какой-то ветошью, так и валялись на полу, оставаясь неубранными. Да и камень, который прилетел в стекло, валялся тут же. До него здесь никому не было дела.

— Я люблю его, — набрав в грудь воздуха, сказала Марта.

— Именно поэтому ты его предала. Да? — спросила её Анна.

— Нет, — покачала головой девушка. — Это всё мама и папа… Они договорились с тем фондом… Родители сказали, что это они дали мне жизнь, а не Михель. Сказала, что это наш единственный шанс вырваться из нищеты… Сказали, что мои слова все равно ничего не изменят, потому что ему дадут пожизненное…. Я не смогла отказать им.

— Вот как? — задумалась Анна. — Твоим родителям заплатили за эту ложь?

— Им дали хорошую страховку, — Марта отчаянно покраснела. — И мне тоже дали.

— Так зачем ты сюда пришла? — Анна гордо вскинула голову. — Иди и наслаждайся жизнью. Она у тебя удалась.

— Я хочу отдать страховку вам, — упрямо посмотрела на нее Марта. — Прошу вас, заберите ее. Я знаю, он обрадуется этому, если узнает. А с «Радугой» я уже обо всем договорилась. Им все равно, как я распоряжусь этими деньгами. Пойдемте туда, и я подпишу все бумаги. Пойдемте, пока еще не поздно!

— Но как же ты? — изумленно посмотрела на нее Анна. — Ты откажешься от хорошей жизни в Зазеркалье? Ради чего?

— Я не хочу в Зеленый Мир, — решительно помотала головой Марта. — Я просто не понимаю, как жить с этим оставшиеся сорок семь лет, а потом еще целую вечность. Да, я совершила подлость, но я не заслужила бесконечных мучений. Я знаю, Михель сможет меня простить. Поэтому я пойду к нему.

Зазеркалье. Преддверие. Красная ветвь миров. Двадцатый день после релокации

Большая охота. Мероприятие для настоящих ценителей. Туда не брали придурков, торгующих своими первыми жизнями за миску супа. Не было там и корифеев с умопомрачительными гонорарами, которые могли позволить себе купить одиннадцатую, двенадцатую и даже сороковую жизнь, если понадобится. В мире, где все решают деньги, это было несложно. Всего-то миллион долларов, и компания Бета любезно предоставит тебе еще один шанс.

Корифеи не участвовали в Большой охоте. Для них это было слишком просто. Они были мастерами запутанных сценариев и изощренных интриг, разыгрывающими многоходовые комбинации длиной в недели и месяцы. Иногда целые миры создавались под одну единственную игру, а потом стирались ленивым движением руки пресыщенного богатея. Как вам охота на тему жизни Чезаре Борджиа, проходящая в средневековой Италии? Вы — один из кардиналов, который впал в немилость у папы Александра VI, и ваша задача — уйти от многочисленных убийц и отравителей. И даже сама Лукреция Борджиа дарит вам свою благосклонность вместе с дозой яда в свежем персике, который ест с вами вместе. Ядом намазана лишь одна сторона ножа, и игрок умирает, чувствуя, как та, кого он только что любил, ставит изящную ножку на его тело в знак победы. Конец игры! Это была лучшая охота сезона, взорвавшая все паблики Красных Миров. Права на трансляцию были проданы за сумасшедшие деньги, а ночь любви с прекрасной Лукрецией набрала миллиард просмотров. Именно она и оказалась настоящим охотником, которого тщетно пытался вычислить заказчик среди сотен лиц, что крутились вокруг.

Потому-то услуги таких специалистов были слишком дороги для простых обладателей золотых аккаунтов. Обычно этих людей развлекали крепкие профессионалы, у которых на личном счету значились убитые охотники и которые рисковали своими жизнями по-настоящему. Ни у кого из них не было лишнего миллиона. И именно это придавало остроту всей ситуации. Почасовая оплата того, кто ставил на кон последнюю жизнь, и вовсе начиналась от десяти тысяч. Убить человека навсегда, не нарушая при этом закон, вот настоящая мечта любого охотника. Одна мысль об этом превращает кровь в жидкий огонь. Да и зомби, которым становился убитый — редкая и желанная добыча, которая украсит любую коллекцию.

А вот Мишка участвовать в этой охоте не стал, вежливо отклонив предложения Роба и парочки других агентов. Ему хватит и того, что он прямо сейчас смотрит все это по телевизору. Уж в чем-чем, а в зрелищах тут недостатка не было. Свобода слова и самовыражения были священны в Красных Мирах.

Мишка снова шел в офис компании Бета. У него еще оставались деньги, и появилась настоящая цель, ради которой он и был готов рисковать.

— Рад видеть вас снова, мистер Кляйн, — дежурно улыбнулся продавец. — Ваша прошлая покупка оправдала себя на все сто! Я вас поздравляю!

— Не стоит, — смутился Мишка, который позабыл, что здесь о нем знают абсолютно всё.

— Итак, что нужно восходящей звезде гильдии охотников? — грубо польстил ему продавец. — Вы все-таки решили прикупить умение «Нокаут»? Я уверен, оно еще не раз выручит вас в следующих боях.

— Нет, — покачал головой Мишка. — Я хочу купить то, что мне пригодится в Междумирье Мира Дархан. Вы можете что-нибудь посоветовать?

— Скверный выбор, осмелюсь заметить, — продавец скривился. — Статистика этого мероприятия просто удручающая. Умение «Геракл» вам не по карману, также как и экзосклет космодесантника. Только с их помощью можно открыть последнюю дверь. И да, до этой самой двери еще нужно добраться. Там, знаете ли, Междумирье! А в нем водится всякая неприятная живность.

— А есть в продаже карта Междумирья? — загорелся Мишка.

— Такой карты не существует, — покачал головой продавец. — Но вы можете купить умение «Картограф». Вы запомните все места, где были, и сможете безошибочно пройти этим путем еще раз. Вы не заблудитесь, даже если проделаете этот путь в багажнике автомобиля.

— Покупаю! — решительно сказал Мишка. — Это именно то, что мне нужно.

— Мистер Кляйн, — продавец смотрел на него сожалеющим взглядом. — Не делайте этого. С вероятностью в восемьдесят два процента вы в ближайшее время не потеряете все жизни, и станете преуспевающим членом сообщества Красных Миров. С вероятностью в сорок семь процентов вы сможете открыть свой бизнес и стать резидентом Преддверия. Подумайте! У вас прекрасные перспективы! Для чего вам этот бессмысленный риск?

Ответа продавец не дождался и, примерно через час Мишка сидел в той же кафешке, где, глотая набежавшую слюну, ждал свою порцию жареной трески. Густав, который напевал что-то на незнакомом языке, поставил перед ним запотевший бокал пива и соленые орешки, а Мишка, макнув губы в плотную пену, сделал первый глоток. Как же хорошо! Насыщенный, плотный вкус с легкой горчинкой привел его в полный восторг. Он, когда был

живым, никогда не пробовал настоящего пива, а тут никакого другого просто не было. И это было восхитительно!

Тарелка с рыбой и жареной картошкой с негромким стуком встала прямо перед ним. Густав и, правда, оказался настоящим волшебником. Картошка, которая не рассыпалась в кашу, а лежала ровными аккуратными ломтиками, была пожарена с лучком и какими-то травками. И все это, вместе с рыбой, пахло настолько дивно, что в Мишкиной голове стала закрадываться трусливая мыслишка: А может, ну его, это Междумирье? Но, подумав хорошенько, он эту мысль от себя прогнал. Жить во всеми забытом захолустье, работать за сущие гроши и лопать каждый вечер жареную рыбу? Или ублажать богатых извращенцев, рискуя жизнью? Ну, уж нет! Он должен найти свою маму. Она окажется в Преддверии Желтого Мира совсем скоро, а значит, и ему тоже нужно поспешить. Он пойдет домой, посмотрит парочку эпизодов из мира Хэгура, где обнаженные японки собирают жемчуг без аквалангов и ласт, а потом ляжет спать. Прожить так целую вечность? Нет, это не для него!

* * *

Смотритель оказался жизнерадостным мужиком лет под пятьдесят. Он принял от Мишки сотенную купюру и положил перед ним лист, покрытый буквами с двух сторон. Это был договор, снимающий с местной префектуры, городского совета и компании Бета ответственность за то, что произойдет с Мишкой при погружении в Междумирье. Он положил перед ним однозарядный пистолет и кинжал в ножнах, а, увидев изумленное лицо парня, пояснил.

— Закон Мира Дархан, молодой человек! Если хочешь пройти Междумирье, надейся только на собственные силы. А то дай вам волю, вы туда с плазменной пушкой ходить будете. Один патрон и нож!

— А за что дают руны? — спросил его Мишка.

— За убийство Гончей, — пояснил смотритель. — Убьешь три собачки, или кто она там на самом деле, и свободен. Прощай, Красные Миры! На свободу с чистой совестью, так сказать! У нас в бараке такой плакат висел. В смысле, когда я еще живой был.

— А как же их тогда убить? — Мишка даже голову почесал в задумчивости. — Одну из пистолета застрелю, а двух зарезать нужно. Так, что ли?

— В теории, конечно, так, — кивнул смотритель. — Но пока еще это ни у кого не получилось. Гончие, знаешь ли, не слишком

любят, когда их режут. А учитывая, что это крайне опасная тварь весом под центнер, попытка ее убить вот этой ковырялкой обычно заканчивается крайне плачевно.

Мишка глубоко задумался и впился в смотрителя долгим задумчивым взглядом, который тот истолковал совершенно однозначно.

— Шел бы ты домой, парень, — он пододвинул к Мишке его собственную купюру. — Я даже деньги тебе верну, хоть и не положено это. Уходи-ка ты отсюда подобру-поздорову. Сгинешь ведь там ни за грош.

— Я должен пройти Междумирье, — помотал головой Мишка. — Я должен попасть в Желтый Мир. Там мама…

— Так вернись в Преддверие, и поработай там годик-другой, — посоветовал ему смотритель. — Ты неглупый парень, я же вижу. Заработай денег и открой эту чертову дверь. Это же Зазеркалье. Тут денег просто море. Это тебе не какая-то там Земля! Купи защитные умения, невидимость и суперсилу. Нужно-то миллионов пять всего, и ты прошел! Впрочем, заработав такие деньги, ты уже никуда не уйдешь. Я это точно знаю. Красные Миры не отпустят тебя. Слишком уж много тут соблазнов. Не ходи в Междумирье, парень! Спустившись туда сейчас, ты напрасно потеряешь жизнь. И потеряешь ее самым неприятным способом из всех возможных. Поверь, уж я-то знаю, о чем говорю.

— Каким же способом я ее потеряю? — полюбопытствовал Мишка.

— Тебя сожрут заживо, — хладнокровно ответил смотритель. — С первого раза ты не сможешь убить Гончую, а вот она тебя убьет точно. Поверь, она прекрасно умеет это делать. Ведь ее создали именно для этого.

— Я все-таки рискну, — упрямо ответил Мишка.

— Тогда распишись, что прошел вводный инструктаж, — смотритель пододвинул ему еще один лист. — Браслет приложи вот сюда. У меня тут строгая отчетность, на минуточку. Без пройденного инструктажа я в Междумирье никого не пускаю.

— А когда это я успел его пройти? — изумился Мишка, но браслет послушно приложил.

— Да вот только что, — ответил смотритель, удовлетворенно глядя на подпись, которая появилась на бумаге. Лист растаял в воздухе, но это уже не имело никакого значения. В Зазеркалье документы никуда не пропадали. — Зря я перед тобой распинался, что ли? Ну! Чего встал? Иди, раз решил. У тебя ровно двадцать четыре часа. Время пошло!

Глава 18

Междумирье. Дархан. Красная ветвь миров. Двадцатый день после релокации

Город был пустынным и странно знакомым. Знакомой до боли была застройка, которую мигом признал бы любой горожанин Земли. Именно такими и были окраины почти всех европейских городов, которые из промышленных зон постепенно превратились в места, где жили всякие неудачники и безработные в третьем поколении. Брошенные предприятия, на продукцию которых больше не было спроса, становились прибежищем уличных банд, наркоманов и бомжей, а жилые дома пугали выбитыми окнами, заколоченными для тепла, как попало.

Мишка двинулся по улице, периодически заглядывая в пустые магазины и квартиры. Ему нужны пути отступления, нужны места, где он сможет переждать атаку, нужны проходные подъезды и пожарные лестницы. Он прекрасно понимал, что у него нет шансов найти последнюю дверь с первой же попытки, его стратегия была иной. Каждый раз он будет уходить все дальше и дальше, пока не дойдет до цели. А уже потом он сможет спланировать свой путь так, чтобы не погибнуть по дороге. А пока у него есть в запасе девять жизней, как у кошки. Мишка даже хмыкнул от такого сравнения.

Город давил на него. Он был просто огромным. В этом Мишка убедился, когда залез на крышу. Он лег на живот, ощущая приятное тепло нагретой на солнышке кровли и до боли всматривался в окружающие его дома, тщетно пытаясь увидеть опасности Междумирья. Но их он не видел. Лишь легкий ветерок лениво гонял по асфальту старую газету, читать которую тут было некому. Мишка прошел по крыше огромного дома из конца в конец. Он пересек по кровле целый квартал, что и неудивительно. Дома тут стояли плотно, переходя один в другой без промежутков. Когда-то в городах земля была дорогой, раз строили так тесно. Видимо, раньше не было клубных миров, где покупать недвижимость было гораздо выгодней и перспективней. Ведь она будет твоей целую вечность.

Стоп! Кое-что привлекло его взор. Ну, конечно же. Это же Междумирье, и он в нем далеко не первый… Хотя, какое там! Он тут даже не тысячный, и все эти люди имели схожие проблемы. И эти проблемы они решали максимально простым путем. На стене дома напротив была нарисована большая белая стрелка, и о ее

назначении догадаться было совсем несложно. Она вела именно туда, куда надо. Тогда почему пройти это место так сложно? Мишка недоумевал. Иди себе по стрелке и попадешь прямо к цели. Видимо, он все-таки чего-то не понимает. Не может быть так просто.

Мишка вновь спустился на улицу, и пошел, ориентируясь на направление, которое указывала то одна стрелка, то другая. Он шел бесконечными, почти одинаковыми кварталами уже больше часа, как вдруг почувствовал, как на его затылке шевельнулись волосы. С чего бы это? Мишка медленно обернулся и обомлел. Антрацитно-черное тело Гончей переливалось упругими мышцами, которые катались под гладкой лоснящейся кожей, словно живые. Вытянутая безглазая морда с вывернутыми ноздрями втягивала в себя воздух, медленно поворачиваясь в сторону Мишки. Она его явно заметила. А ведь эта тварь по-своему красива, как-то отстраненно подумал Мишка. Красива и опасна. В холке примерно метр двадцать, длинное сильное тело и крепкие челюсти. Глаз не было, зато длинные уши стояли торчком, а значит слух у местного стража был отменным. Осознав это, Мишка даже дышать перестал, лишь тронул рукой рукоять пистолета, в котором был всего лишь один патрон.

На удивление, Гончая не кинулась на него, а черной тенью скользнула за угол, откуда полился тягучий рев, низкий, почти на грани слышимости. Этот звук был так страшен, что Мишка облился потом и ослаб в коленках. У него даже зубы заныли, словно вошли с этим звуком в резонанс. Инфразвук, догадался он. Только у низких частот такой эффект. А рев этот зовет остальных. Черта с два они по одной ходят, зная, что у человека в Междумирье есть оружие.

Мишка скользнул в подъезд и белкой взлетел на третий этаж, захлопнув за собой дверь какой-то квартиры. Тут и засов был, и Мишка с клацаньем задвинул его до упора. Он, едва уняв бьющееся сердце, выглянул вниз, на улицу. Да, он не ошибся. Три гончие стояли внизу, и водили по сторонам головами, раздувая ноздри. Одна из них негромко рыкнула, и рысцой побежала прямо к тому месту, где еще совсем недавно стоял Мишка. Гончая опустила голову вниз и безошибочно нырнула в тот самый подъезд, куда только что он забежал. Твою ж мать! Мишка сполз по стене, затравленно глядя на запертую дверь. Они не должны его тут достать! За дверью завозились, и Мишка с ужасом увидел, как медленно поворачивается дверная ручка, а дверь начинает сотрясаться от толчков тяжелого тела. Засов еще держал, но дверь была довольно хлипкой, и долго такого издевательства не выдержит. Это было очевидно.

Мишка выскочил на балкон. Отсюда нужно уходить, и поскорее! Он перебрался на балкон соседней квартиры, перейдя в другой подъезд. Дверь натужно трещала под ударами, ей оставалось совсем недолго. Он сбежал вниз, перепрыгивая через три ступени. Теперь-то за ним начнется настоящая погоня, ведь у этих тварей отличный нюх. Он побежал изо всех сил, примечая стрелки на стенах. Они вели куда-то в центр города, где угрюмыми зубьями возвышались небоскребы банков и офисов. Наверное, последняя дверь была именно там, в мешанине зданий из стекла и бетона, с тысячами офисов, расположенных на сотнях этажей.

Мишка, повинуясь указаниям стрелки, повернул в какой-то узкий проход между домами, который неожиданно закончился тупиком. На стене баллончиком с белой краской была выведена надпись: «Я тут сдох навсегда, сдохни и ты! Ненавижу!». Смысл надписи Мишка понял не сразу, а только тогда, когда услышал торжествующий рев и Гончую, которая звала своих товарок. На ее безглазой морде читалось торжество и полнейшая уверенность в своих силах. Она явно знала местную географию куда лучше, чем те, кто имел глупость сунуться сюда в поисках последней двери. Пуля свалила Гончую на землю, а ветер унес черную пыль, в которую превратилось ее тело. Мишка потянул из ножен кинжал, понимая, что это бесполезно. Навстречу ему лениво двигались еще два дьявольских порождения Междумирья. И они явно были голодны.

Преддверие. Красная ветвь миров. Двадцать первый день после релокации

Знакомое кафе в Преддверии встретило Мишку привычным полумраком и барменом, который протирал салфеткой идеально чистый бокал. Тот смотрел на свет сквозь стекло, пытаясь найти на нем хоть пятнышко и, видимо, все-таки находил, потому что начинал тереть снова. Педро должен был скоро прийти, и Мишка в который раз изучал меню, удивляясь, до чего, оказывается, прихотливые вкусы у бывших уголовников. Меню занимало листов тридцать, а блюда в нем охватывали, казалось, весь свет. Это кафе пыталось угодить всем, кто попадал сюда. Большая часть блюд Мишке была незнакома, и он решил попытать счастья, ткнув наугад.

— Не советую, мистер Кляйн, — доверительно сказал бармен. — Вьетнамская кухня после окрошки с хреном и

горчицей! От души не советую!

— Мы же в Зазеркалье! — поразился Мишка. — Тут что, бывает понос?

— Еще как бывает! — заговорщицки подмигнул ему бармен. — Иначе наши клиники просто разорятся. Нельзя же совсем не болеть! Ведь это будет просто чудовищной несправедливостью по отношению ко всей нашей медицинской индустрии!

— Но я же умер! — возмущенно завопил Мишка.

— Это не оправдание! — решительно отмел его возражения бармен, и предложил. — Если хотите экзотики, возьмите утку по пекински, мистер Кляйн. Рекомендую! Умение пользоваться палочками активируется автоматически. Это бонус от заведения.

— Несите, — величественно махнул рукой Мишка. Утка по пекински. Ишь, ты! Он про такое только по телеку смотрел. Китайцы, что остались за Железным занавесом, вроде бы едят это блюдо.

На столе появились маленькие тарелочки и плошечки. Отдельно принесли тончайшие рисовые лепешки, в которые нужно было положить лук, зелень и кусочек утки. Все это требовалось завернуть в рулетик и обмакнуть в соус. Мишка даже застонал от удовольствия, когда нежное мясо начало таять на языке.

— Чего это тебя на еду для косоглазых потянуло? — несказанно удивился Педро, который сел за тот же столик. Приглашения ему не потребовалось.

— Да я такого не пробовал никогда, — честно признался Мишка. — Вот, захотелось.

— А, понятно, — равнодушно махнул рукой Педро. — Первые пару лет у всех так. После тюремной баланды и пищевых батончиков у людей тут просто крышу сносит. Хочется набить в рот сразу все, что видишь, и жрать, жрать, жрать… Потом отпускает. Чего пришел-то? Или придумал, как нам денег половчее поднять?

— Да тут и придумывать нечего, — промычал Мишка набитым ртом. — Подумаешь, сложность. Введи дополнительную услугу — обработку клиента паяльной лампой до появления ожогов четвертой степени. Плюс триста долларов к прайсу. А еще за триста пусть клиент сам обработает, а ты эту сволочь держи, чтобы не убежал.

— Гениально! — на лице Педро был написан полнейший восторг от осознания радужных перспектив развития его бизнеса. — Я знал, что от тебя толк будет. Тридцать процентов от допуслуг твои! Педро за базар отвечает!

— Я тут не за этим, — Мишка отложил в сторону палочки. — Что ты знаешь про Междумирье? То, что в Дархане?

— Знаю, что это полное дерьмо, — скривился Педро, с шумом вливая в себя половину бокала пива. — Не советую туда соваться, а тебе особенно. Ты же слабак совсем. Ты ту дверь не откроешь.

— А как три руны собрать, знаешь? — жадно спросил Мишка.

— Не знаю, — пожал плечами Педро. — И никто из тех, кого я знаю, этого тоже не знает. Да и знать этого не надо. Это типа местная легенда. Убить трех гончих одним патроном и ножом — нечего и думать. Это верное самоубийство. А тебе это зачем, собственно?

Мишка поднял руку, а на браслете на мгновение вспыхнула и погасла одинокая руна Феху. Педро скривился, словно от лимона и допил пиво.

— Да, ты все-таки законченный придурок, — подытожил он. — Надо себе доверять, первое впечатление всегда самое верное. Раз Гончие тебя уже один раз сожрали, для полного счастья осталось искупаться в Черном озере. Это для завершения образа обязательно нужно сделать. Иначе ты как бы не совсем придурок будешь.

— Что ещё за озеро такое? — подался вперед Мишка.

— Да просто озеро, ничего особенного, — равнодушно пожал плечами Педро, перед которым поставили героических размеров стейк. — Только вода в нем черная, как смола. И все, что туда попадает, умирает. Абсолютно все. И вот еще что! Если ты уж решил сдохнуть таким затейливым способом, прими бесплатный совет, парень. Купи себе самый обычный бинокль. Он стоит совсем недорого, но парочку жизней тебе точно сохранит.

Междумирье. Красная ветвь миров. Двадцатый второй день после релокации

Так вот как приходят сюда снова, понял Мишка. Он стоял в том же самом тупике, где погиб в прошлый раз и бросился оттуда, сломя голову. Он активировал карту, которая развернулась перед его взором огромной серой простыней. Дальний левый угол ее был ярко подсвечен, и там были четко видны дома, улицы, и даже тот самый тупик, где он погиб в прошлый раз. Он было помечен красным крестиком. Зеленая точка — это, видимо, то самое место, где Мишка находится прямо сейчас, и дальше карта была неактивна, словно приглашая исследовать огромные пространства Междумирья.

Мишка снова поднялся на крышу и залег, привычно разглядывая окрестности. Бинокль и, правда, оказался здесь неоценим. По крайней мере, многое теперь стало куда понятней. Крошечные точки где-то на грани видимости оказались Гончими, которые могли лениво лежать прямо на дороге или, наоборот, прятаться в какой-нибудь разбитой витрине. И их было довольно много. Мишка спускался с крыш и шел в направлении, противоположном тому, где видел хищников, но он неизменно находил их снова. Видимо, стаи этих тварей разбили город на зоны и патрулировали каждая свою территорию.

Он все так же проходил квартал за кварталом, пополняя свою карту новыми улицами и площадями. И он неоднократно натыкался на стрелки, которые раз за разом показывали на деловой центр этого города. Гончие засекали его еще пару раз, но он уходил от них испытанным способом, через балконы. Один раз ему даже пришлось активировать свое умение, иначе допрыгнуть у него просто не получилось бы. И он снова залезал на крышу и до боли вглядывался в бинокль, словно пытаясь увидеть заветную дверь.

«Не лезь в Черное Озеро!»

«Все двери в последнем коридоре — ловушка».

Такого рода надписи попадались ему тут и там. Видимо, те, кто терял жизни в проклятом Междумирье, пытались предупредить об опасностях новичков, таких, как он. Тех, кто еще не потерял надежду уйти отсюда.

Деловой центр был все ближе и ближе, а стаи Гончих встречались все чаще и чаще. И уходить от них стало все сложнее. Они явно могли общаться между собой, переговариваясь на недоступных людям частотах. Иначе сложно было объяснить странную разумность их действий. А еще, Мишка узнал, что он тут не один. Он разглядывал в бинокль одинокую фигурку человека, который шел по улице, оглядываясь по сторонам. Собственно, и сам Мишка вел себя здесь точно так же. Гончие появились через минуту после того, как человек свернул за угол. Они немного постояли, а потом пошли за ним гуськом, раздувая уродливые вывернутые ноздри. Еще через минуту до Мишки донеслись слабые крики, которые постепенно затихли. Кому-то сегодня не повезло. Мишка слетел вниз, и побежал, что есть мочи. Гончие ушли направо, значит ему налево. Пара кварталов точно будет свободна.

Старинные дома с лепниной довольно сильно отличались от тех, что были на окраине. Здесь дома стояли еще теснее, занимая порой целые кварталы. Мишка все так же шел по крышам, оглядывая окрестности. Иногда эти дома и вовсе представляли

собой огромные квадраты с двором-колодцем внутри. И они могли выходить на две улицы сразу, а то и вовсе стоять на широком перекрестке. С их крыш открывался шикарный обзор на сотни метров вперед.

Мишка никуда не спешил. Одно погружение в Междумирье — сутки. Потом его отсюда просто выбросит. Если ему повезет, конечно… Сегодня вот не повезло. Осторожное клацанье когтей по металлу кровли заставило Мишку вскочить и выхватить пистолет. Первая Гончая уже вылезла из двери чердака, а на ее безглазой морде снова читалось выражение самодовольства. Это звук ее когтей он услышал. Две другие Гончие показались секунд через тридцать, и теперь они шли прямо к нему, осторожно балансируя на покатой крыше.

Влип! — обреченно подумал Мишка, глядя на приближающуюся к нему смерть. Бежать тут некуда, псы окружали его полукольцом. Кого же застрелить из них? — промелькнула дурацкая мысль. Дурацкая она была потому, что гончие были совершенно одинаковые. Левую! Сухой треск выстрела разнесся по пустому кварталу, эхом отражаясь от стен домов. Гончая осыпалась черной пылью, а две других коротко рыкнули и ускорили шаг.

Две руны! Я взял две руны! И что с того? — думал Мишка, раз за разом погружая кинжал в бок Гончей. Они летели вниз, обнявшись в последнем смертельном объятии. Темнота!

Мишка не видел, как на его браслете вспыхнула и погасла руна Уруз, вторая из тех, что ему удалось сегодня собрать. Впрочем, это уже не имело никакого значения. Все три руны нужно было собрать за одно погружение, а прямо сейчас ветер развеивал черную пыль, что осталась на месте его тела, и тела убитой им Гончей. Напрасна была его смерть? Как сказать. До делового центра остался всего квартал. Запыленные стекла небоскребов были так близко, что Мишка уже видел в бинокль письменные столы и мониторы компьютеров на них. Его цель была близка.

Глава 19

Дархан. Красная ветвь миров. Двадцатый второй день после релокации

Жареная треска и сегодня была неимоверно хороша. Мишка бывал в портовой забегаловке почти каждый день, но наесться стряпней Густава никак не мог. Наверное, было какое-то волшебство в свежей рыбе, которая попала на сковороду прямо из рыбацкой сети. Посетители кафе, по всей видимости, разделяли Мишкины мысли, потому что ели вдумчиво, почти не отвлекаясь на разговоры. Единственное, что прерывало сосредоточенную работу челюстей, было пиво, которое лилось в глотки местных обитателей литрами, галлонами и пинтами. Как кому было удобно считать.

— Две руны? — с любопытством спросил Густав. — Ты все еще хочешь уйти отсюда? Зря! Тут ведь совсем неплохо.

— У меня там мама, — смущенно пояснил Мишка. — И она одна…

— Веская причина, — серьезно кивнул Густав. Ты уже добрался до подземной парковки или еще не успел?

— Парковка? — напрягся Мишка. — Какая парковка?

— Подземная парковка под самым высоким зданием в центре. Там банк какой-то, — пояснил Густав. — До нее почти все добирались, кого ты тут видишь. Прямо от нее начинается длинный коридор, который и заканчивается дверью. Ее-то и надо открыть. Все просто, парень.

— И никто из вас ее не открыл, — продолжил его мысль Мишка.

— Никто, — подтвердил Густав. — Красные Миры не отпускают нас. Видно, есть что-то такое, что держит нас здесь. А, может быть, мы на самом деле не так уж и хотим уходить отсюда. Именно поэтому мы все еще тут.

— Я знаю, что вас держит тут.

Мишка встал из-за стола, положив на стол десятку. Густав повернулся к нему, а на его лице появилось выражение недюжинного любопытства.

— И что же? — спросил он, вытирая руки о фартук.

— Вы не готовы идти до самого конца.

— А ты готов? — испытующе посмотрел на него Густав.

— Готов, — кивнул Мишка.

— Тогда иди, — абсолютно серьезно посмотрел на него

взрослый, битый жизнью мужик. — Я верю, у тебя все получится. Сколько жизней у тебя еще осталось?

— Семь.

— Удачи, Михель! Она тебе понадобится!

Восемь дней спустя. Эдем. Тридцать дней после релокации

Мишка оставил в проклятом Междумирье все жизни, кроме одной. Он шел в подвал того самого банка, и раз за разом бежал по длинному коридору, который заканчивался тяжеленной дверью, открывавшейся круглым колесом вместо ручки. Он добегал до нее уже пять раз, пробуя крутить запорный механизм, но все было тщетно. Мишку не обманули, силы его были слишком малы для этой задачи.

Он успел погибнуть и в Черном озере, и в крошечных тупиковых мирах, расположенных за другими дверями в том самом коридоре. В них не было ничего, кроме смерти от зубов Гончих. Они были ловушкой. Две последние смерти были похожи одна на другую. Он просто стоял и ждал, когда на него накинутся Гончие, ведь у него не было другого выбора. Он должен был идти до самого конца. Так сказал Оракул. Все, кто приходили сюда, останавливались в шаге от своей цели, боясь потерять последнюю жизнь. А ведь именно это придется сделать, если хочешь уйти из Красного Мира. Именно последняя жизнь не позволяла освободиться от его оков. Она тянула назад, словно камень, привязанный к ногам, не давая взлететь ввысь. Он сжег себя до конца, забрав с собой трех Гончих Лабиринта. И прямо сейчас он был в странном мире под названием Эдем. По крайней мере, именно это написала ему система, выбросив текстовое сообщение. Видимо, в Междумирье связь не работала, потому что сообщения посыпались одно за другим.

«Михель! Есть заказ из клубного мира. Серьезные люди. Три штуки в час. Левитация первого уровня в подарок от конторы.»

«Чего не отвечаешь? Мало? Ладно, три пятьсот. Но больше не дам!»

«Входящий перевод от мистера Ди Анджело. Три тысячи долларов.»

«Мистер Кляйн! Мне так жаль, что с вами так получилось. Я умоляю вас меня простить! Я верну все ваши деньги и заплачу неустойку. Но я вас заклинаю! Не советуйте больше ничего этому маньяку! Моя медицинская страховка не покрывает этого!»

«Входящий перевод от мистера Гомеса. Три тысячи двести

долларов.»

«Братан! Все круто! Бизнес попер! У меня очередь, прикинь! Я поднял расценки, но люди делают повторные заказы! Засылаю твою долю. Кинь какую-нибудь идейку. Конкуренты начинают копировать мой стиль.»

«Открой собственный канал и организуй видеотрансляцию», — ответил Мишка. Ему было ничуть не жалко местных кидал. Пусть их пример остановит других.

Он оторвался от сообщений, и на то была веская причина. Вокруг было очень красиво. Даже слишком, ведь Мишка попал в какой-то дивный сад, деревья в котором были покрыты цветами и плодами. Вроде бы так не должно быть, — подумал вдруг он, сорвав с ветки налитой спелостью персик. — Ведь деревья сначала цветут, а только потом плодоносят. Он впился зубами в брызжущий сладким соком плод и подумал: Это же невозможно.

— Тут все возможно, — очень пожилой мужчина в коляске серьезно смотрел на него из-за толстых линз очков. — Ведь это Эдем, мой личный мир. Тут я устанавливаю правила.

— А вы кто? — с любопытством спросил его Мишка. — Вы какой-то богатей с бриллиантовым аккаунтом? Поэтому у вас свой личный мир? Вы как бог-император с Деймоса?

— Это Лукас, — поморщился старик. — Никак не наиграется в свои звездные войны, мальчишка. Нет, у меня нет бриллиантового аккаунта, он мне не нужен.

— Так кто вы? — спросил Мишка.

— У меня много имен и много обличий, — ответил старик. Перед Мишкой появился Оракул, за ним Густав, а за ним привратник Междумирья. — Но ты можешь звать меня Чарли. Я Посланник.

— Почему я здесь? — спросил его парень. — Разве мой путь не закончен? Разве я сейчас не должен добираться в Преддверие Желтых Миров. Оракул… Точнее, вы меня обманули?

— Ты можешь попасть в Преддверие прямо сейчас, — примирительно поднял руки Чарли. — Но у тебя есть выбор, и ты должен о нем узнать.

— Там мама, — решительно сказал Мишка. — Какой еще у меня может быть выбор?

— Ты знаешь, почему люди встречают Оракула? — Чарли перевел разговор на другую тему.

— Наверное, чтобы получить ответ на тот вопрос, что их волнует больше всего, — подумав, ответил Мишка. — Мне вот была нужна работа, и он сказал мне, как ее получить. Не лучший вариант, конечно, но уж как получилось.

— Точно! — лукаво прищурился Чарли. — А как думаешь,

чего захочет твоя мама, когда попадет в Красный Мир?

— Когда попадет? — нахмурился Мишка. — Она не должна сюда попасть. Но если бы попала, то захотела бы немедленно увидеть меня. Или услышать…

— Бинго! — расцвел в улыбке Чарли, протягивая ему телефон. — Говори!

— Мама? — неверяще спросил Мишка.

2047 год. Реальный мир. г. Финстервальде. Германия. Неделю назад

Анна Кляйн шла на заброшенный завод, где уже давным-давно вместо дисциплинированных рабочих окопались бродяги и уличные банды. Ее тело словно обрело новые силы, изрядно подточенные ожиданием эвтаназии. Невысокая худенькая женщина в дешевом платье смотрелась на заводе настолько дико и чужеродно, что крепкий парень, стоявший на входе в бывшее знание администрации, даже выругаться позабыл. Так он был удивлен.

— Вы, фрау, чего здесь забыли? — спросил он, изумленный видом посетительницы. Тут такого не было еще никогда.

— Мне нужен Гюнтер Вайс, — твердо ответила Анна.

— Вы уверены? — прищурился бандит. — Может, пойдете домой подобру-поздорову. Я вас даже до выхода провожу, чтобы ненароком не обидел никто. Тут много всяких негодяев ошивается.

— Скажите Гюнтеру, что к нему пришла фрау Кляйн, его учитель математики.

— Не знал, что босс ходил в школу, — почесал затылок парень. — Надо же. И ведь сроду не подумаешь!

Он вернулся минут через пять, и повел Анну по облезлым коридорам, где большая часть дверей была выломана. Впрочем, кабинет Гюнтера, босса самой большой банды города, состоявшей из местных, напоминал офис средней руки. Тут даже компьютер стоял, который был явно запитан от ветряка, который громыхал разбитым подшипником где-то на крыше. За столом сидел коротко стриженый здоровяк с переломанным носом и еще двое парней, которые не сильно от него отличались. Это были очень опасные люди, и Анна невольно поежилась.

— Фрау Кляйн, — Гюнтер даже привстал из-за стола в знак приветствия. — Какими судьбами?

Гюнтер был несказанно удивлен, а его друзья и вовсе

уставились на Анну так, словно она была привидением. Невысокая сухонькая женщина смотрела на бандитов прямо и уверенно, как смотрят люди, которым нечего терять.

— Я к тебе с просьбой, Гюнтер, — сказал она. — Ты, конечно, в школе был отчаянным сорванцом, я это хорошо помню. Но у тебя всегда было доброе и справедливое сердце.

— А? — неприлично раскрыл рот босс местной мафии. — У кого доброе сердце? У меня, что ли?

— У тебя, у тебя, — кивнула Анна. — Мне ли не знать.

— Чем я могу вам помочь, фрау Кляйн? — вежливо спросил Гюнтер. На лице бандитов по-прежнему было написано неописуемое удивление.

— Может быть, ты слышал, что мой Михель недавно получил пожизненное заключение?

— Так это все-таки был ваш сын? — Гюнтер выпустил в потолок струю сигаретного дыма. — Мне говорили, а я все не верил. Не может быть, говорил, чтобы у такой матери сын живых людей налево и направо валить начал. Мужик! Уважаю! Пристрелил эту мразь, Бехара! Так что хотели-то?

— Два пистолета, — стеснительно ответила фрау Кляйн и протянула бумажку. — Желательно вот этой марки. И хороший запас патронов. Ты не думай, у меня и деньги есть! Я пищевой синтезатор продала. Мне он больше ни к чему, мне все равно скоро на эвтаназию идти.

В кабинете Гюнтера повисла пронзительная тишина.

— Охренеть! — отчетливо произнес кто-то. — Чтоб я сдох!

— Парни, я сплю! — с идиотским выражением лица сказал Гюнтер. — Мне это снится! Фрау Кляйн, вы что, решили красиво уйти из жизни? Я ничего не путаю? Вы хотите попасть в Красный Мир, чтобы увидеться с сыном? И ради этого вы готовы перебить кучу народу?

— Что ты, Гюнтер! — ласково улыбнулась Анна. — Мне на такое духу не хватит. Это сделает Марта, девушка Михеля. А я попросила ее взять меня с собой.

— Денег не надо, — выдавил Гюнтер. — Вам все принесут домой через пару часов. Всего хорошего, фрау Кляйн. Вас проводят до подъезда.

— Босс, что это было? — парни за столом испытующе смотрели на Гюнтера, а один из них сказал. — Это же просто школьная училка. Зачем тебе ей вообще помогать? Я своих до сих пор ненавижу.

— Ты ничего не понял, — жестко ответил Гюнтер, которого уже покинула минутная слабость. — Мы слегка задолжали ее сыну. Он завалил Бехара и его бригадиров. Албанцев можно

теперь брать голыми руками. Отказать ей — не по понятиям будет. И еще! Вот я кого-нибудь хоть раз на деньги обманул?

— Не было такого, — замотали головами парни. — Ты же считаешь, как калькулятор.

— Это потому, что она у меня математику вела, — пояснил Гюнтер. — Я, мля, читаю по слогам и только недавно по телеку услышал, что Земля круглая, а цифры в уме умножаю и делю без единой ошибки. Да если бы все учителя, такими как она, были, я, может быть, сейчас на нормальную работу ходил. Понял?

Эдем. Тридцать дней после релокации

— Мама? — Мишка не верил своим ушам. — Ты что, в Преддверии? Ты попала в Красные Миры? Но как? Что ты натворила?

— Это все Марта, — с гордостью ответила мама. — Она такая смелая! Повезло тебе! Это она привела нас сюда.

— Марта? — нахмурился Мишка. — Не хочу ее видеть.

— Ты простишь ее, Мишенька, — голос матери был ласков и тверд. — Она пошла на это ради тех, кто был для нее важнее, чем ты.

— Родители? — озарило Мишку. — Им денег дали. Теперь понятно…

— Мишенька, ты сейчас где? — спросила вдруг мама. — Тут нам какой-то подозрительный мужик образовательные услуги предлагает… А, уже не предлагает. Марта ударила его ногой в пах. Она такая смелая! Я тебе об этом уже говорила?

— Говорила, — подтвердил Мишка. — Подождите меня, я скоро приду!

— Не сможешь, — сожалеющее сказал Чарли, забирая телефон. — У тебя же нет больше жизней. И отсюда нельзя вернуться назад. Таковы правила моего мира.

— Что же мне делать? — Мишка рухнул на стул, который появился позади него. — Они там, а я здесь.

— Ну что? Ты все еще хочешь уйти отсюда в Преддверие Желтых Миров? — улыбаясь, спросил его Чарли.

— Да что я там теперь забыл? — обхватил голову Мишка. — Мама не сможет пройти сюда. Марта — может быть, а мама точно нет. Она и стрелять не умеет. Я что, напрасно сжег все свои жизни?

— Не напрасно, — покачал головой Чарли. — Этому суждено было случиться.

— Так как же нам встретиться теперь?

— Может быть, я смогу помочь, — Чарли щелкнул пальцами, и в саду появились Анна и Марта, которые стали оглядываться в полнейшем недоумении. К ним подбежала косуля и стала ласково тереться о руку. Она не могла дотянуться до персика сама.

— Мишенька!

— Мама!

— Михель!

— Марта!

Все трое бросились обнимать друг друга, а Чарли понимающе молчал, поглядывая на них из-за толстых стекол очков.

— Но как? — Мишка поглядел на Марту, которая явно выглядела куда красивее, чем была в жизни. Она каким-то образом стала той, кем была в игре. — Как вы умудрились попасть в Красную Ветвь Миров?

— Это долгая история, — вздохнула Анна. — Скажем так, сначала я сходила к Гюнтеру Вайсу, и он меня сильно выручил.

— Мама! — Мишка побледнел. — Он же отмороженный на всю голову псих! Ты с ума сошла?

— Да, Гюнтер стал бандитом, — упрямо сказала Анна. — Но у него все равно доброе сердце. Я помню, как он в пятом классе выхаживал птенца, который выпал из гнезда. Ему просто не повезло в жизни, Мишенька. Он связался с плохими людьми.

— Мама, это не ему не повезло, — ошарашено сказал Мишка, — это многим другим людям с ним не повезло. Ладно, обошлось, и хорошо. И что же было потом?

— А потом Марта навестила офис благотворительного фонда «Радуга», — продолжила Анна. — Она посадила юриста и директора перед камерой, и они рассказали все, что знали. И как через их фонд отмывались деньги, и как перечислялись взятки чиновникам, и как платили тем, кто перевозил наркотики.

— А потом? — с замиранием сердца спросил Мишка.

— А потом я в прямом эфире прострелила им головы, — вступила в разговор Марта и похвасталась. — Двадцать миллионов просмотров только за первые сутки!

— А потом мы с Мартой сдались полиции, — с легкой улыбкой сказала Анна. — И вот мы здесь. Это оказалось совсем несложно, как видишь.

— С ума сойти! — совершенно искренне сказал Мишка, а потом повернулся к Чарли. — Ну, и зачем вам все это было нужно? Ведь это вы все устроили?

— Не я, — покачал головой Чарли. — Я очень стар и умею манипулировать людьми, но я не умею заставлять их любить и жертвовать своей жизнью ради чего-то. Но кое в чем ты прав. Я

показал тебе путь сюда, как и многим другим, кто подавал надежды. Но прошел только ты.

— Зачем это было нужно? — снова спросил Мишка.

— Когда-то очень давно, один человек пошел на смерть ради других, — начал Чарли. — Он хотел искупить их грехи. У него получилось, и человечество получило еще один шанс. Но совсем скоро люди забыли то, что он говорил, и отступили от его учения. Они пустыми словами заменили дела, а суеверие постепенно заменило им веру. А потом даже эти жалкие остатки истинного света стали гаснуть, заменяясь тем, что было в далекой древности. Люди снова вернулись в язычество и поклоняются идолам.

— Золотой телец! — ахнула Анна, всплеснув руками. — Ведь написано: Пусть не будет у тебя других богов! Не сотвори себе кумира!

— Да, — кивнул Чарли. — Деньги стали для людей настоящим Богом. Заповеди господни первая и вторая нарушены, и кара нависла над родом людским, так же, как и тогда.

— Что же теперь будет? — Анна подалась вперед в испуге.

— Думаю, пока ничего, — ответил Чарли. — Он милостив, и он готов начать все сначала. Он нашел тех, кто готов принести себя в жертву ради других. Он терпелив, и умеет ждать. Пройдет десять-двенадцать поколений, и все грешники окажутся там, где им и положено находиться. Все эти ветви Зазеркалья и есть Преисподняя. Вы тогда все сказали верно, Анна. Место, где нет детского смеха — это и есть настоящий ад. Сказано было у Матфея: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Вы и ваши дети наследуете ее, потому что вы достойны.

— «Кроткие», это точно про нас с Мартой? — задумчиво спросил Мишка.

— Не придирайся к словам, — отмахнулся от него Чарли. — Это было написано очень давно, для других людей и при совершенно других обстоятельствах. Идите и будьте счастливы. Вы это заслужили.

Конец